

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА**

2024 ТОМ 32 № 1

Тема выпуска:

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1

<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал

Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Иberoамериканских исследований экономического факультета, Российский университет дружбы народов, директор Института Латинской Америки РАН, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Авирал Кумар Тивари – доктор экономических наук, бизнес-школа Раджагири, Кочи, Индия

Андропова И.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Бруно Серджио – доктор наук, профессор Университета Мессина, Мессина, Италия, исследователь Дэвис центра российских и евразийских исследований, Гарвардский университет, Кембридж, США

Вукочич Дарко – доктор наук, заведующий кафедрой страноведения, Географический институт Йована Цвнджича, Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Грубижич Зоран – доктор наук, заместитель декана, Белградская банковская академия, Белград, Сербия

Дегтерева Е.А. – доктор экономических наук, доцент кафедры маркетинга экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

Кузнецов А.В. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Маити Моинак – доктор наук, департамент финансов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Мадиярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Попкова Е.Г. – доктор экономических наук, профессор, президент АНО Институт научных коммуникаций, ведущий научный сотрудник кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, МГИМО, Москва, Россия

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия

Сергетис Аполосос – доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, Университет Калгари, Калгари, Канада

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: с 23.09.2022 — 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки); 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки); 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки); с 01.02.2022 — 5.2.4. Финансы (экономические науки); 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — один из ведущих российских научных журналов по экономике, издается Российским университетом дружбы народов с 1993 года.

В центре нашего внимания – актуальные проблемы мировой экономики.

На страницах журнала рассматриваются темы:

- Макроэкономика, экономическая теория и политика
- Экономический рост и развитие
- Экологическая политика и ресурсопользование
- Рынок труда и миграция
- Валютно-кредитные отношения
- Международная торговля

Цель журнала — публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики.

Среди наших авторов ведущие исследователи-экономисты из российских вузов и научных институтов, эксперты из европейских, американских и азиатских университетов.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.university

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *М.С. Решетникова, Ю.А. Коновалова*

Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 27.03.2024. Выход в свет 29.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,33. Тираж 500 экз. Заказ № 15. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

2024 VOLUME 32 NUMBER 1

Theme of Issue:

THE WORLD ECONOMY IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir M. Davydov, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Iberoamerican Studies Department, Faculty of Economics, RUDN University, Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Marina S. Reshetnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Yulia A. Konovalova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Aviral Kumar Tiwari – Doctor of Economics, Professor, Rajagiri Business School, Kochi, India

Inna V. Andronova – Doctor of Economics, Head of International Economic Relations Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Sergio Bruno – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina, Messina, Italy, Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Cambridge, USA

Ekaterina A. Degtereva – Doctor of Economics, Prof. Assoc., Marketing Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Zoran Grubišić – Doctor of Economics, Professor, Vice-Dean, Belgrade Banking Academy, Belgrade, Serbia

Nikolay P. Gusakov – Doctor of Economics, Full Professor, International Economic Relations Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Alexey V. Kuznetsov – Doctor of Economics, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

Sergey N. Lavrov – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Diana M. Madiyarova – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan

Yuri N. Moseikin – Doctor of Economics, Full Professor, Dean of the Economic Faculty, RUDN University, Moscow, Russia

Moinak Maiti – PhD, Associate Professor, Department of Finance, National Research University “Higher School of Economics”, Saint Petersburg, Russia

Elena G. Popkova – Doctor of Economics, Professor at MGIMO University, President of the autonomous non-profit organization “Institute of Scientific Communications”, Moscow, Russia

Sofia I. Rekord – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Apostolos Serletis – PhD, Professor of Economics, Department of Economics, University of Calgary, Calgary, Canada

Marina F. Tkachenko – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

Darko Vukovic – Doctor of Economics, Prof. Assoc., Head of Department for Regional Geography, Geographical Institute Jovan Cvijic, Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Nabi Ziyadullaev – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher, Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is an international peer-reviewed, open access journal for the field of economics and macroeconomics.

The journal publishes regular original research papers and reviews.

Particular emphasis is placed on applied empirical and analytical work. The journal is open for innovative research approaches and methods.

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission in the specialties: 5.2.1 (Economic theory), 5.2.2 (Mathematical, statistical and instrumental methods in economics), 5.2.3 (Regional and sectoral economy), 5.2.4 (Finance), 5.2.5 (World Economy).

We focus on the current problems of the global economy.

The journal covers the following topics:

- Macroeconomics, economic theory and politics
- Economic development
- Growth and natural resources
- Labor market and migration
- Monetary and financial economics
- International trade

Our authors are known Russian scholars of economics who represent leading universities, as well as experts from foreign countries, including those from the top European, U.S. and Asian universities.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.university

Literary Editor *I.L. Pankratova*
English Text Editors *M.S. Reshetnikova, Yu.A. Konovalova*
Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

- Коновалова Ю.А., Мизинцева М.Ф., Митюшкина А.А.** Промышленная политика Индии: роль человеческого капитала.....7
- Мядзель В.С.** Торгово-промышленная политика США как вызов современной системе международных торговых отношений.....25

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

- Chernikov S.U., Chanthasy Vithaya, Degtereva E.A.** The relationship between the tourist attractiveness of the country and the sales of national brands: The example of BeerLao (Взаимосвязь туристической привлекательности страны и продаж национальных брендов на примере BeerLao).....37
- Ma XiangRu, Nezhnikova E.V.** Optimization path of China's energy industry structure under low carbon economy situation (Пути оптимизации структуры энергетической отрасли Китая в условиях низкоуглеродной экономики).....53

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Гусейнов Т.Т.** Азербайджан в региональных интеграционных процессах: роль и перспективы взаимодействия с ЕАЭС.....69

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

- Worku M.W., Muchara B.** Impact of institutional environment on foreign direct investment inflow to the manufacturing sector in Ethiopia (Влияние институциональной среды на приток прямых иностранных инвестиций в производственный сектор Эфиопии).....88

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Хмелева Г.А., Гусева М.С.** Современные научные подходы к установлению и развитию международных торгово-экономических отношений.....113

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

- Глухов Я.А., Иванова М.Б.** Миграционные процессы и управление ими в странах Южной Азии на примере Индии, Бангладеш и Пакистана.....135

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

- Reshetnikova M.S., Tretyakova S.S.** The USA — China Robotics Competition: Leading the Race in Innovation and Global Power (Глобальное соперничество: США и Китай в борьбе за лидерство в области роботизации и технологий).....154
- Попкова Е.Г.** Духовность в реалиях цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин.....170
- Чупин А.Л., Рагас А.А.М.А., Чупина Ж.С.** Исследование механизма внедрения инноваций в деятельность российских предприятий.....187

CONTENTS

ECONOMICS OF DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

Konovalova Yu.A., Mizintseva M.F., Mityushkina A.A. India's industrial policy: The role of human capital.....7

Miadzel V.S. U.S. trade and industrial policy as a challenge to the modern system of international trade relations.....25

ECONOMY OF INDUSTRIAL MARKETS

Chernikov S.U., Chanthasy Vithaya, Degtereva E.A. The relationship between the tourist attractiveness of the country and the sales of national brands: An example of BeerLao37

Ma XiangRu, Nezhnikova E.V. Optimization path of China's energy industry structure under low carbon economy situation53

INTEGRATION PROCESSES

Khuseynov T.T. Azerbaijan in regional integration processes: Role and prospects of interaction with the EAEU.....69

INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

Worku M.W., Muchara B. Impact of institutional environment on foreign direct investment inflow to the manufacturing sector in Ethiopia.....88

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Khmeleva G.A., Guseva M.S. Current scientific approaches to the establishment and development of international trade and economic relations113

GLOBAL LABOUR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

Glukhov Ya.A., Ivanova M.B. Migration processes and their management in South Asian countries on the example of India, Bangladesh and Pakistan.....135

INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMY

Reshetnikova M.S., Tretyakova S.S. The USA — China robotics competition: Leading the race in innovation and global power.....154

Popkova E.G. Spirituality in the realities of digitalization of society in the era of intelligent machines development.....170

Chupin A.L., Ragas A.A.M.A., Chupina Zh.S. Research of the mechanism of innovation implementation in the activities of Russian enterprises.....187

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

ECONOMICS OF DEVELOPED
AND DEVELOPING COUNTRIES

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-7-24

EDN: OQBPOL

УДК 339

Научная статья / Research article

**Промышленная политика Индии:
роль человеческого капитала****Ю.А. Коновалова¹ , М.Ф. Мизинцева² , А.А. Митюшкина¹**¹Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН,

Российская Федерация, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 47

 konovalova_yua@pfur.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение трансформации промышленной политики Индии и изменения роли человеческого капитала в ходе ее реализации и перехода на модель самообеспечивающегося экономического роста. Начиная с 1947 г. промышленная политика Индии претерпела несколько значительных ротаций, при этом ряд положений остаются актуальными и сегодня, одновременно затрагивая и усиливая роль человеческого капитала. Одна из ключевых проблем, рассматриваемых в работе, — очень высокая доля неорганизованного бизнеса, в котором задействовано, по разным оценкам, от 90 до 93 % общей численности рабочей силы, что влечет за собой социальные, так и экономические проблемы. Методологическую базу исследования составляют традиционные методы, используемые в работах данного типа, а именно: методы ретроспективы, индукции, дедукции, сравнения. Промышленная политика, реализуемая в стране с 1948 г., и ее трансформация сопровождались неоднозначными результатами не только с точки зрения экономических показателей, но и социальных. Главным результатом индустриализации страны явился тот факт, что Индия столкнулась с демографическим взрывом и серьезным несоответствием между структурными изменениями в объеме производства и структурой занятости — в сельском хозяйстве до сих пор занята подавляющая доля населения страны, при этом доля сельскохозяйственного сектора в структуре ВВП составляет порядка 15 %. Одной из самых весомых проблем

индийского рынка остается неформальная занятость. Несмотря на ряд разработанных и реализуемых программ по переходу работников из неформальной в формальную категорию занятых, значительных сдвигов так и не происходит.

Ключевые слова: Индия, промышленная политика, человеческий капитал, рынок труда, пятилетние планы, экономический рост, экономическое развитие

История статьи: поступила в редакцию 15 октября 2023 г.; проверена 14 ноября 2023 г.; принята к публикации 7 декабря 2023 г.

Для цитирования: Коновалова Ю.А., Мизинцева М.Ф., Митюшкина А.А. Промышленная политика Индии: роль человеческого капитала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 7–24. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-7-24>

India's industrial policy: The role of human capital

Yulia A. Konvalova¹ , Mariya F. Mizintseva² , Anna A. Mityushkina¹

¹*RUDN University,*

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²*Central Economic and Mathematical Institute of RAS,*

47 Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

 konvalova_yua@pfur.ru

Abstract. The aim of the study is to study the transformation of India's industrial policy and the changing role of human capital during its implementation and transition to a model of self-sustaining economic growth. Since 1947, India's industrial policy has undergone several significant rotations, while a number of provisions remain relevant today, simultaneously affecting and strengthening the role of human capital. One of the key problems considered in the work is the very high share of unorganized business, which employs, according to various estimates, from 90 to 93 % of the total workforce, which entails both social and economic problems. The methodological basis of the research consists of traditional methods used in this type of work, namely: methods of retrospective, induction, deduction, comparison. The industrial policy implemented in the country since 1948 and its transformation were accompanied by mixed results, not only in terms of economic indicators, but also social ones. The main result of the country's industrialization was the fact that India was faced with a population explosion, and a serious discrepancy between structural changes in output and employment structure — agriculture still employs the overwhelming share of the country's population, while the share of the agricultural sector in the structure of GDP is about 15 %. Informal employment remains one of the most significant problems in the Indian market. Despite a number of developed and implemented programs for the transition of workers from informal forms to regular jobs, significant changes have not occurred.

Keywords: India, industrial policy, human capital, labor market, five-year plans, economic growth, economic development

Article history: received October 15, 2023; revised November 14, 2023; accepted December 7, 2023.

For citation: Konovalova, Yu.A., Mizintseva, M.F., & Mityushkina, A.A. (2024). India's industrial policy: The role of human capital. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 7–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-7-24>

Введение

«Открытие» индийской экономики было фактически провозглашено первым ее премьер-министром Д. Неру с момента обретения страной независимости; одновременно это стало отправным моментом для более глубокой интеграции страны в мировое хозяйство, до 1947 г. интеграция страны происходила косвенно через метрополию. Модель экономического развития, разработанная и запущенная в стране с конца 1940-х гг., в экономической и научной общестственности получила название государственного капитализма, призванная решить не только широкий набор проблем в области промышленного развития, но и затрагивающая социально-экономическую сферу.

В основе экономических преобразований лежал инклюзивный подход и плановое начало, выраженное в Пятилетних Планах и программах развития, которые должны были быть ориентированы на решение конкретных проблем социального и экономического порядка, и не должны были бы повторяться из пятилетки в пятилетку. Одна из ключевых целей, заложенных в Пятилетние Планы, состояла в постепенном увеличении государственного сектора, расширении роли, веса и полномочий государства, и главным образом в отраслях индийской промышленности. Под государственный контроль были переданы отрасли индийской промышленности первой и второй категорий, была проведена национализация, создавались новые и модернизировались устаревшие виды производств.

Параллельно с усилением государственного сектора в индийской экономике, делался упор на инклюзивность, то есть вовлеченность в структурные преобразования всех секторов индийской экономики и социальных слоев населения. Считается, что впервые инклюзивность, как всеохватывающий подход, был предложен индийским экономистом Махадев Говинд Ранаде, по мнению которого экономическое развитие страны находится в прямой зависимости от совокупности целого ряда факторов, которые зачастую игнорируются, что приводит к «порочному кругу» нерешенных проблем.

«Более того, процесс развития экономики находится в тесной взаимосвязи между психологическими факторами и факторами, вытекающими из существования общественных институтов. Анализ и решение экономических проблем должным образом, как и экономическая политика, должны осуществляться с учетом особых условий страны и положения индийского народа. Только многостороннее и всестороннее развитие индийской экономики, по мнению Ранаде, а также, как и по мнению шведского ученого Г. Мюрдаля, может способствовать национальному благосостоянию страны. Ранаде также был одним из первых, кто задолго до разработки и реализации Пятилетних Планов

предвидел экономическое развитие Индии, которое должно быть скоординировано именно в плане, и настаивал на активной деятельности государства». Отдельное внимание в своих работах Ранаде уделял качеству человеческого капитала и проблеме высокой численности населения в стране, результатом которой является непропорциональное развитие регионов (Коновалова, 2023; Гопалакришнан, 1965).

Инклюзивность, как необходимая характеристика модели экономического развития Индии, должна была исходить не только из всеобъемлющего охвата экономики страны, но и из почти синхронного и поступательного развития ее секторов и слоев общества. Промышленная политика и ее последующие изменения опирались на модель пространственно-временного развития экономики Индии, одной из целей которой являлся поиск отраслей индийской промышленности, с выявлением и развитием их производственного и экспортного потенциала. Инклюзивный подход и пространственно-временная модель развития индийской экономики сохраняются и сегодня, при этом они значительным образом были дополнены целым набором экономических реформ начиная с 90-х гг. XX в.

Цель исследования — выявление характерных особенностей промышленной политики Индии с учетом влияния на нее такого фактора производства, как человеческий капитал.

Методы исследования

Методологическую базу исследования составили методы сравнения и ретроспективы, использование которых показало, что пространственно-временное и инклюзивное развитие экономики с опорой на человеческий капитал и промышленный сектор Индии остаются главными драйверами экономического роста и развития страны.

Промышленное развитие Индии с момента обретения страной независимости

Отправной точкой к разработке теоретических подходов в области экономического развития развивающихся стран можно считать 60-е гг. XX в., когда была подписана «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», при этом попытки разработать и реализовать модели экономического развития предпринимались еще в 1930-е гг. Одним из теоретических подходов, нашедших практическую реализацию не только в отношении экономики Японии, но и Индии (с рядом дополнений), явилась парадигма «Летящих гусей» и модель «от импортозамещения к ориентации на экспорт» (Коновалова, 2017; Пестова, Сухарева, Солнцев, 2011).

Параллельные проблемы, с которыми сталкивались страны, получающие независимость, это неэквивалентное участие в системе международных экономических отношений и международной торговле. В частности, это напрямую

было связано с низким уровнем производительных сил и неконкурентоспособностью производимой странами продукции, а также теми социально-экономическими условиями, сложившимися в результате колониального прошлого страны, культурных и традиционных особенностей (Смирнов, 1975; Коновалова, 2017; Мюрдаль, 1972).

После обретения страной независимости ведущей политической партией страны — Индийским национальным конгрессом — был взят курс на плановую экономику, разработку и реализацию Пятилетних Планов, индустриализацию, усиление государственного сектора и постепенную национализацию промышленности с поддерживающей ролью частного сектора. Смешанная модель индийской экономики, сформированная уже к 1947 г., характеризовалась сочетанием государственного капитализма и традиционного капиталистического предпринимательства. С момента учреждения Плановой комиссии под контроль государства передавались стратегические и важные отрасли индийской промышленности (первая и вторая категория/группа), в руках частного и государственно-частного сектора оставалась третья группа отраслей промышленности Индии (Григорьев, 1977). Однако, по мнению Е.А. Брагиной, ожидания индийского правительства в отношении эффекта и результативности предпринимаемых шагов были завышены и не были подкреплены ничем, поскольку у страны просто не было опыта самостоятельно разрабатывать и имплементировать экономическую политику. Более того, острой проблемой в процессе как разработки, так и реализации политики был очевидный дефицит кадров, а также значительное отставание сельского хозяйства от общего роста производительных сил и населения при его доминировании в структуре ВВП страны (Брагина, 1977; Рейснер, 1969).

После обретения страной независимости основополагающие принципы развития и регулирования промышленного сектора были оформлены в Резолюции о промышленном развитии 1948 г. В Резолюции было определено монопольное право государственного сектора в области производства продукции широкого спектра стратегических видов экономической деятельности, а также ограничивалось участие частного сектора в них; были учреждены специализированные организации, предоставляющие заемные средства промышленным предприятиям: Промышленно-финансовая корпорация, Национальная корпорация промышленного развития (Кондратьев, 1963; Куценков, 1959).

Новая резолюция о промышленном развитии, утвержденная в 1956 г., была ориентирована на еще большее усиление роли и участия государственного сектора в индийской промышленности, расширение полномочий и ответственности государства (Широков, Колонтаев, Егоров, Грановский, 1980; Кондратьев, 1963). Постепенная национализация и передача под государственный контроль предприятий промышленного сектора происходила сложно, при этом ряд видов экономической деятельности оставался закрепленным за частным сектором (черная металлургия, производство горношахтного оборудования, нефтяная промышленность, хлопчатобумажная

промышленность, джутовая, пищевая и сахарная). Главным фактором, осложняющим переход предприятий от частного сектора к государству, являлась нехватка средств, дефицит квалифицированных административных и инженерно-технических кадров (Кондратьев, 1963).

Первые успехи от проводимой в стране индустриализации индийская экономика увидела уже в течение первых 15 лет реализации трех Пятилетних Планов и программ развития, предпосылки для которых начали складываться задолго до 1947 г. и учреждения Плановой комиссии в 1950 г. (Егоров, 1967). Первые три Пятилетних Плана были сосредоточены на широкомасштабных государственных ассигнованиях в промышленный сектор страны, создании новых и модернизации уже функционирующих предприятий, особое внимание было уделено тяжелой промышленности и отраслям промышленности первого эшелона. Первые Пятилетние Планы не были свободны от недостатков, поскольку не носили инклюзивный характер и не могли охватить все сектора экономики Индии, устаревшее или недоиспользованное оборудование замедляло темпы и снижало эффективность индустриализации, трудности администрирования регионов страны затрудняли промышленное развитие на региональном уровне в совокупности с недоразвитой транспортной инфраструктурой (Егоров, 1967; Шарма, 1958; Lokanathan, 1935).

Региональное развитие индийской промышленности было закреплено «Промышленным актом» 1951 г. Документ охватил более 30 отраслей индийской промышленности и предполагал пропорциональное размещение промышленных предприятий по территории страны для решения проблем диспропорционального развития территорий (Широков, Колонтаев, Егоров, Грановский, 1980).

«В 50-х годах была разработана стратегия „самоподдерживающегося и самообеспечивающегося“ роста. В ее основу было положено освоение внутреннего рынка за счет его расширения и вытеснения импорта. Экспорт рассматривался как источник валюты для закупки отсутствующих элементов основного капитала» (Коновалова, 2017). Политика импортозамещения на первых порах носила достаточно избирательный характер. В ведении Таможенного управления, которое было учреждено в 1945 г., был передан сбор, мониторинг и анализ заявок промышленных предприятий о предоставлении таможенной защиты (Нараин, 1961). С 1960-х гг. начали предприниматься меры по усилению промышленного лицензирования, в рамках которых предприятиям промышленности требовалось получить разрешение и лицензию для создания, расширения деятельности или слияния предприятий. Предпринимаемые меры позволили расширить предпринимательскую базу мелкой и средней промышленности, а также кустарных производств, не подлежащих лицензированию (Маляров, 2010). Пересмотр модели импортозамещения к ориентации на экспорт сопровождался широкомасштабными государственными ассигнациями в предприятия промышленного сектора, главным образом ориентированного на экспорт (Коновалова, 2017). Окончательный переход к экспортоориентированной модели развития ин-

дийской экономики был провозглашен с началом экономических реформ 90-х гг. (Маляров, 2007; Маляров, 2010).

Положение о промышленной политике, утвержденное в 1973 г., определило перечень высокоприоритетных отраслей индийской промышленности, в которые был разрешен допуск инвестиций со стороны крупных промышленных предприятий и иностранного бизнеса. В 1977 и 1980 гг. Положение о промышленной политике было дополнено: усилия были сосредоточены на развитии мелких и средних производств, обновлении и модернизации промышленного оборудования, усилении конкуренции на внутреннем рынке¹.

Фактически промышленная политика, разработанная и запущенная в стране с 1948 г., легла в основу экономической модели развития Индии, которая в экономической и научной литературе получила название «модель государственного капитализма», то есть сочетание государственного планового начала, широкомасштабных государственных ассигнований, национализации, политики протекционизма и поддерживающей роли частного сектора. Самообеспечивающийся экономический рост происходил посредством усиления и увеличения роли и веса государственного сектора в индийской промышленности посредством импортозамещения, выкупа предприятий частного сектора, модернизации уже функционирующих и создания новых промышленных предприятий.

Человеческий капитал Индии

К моменту обретения страной независимости самым важным социальным явлением, с которым столкнулась страна, явился демографический взрыв (бум). Общее воздействие демографического взрыва на индийскую экономику сводилось к замедлению реализации и администрирования экономических преобразований. Были введены регулярные переписи населения, а также разработана первая среди развивающихся стран государственная демографическая политика (Коновалова, 2017).

В течение XX в. численность населения Индии значительным образом менялась, что сопряжено с рядом факторов, среди которых получение независимости, «открытие» Индии и получение доступа на зарубежные рынки товаров, в том числе медикаментов, связанный с этим демографический взрыв и неравномерный переток сельского населения в город как результат проведения индустриализации; это стало причиной резкой перегрузки городской инфраструктуры и неготовности самой экономики предоставить рабочие места возросшему числу соискателей. В 1900 г. численность населения Индии оценочно составила 238 млн человек, в 1800 г., для сравнения, в Индии (включая Пакистан и Бангладеш) проживало около 200 млн человек,

¹ Handbook of industrial policy and statistics 2008–2009. Ministry of commerce & industry. India. URL: https://eaindustry.nic.in/archive_data/archive/industrial_handbook_200809.pdf (accessed: 01.12.2023).

и рост населения был ограничен последствиями колониального режима, голодом и эпидемиями; неуклонный рост последовал после обретения страной независимости. Темпы прироста населения выше 20 % наблюдались в период с 1961 по 1991 г., когда были получены первые результаты после проведения индустриализации страны.

К 1961 г., по итогам переписи населения, численность населения страны составила 439,2 млн человек, к 1968 г., по оценкам Плановой Комиссии, она должна была составить уже 527 млн человек. К моменту активной реализации промышленной политики в 1960-х гг. доля сельского населения составляла порядка 80 %, преимущественно проживающих в 600 тыс. деревнях, большинство из которых численностью чуть более 500 человек. Более половины из указанных 439,2 млн человек — граждане в возрасте от 15 до 60 лет. В 1951 г. уровень грамотности в стране составлял около 18,3 %, к 2020 г. он увеличился до 75 %, при этом уровень грамотности среди мужчин все еще выше, чем среди женщин, что свидетельствует о проблеме гендерного неравенства и ограничений в области получения базового образования (к 2020 г. уровень грамотности среди мужчин составил около 85 %, среди женщин — 67 %). Основные сдвиги происходят на уровне начального школьного образования — именно в рамках начального школьного образования показатели по девочкам превосходят показатель по мальчикам.

За период с 1951 по 1991 г. произошло серьезное изменение в структуре распределения рабочей силы Индии по секторам экономики, в частности: если в 1951 г. на первичный сектор экономики приходилось 72,1 %, на вторичный сектор экономики пришлось 10,7 % рабочей силы, третичный сектор экономики аккумулировал на себе 17,2 % рабочей силы; к 1961 г. распределение по секторам было представлено следующим образом: 71,8, 12,2, 16 %; за период с 1971 по 1991 г. доля рабочей силы, задействованной в первичном секторе, сократилась с 72,1 до 66,8 %, доля рабочей силы во вторичном секторе экономики практически не изменилась и колебалась в коридоре от 11,2 до 13,5 %; доля рабочей силы в третичном секторе экономики в 1971–1991 гг. увеличилась с 16,7 до 20,5 %.

Относительное увеличение доли рабочей силы, задействованной в сельском хозяйстве (в данном случае это первичный сектор экономики), с 71,8 до 72,1 % за период с 1961 по 1971 г. произошло за счет роста числа домашних хозяйств и самозанятых, а также из-за сложностей трудоустроиться за пределами сектора сельского хозяйства.

Структура занятости Индии носит дуалистический характер, в первую очередь из-за того, что наравне с организованным сектором на рынке труда преобладающее место занимает неорганизованный сектор. Согласно переписи населения Индии 1991 г., доля организованного сектора от общей численности рабочей силы составила лишь 9,4 % (как покажут данные, представленные ниже, в настоящее время ситуация на рынке труда сохраняет данную тенденцию). Перепись также показала, что основными характеристиками неорганизованного сектора являются неорганизованный и разбросанный характер рабочих мест, низкий уровень членства и работы профсоюзов, отсутствие

оформленных и защищенных отношений между работниками и работодателями, низкий уровень оплаты труда, широко распространенная неполная или почасовая занятость, наемная работа при домашних хозяйствах. В разрезе по секторам большая часть работников неорганизованного сектора были заняты в сельском хозяйстве².

Сельское хозяйство и сегодня остается ключевым сектором, в котором занято большее число населения Индии: в 2019–2020 ф.г. численность занятых в сельском хозяйстве человек составила порядка 233,2 млн человек (из них 224,8 млн — сельские жители, 8,4 млн — городские), в промышленном секторе занято 121,2 млн человек (73,1 млн — сельские жители, 48 млн — городские), в секторе услуг — 157,5 млн человек (67,5 млн — сельские жители, 90 млн — городские); в относительном выражении на сельское хозяйство приходится 45,6 % всех занятых, на промышленность — 23,7 %, на сектор услуг — 30,8 % всех занятых. Порядка 60 % всех женщин, занятых в экономике, задействованы в сельскохозяйственных работах; 71 % всей рабочей силы страны относятся к сельским домохозяйствам и 29 % — к городским домохозяйствам.

Распределение рабочей силы по видам экономической деятельности в 2019–2020 ф.г. представлено следующим образом: 1,43 млн человек занято в секторе добычи и разработки, 57,07 млн человек — в обрабатывающих производствах, 1,64 млн — в службах газоснабжения и электроснабжения, 1,48 млн — в службах водоснабжения, 59,53 млн — в секторе строительства³.

Основы современной системы образования в Индии были заложены в XIX в.: в 1817 г. в Калькутте был основан Колледж Хинду (Hindu College), во многом на его открытие и методы образования повлиял Раджа Раммохун Рой, продвигающий европейские языки, стандарты и методы в обучении. В 1834 г. в Бомбее был открыт Институт Элфнистон (Elphinstone Institution), который должен был специализироваться на обучении граждан на высшие позиции в гражданской администрации. В 1857 г. Великобритания открыла в Индии три университета: в Бомбее, Калькутте, Мадрасе по образцу Лондонского университета, и, в первую очередь, это касалось экзаменационных органов и органов, выдающих ученые степени, преподавание проводилось на английском языке. В 1899 г. было учреждено Главное управление народного образования для консультирования центрального правительства по вопросам образования. Становление и развитие системы образования Индии происходило с учетом европейских стандартов, с 1904 г. в университетах начали появляться преподавательские кафедры. К моменту обретения страной независимости система образования Индии столкнулась с суще-

² Block 6. Labour and employment. Indian economic development since independence. Indira Gandhi National Open University School of Social Sciences. URL: <https://egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/62765/1/Block-6.pdf> (accessed: 01.12.2023).

³ Workforce Changes and Employment. NITI Aayog Discussion Paper 1/2022. Government of India. New Delhi. URL: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-02/Discussion_Paper_on_Workforce_05042022.pdf (accessed: 01.12.2023).

ственными проблемами, выраженными, прежде всего, в том, что только 12 % населения страны было грамотным, 8 % получили одну из форм образования. При этом только 7 % из общего объема ассигнований, выделяемых государством в рамках Первого Пятилетнего Плана, были определены на развитие системы образования. В период реализации Второго Пятилетнего Плана данный показатель был сокращен до 6 %⁴.

По мнению М.Х. Хука, Пятилетние Планы очень нечетко определяли роль образования в экономических преобразованиях стран Южной и Юго-Восточной Азии, более того, образование даже не рассматривалось как одна из целей, образование рассматривалось как один из необходимых факторов в обеспечении экономического роста страны. Понимание пришло только в ходе преобразований и понимания, что отсталость экономики напрямую связана с уровнем квалификации и образования не только рабочих, но и административного персонала: за период с 1950–1951 гг. по 1960–1961 гг. число учащихся в начальной и средней школе увеличилось с 23 млн человек до 37 млн человек, при этом доля учащихся в возрастной группе от 6 до 17 лет увеличилась с 25 до 40 %. За это же десятилетие число поступивших в высшие учебные заведения увеличилось с 300 тыс. человек до 600 тыс. человек (здесь охватывается возрастная группа с 17 до 23 лет); число университетов увеличилось с 27 до 46, а число филиалов и входящих в их состав колледжей — с 542 до 1000, к 1970–1971 гг. число вузов составило уже 80, а число филиалов и колледжей — 2600⁵.

Стремительный рост числа высших учебных заведений, а также школ, колледжей и филиалов вузов, в первую очередь, связан с новыми условиями, с которыми столкнулась страна после обретения независимости и осознания необходимости разработки и проведения экономических преобразований и индустриализации, кроме того, обнажилась проблема серьезных диспропорций в структуре населения, а также катастрофически низкие показатели охвата образованием граждан. Преобразования в области системы образования в Индии начались с 1948–1949 гг., когда была создана комиссия «Радхакришнана» по образованию в университетах, в 1953 г. была создана комиссия по университетским грантам, в 1964–1966 гг. — комиссия «Котари» по образованию. Комиссия 1948–1949 гг. была создана для мониторинга, анализа и выработки рекомендаций и практических решений в области образования. Финансирование института образования взяли на себя Центральное правительство и правительства Штатов, с их же согласия создавались университеты. В ведении комиссии также находились разработка и корректировка учебных стандартов и программ, объемы и цели финансирования вузов, определение условий труда профессорско-препода-

⁴ A Study of the Educational System of India and Guide to the Academic Placement of Students from India in United States Educational Institutions. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED054021.pdf> (accessed: 01.12.2023).

⁵ A Study of the Educational System of India and Guide to the Academic Placement of Students from India in United States Educational Institutions. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED054021.pdf> (accessed: 01.12.2023).

вательского состава. Цели высшего образования, определенные комиссией 1948–1949 гг., отражали необходимость соответствия системы высшего образования и его переориентации под нужды экономических преобразований и индустриализации страны⁶.

Образование является одним из основополагающих конституционно гарантированных гражданских прав, в соответствии с которыми получение образования доступного и полного должно быть гарантировано всем детям в возрасте с 6 до 14 лет.

Ключевую роль в системе образования Индии с точки зрения органа исполнительной власти играет Министерство развития человеческих ресурсов (The Ministry of Human Resource Development). Поскольку получение образования является приоритетом на пути улучшения качества и уровня жизни индийских граждан, 26 сентября 1985 г. было учреждено данное министерство. Сегодня министерство состоит из двух ключевых департаментов: Департамента грамотности и школьного образования и Департамента высшего образования.

К 2020–2021 гг. число университетов, функционирующих в Индии, составило 1113, увеличившись с 2019–2022 гг. на 70 единиц; 657 из указанных 1113 университетов являются государственными публичными университетами (235 университетов центрального правительства и 422 университета под юрисдикцией штатов), 10 частных университетов (с внешним финансированием) и 446 частных (без внешнего финансирования), 17 женских университетов (в 2014–2015 гг. их число составляло 11), 16 открытых университетов и 112 университетов с программами двойных дипломов; 615 университетов общеобразовательного профиля, 188 — технических, 63 — сельскохозяйственного профиля, 71 — медицинский университет, 26 — юридических, 19 — санскритских университета, 8 — языковых, остальные 121 — университеты иных специализаций.

Число колледжей по итогам 2020–2021 гг. составило 43 796 (в 2019–2020 гг. — 42 343), 21,4 % из них — государственные колледжи, 13,6 % — частные колледжи, 65 % — частные колледжи без внешнего финансирования, 10,5 % — женские колледжи и 0,2 % (или 72) — мужские колледжи. Порядка 43 % всех университетов и 61,4 % колледжей расположены в сельской местности. Наибольшее число университетов расположено в следующих штатах и союзных территориях: Уттар-Прадеш, Махараштра, Карнатака, Раджастхан, Тамил-Наду, Мадхья-Прадеш, Андхра-Прадеш, Гуджарат, Телангана и Керала.

Общий охват высшим образованием в 2020–2021 гг. (численность зачисленных) составил около 4,13 крор человек (1 крор — 10 млн единиц), по сравнению с 2019–2020 гг. — 3,85 крор человек; из 4,13 крор человек 51,3 % (2,12 крор) — мужчины, 48,7 % (2,01 крор) — женщины. Из 4,13 крор, зачисленных на про-

⁶ Hossain A., Mondal G.C. History and milestones of higher education in India // International Journal of Research and Analytical Reviews. Vol. 6. Iss. 1, 2019. URL: http://ijrar.com/upload_issue/ijrar_issue_20542912.pdf (accessed: 01.12.2023).

граммы высшего образования в 2020–2021 гг. студентов, 14,2 % — представители зарегистрированных каст и 5,8 % — представители зарегистрированных племен, 35,8 % — представители отсталых классов и 44,2 % — представители других сообществ.

Примечательно, что на государственные университеты, доля которых в общем числе вузов составляет 59,1 %, приходится 73,1 % всех зачисленных по итогам 2020–2021 гг.; 33,5 % всех зачисленных поступили на программы «Искусство», 15,5 % — на программы «Научные специальности», 13,9 % — на программы «Торговля», 11,9 % — на программы «инженерно-технические науки».

На программы уровня «Аспирантура» 20,56 % всех зачисленных поступило на направление «Социальные науки», 14,83 % — на направление «Естественные науки»; на уровне «доктора философии» самый высокий уровень зачисления наблюдается в области «Инженерии и технологий» (27,3 %), за которыми следуют естественные науки (23,4 %).

Общее число зарубежных студентов из 163 стран, зачисленных на программы высшего образования, составило 48 035, из которых 28,26 % — граждане Непала, 8,49 % — Афганистана, 5,72 % — Бангладеш, 3,8 % — Бутана, 3,33 % — Судана, 5,12 % — граждане США, 2,9 % — Нигерии, 2,7 % — Танзании, 2,3 % — Йемена.

Помимо показателей зачисления на программы высшего образования важную роль играют административный персонал и профессорско-преподавательский состав (ППС): общее число ППС составило 1,5 млн человек, из которых 57,1 % — мужчины и 42,9 % — женщины, по сравнению с 2019–2020 гг. численность ППС увеличилась на 47,9 тыс. человек (на 100 преподавателей мужского пола приходится 75 преподавателей женского пола); численность административного и вспомогательного персонала составила 1,395 млн человек, из которых 65,9 % — мужского пола и 34,1 % — женского⁷.

В стране по состоянию на 2022 г. функционирует 1005 бирж, 76 из которых занимаются трудоустройством при университетах (в стране сегодня работает 1113 университета); 42 биржи труда обеспечивают трудоустройство лиц с ограниченными возможностями по здоровью, 14 бирж предназначены для специалистов и руководителей высшего звена, 5 бирж — исключительно для женщин.

В 2022 г. на биржах труда было зарегистрировано 4 млн соискателей, из которых 15 млн человек — женщины и 25 млн человек мужчины; в региональном разрезе из новых зарегистрированных соискателей 510 тыс. человек — жители штата Керал, 490 тыс. человек — жители штата Махараштра, 480 тыс. человек — жители Тамил-Наду, 400 тыс. человек — Уттар-Прадеш; 3,6 млн человек имели образование; 710 тыс. человек — представители зарегистрированных каст, 240 тыс. — представители зарегистрированных племен.

⁷ AISHE 2020–21. Ministry of Education. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/statistics-new/AISHE_Report_2020_21.pdf (accessed: 01.12.2023).

Численность рабочей силы в Индии составляет 434 млн человек (около 30 % населения), при этом число занятых в экономике страны составляет 406,4 млн человек, на постоянном учете на биржах труда состоит 45,7 млн человек, а численность безработных — 27,6 млн человек. Отдельной проблемой рынка труда Индии является наличие неформального организованного и неформального неорганизованного сектор⁸. По оценкам экспертов, доля неформального неорганизованного сектора от общей численности рабочей силы составляет от 90 до 93 %. «В экономической структуре Индии подавляющее большинство составляют мелкие и мельчайшие предприятия с занятостью менее 10 человек, которые, как правило, не попадают в официальную отчетность»⁹ (Брагина, 1977).

Данные за 2022 г., опубликованные Международной организацией труда (МОТ), не соответствуют сведениям, предоставляемым индийскими органами исполнительной власти: в частности, численность рабочей силы, по данным МОТ, составила 467,4 млн человек (в возрасте 15+ лет), в возрасте 15–64 лет — 450 млн человек¹⁰.

Под «неорганизованным сектором» понимается предприятие, принадлежащее отдельным лицам и самозанятым работникам, а также занятым в производстве или продаже товаров, или предоставлением услуг, при этом число работников, при необходимости нанимаемых предприятием, не должно превышать 10 человек.

Термин «неорганизованный работник» был определен Кодексом о социальной безопасности (2020 г.) — это работники домашних хозяйств, самозанятые или работники с оплатой труда, задействованные в неорганизованном секторе, а также в организованном секторе, на которых не распространяются «Закон о промышленных спорах» 1947 г. (Industrial Disputes Act), главы 3–7 Кодекса

⁸ «В 1993 г. 15-я Международная конференция статистиков труда (МКСТ МОТ) предложила определять неформальный сектор как совокупность производственных единиц, состоящую из предприятий, не имеющих юридического лица и принадлежащих домохозяйствам, включая неформальные предприятия, которые работают на себя, и предприятия неформальных работодателей (как правило, малые предприятия, не имеющие регистрации). По этому определению понятие неформальности распространяется только на предприятия. В 2003 г. 17-я Международная конференция статистиков труда приняла рекомендации, в которых неформальность рассматривается с точки зрения рабочих мест. МКСТ предложила определять неформальную занятость как «любую оплачиваемую работу (как самозанятость, так и наемный труд), которая не регистрируется, не регулируется и не находится под защитой действующих законодательных или нормативно-правовых систем, равно как неоплачиваемую работу на предприятиях, приносящих доход. Неформальные работники лишены гарантированной занятости, пособий для работающих, социальной защиты или представительства своих интересов»; Работники неформальной экономики. Восточная Европа и Центральная Азия. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/wages/WCMS_549957/lang--ru/index.htm (дата обращения: 01.12.2023).

⁹ Брагина Е.А. Рынок руда современной Индии. ИМЭМО РАН, Новости и события, Новость подробно, 2018. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rinok-truda-sovremennoy-indii> (accessed: 01.12.2023).

¹⁰ ILO Stat. International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer24/?lang=en&id=IND_A (accessed: 01.12.2023).

(а именно: Фонд обеспечения сотрудников, Государственная страховая корпорация сотрудников, безвозмездные выплаты, пособие по беременности и родам, компенсация работникам).

Работники, относящиеся к неорганизованному сектору, главным образом задействованы в таких работах, как: скатывание биди (азиатские сигареты), изготовление агарбатти (благовонные палочки), изготовление папада (азиатские хлебные лепешки), пошив, стирка и глажка одежды, уличная торговля, различные виды работ на полдня, выполнение погрузочных/разгрузочных работ, обжиг кирпича, работа в кожевенных и обувных мастерских, домашние работники/серванты/прислуга, работа рикшами, участие в черных и строительных работах и др. Работники неорганизованного сектора не защищены от цикличности и непостоянства занятости, отсутствия формальных и установленных отношений между работниками и работодателями, отсутствия неадекватной социальной защиты¹¹.

Согласно «Закону о промышленности (развитии и регулировании)» 1951 г., все производственные подразделения, в которых занято 10 и более работников, предприятия, а также предприятия, где проведено и используется электричество, а число работников составляет 20 и более, обязаны регистрироваться. Этот сегмент рынка труда называется «зарегистрированным» или «организованным». Термин «неформальный сектор» также используется для обозначения незарегистрированного сектора.

За период с 1951 по 1995 г. численность населения страны, отнесенной к рабочей силе, увеличилась со 162 млн человек до 339,2 млн человек, численность занятых в экономике страны за тот же период увеличилась с 161,7 млн человек до 320,5 млн человек, численность, не занятых в экономике работников, за указанный период увеличилась с 0,34 млн человек до 18,7 млн человек, при этом уровень безработицы увеличился с 0,21 до 5,5 %.

По данным «Economic Survey», опубликованным в 2021–2022 ф.г., в 2019–2020 ф.г. в формальном организованном секторе было задействовано 5,09 крор человек (50,9 млн человек), в формальном неорганизованном — 800 тыс. человек, в неформальном организованном секторе — 4,46 крор человек (44,6 млн человек), в неформальном неорганизованном секторе — 43,19 крор человек (431,9 млн человек), итого в формальном секторе заняты 58,9 млн человек, в неформальном — 476,4 млн человек.

Анализ структуры занятости индийского населения показывает, что более 232,7 млн человек (данные 2019–2020 ф.г.) было занято в секторе сельского хозяйства, 1,5 млн человек — в добывающем секторе, 62,4 млн человек — в обрабатывающих производствах, 3,5 млн человек — в услугах водоснабжения, электроснабжения и т.д., 62,2 млн человек — в строительных услугах, 74,7 млн человек — в торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, 31,5 млн человек — в транспортных услугах, услугах по хранению и ком-

¹¹ Annual Report 2022–23. Ministry of Labour & Employment Government of India. URL: https://labour.gov.in/sites/default/files/ar_2022_23_english.pdf (accessed: 01.12.2023).

муникационных услугах, 67,1 млн человек — заняты в других видах экономической деятельности, всего в 2019–2020 ф.г. численность занятых в экономике страны составила более 535,3 млн человек (из которых более 88 %, или 476,4 млн человек, — заняты в неформальном секторе экономики), численность безработных — 28,1 млн человек, а численность рабочей силы — 563,4 млн человек¹².

В 2021 г. Министерством труда и занятости Индии был разработан и запущен портал «eShram», основной задачей которого является создание национальной базы данных неорганизованных работников. Это первая в истории Индии национальная база данных неорганизованных работников, включая трудовых мигрантов. По самым последним данным (ноябрь 2023 г.), на портале уже зарегистрировано 291,7 млн человек, 152 млн из них работают в секторе сельского хозяйства, 28,2 млн человек — заняты в домашних хозяйствах, 26,3 млн человек — в строительных услугах, 18,2 млн человек — в производстве одежды, 12,5 млн человек — в других видах экономической деятельности¹³; 52,89 % зарегистрированных — женщины, 47,11 % — мужчины; 60,87 % зарегистрированных приходится на работников в возрасте 16–40 лет, 22,84 % — в возрасте 40–50 лет; в разрезе по штатам больше всего зарегистрированных работников приходится на штат Уттар Прадеш (83,1 млн человек)¹⁴.

Значительные корректировки в современное состояние рынка труда внесла пандемия COVID-19. В частности, если в июне 2019 г. уровень городской безработицы составлял 8,9 %, годом позднее в июне 2020 г. показатель составил уже 20,9 %, к сентябрю 2022 г. — показатель сократился до 7,2 %. Несмотря на кризисные явления, с которыми столкнулась индийская экономика, государственные расходы в структуре ВВП остались на том же уровне и с 2015–2016 ф.г. по 2022–2023 ф.г. увеличились незначительно — с 2,8 до 2,9 % (увеличившись в абсолютном выражении с 391,8 тыс. кроров инд. рупий до 757,1 тыс. инд. рупий)¹⁵.

Заключение

Исследование показало, что, несмотря на индустриализацию, реализацию промышленных политик и программ развития, в том числе заключенных в Пятилетних Планах, программ развития образования и рынка труда, индийская экономика все еще остается несвободной от недостатков и не-

¹² Economic Survey 2021–2022. Ministry of Finance. Government of India. URL: https://www.ibef.org/download/Economic_Survey-2021-22.pdf (accessed: 01.12.2023).

¹³ Dashboard. E-Shram. Ministry of labour and employment. Government of India. URL: <https://eshram.gov.in/dashboard> (accessed: 01.12.2023).

¹⁴ Dashboard. E-Shram. Ministry of labour and employment. Government of India. URL: <https://eshram.gov.in/dashboard> (accessed: 01.12.2023).

¹⁵ Economic Survey 2022–2023. Ministry of Finance. Government of India. URL: https://www.ibef.org/download/economic_survey_2022-23.pdf (accessed: 01.12.2023).

решенных проблем, среди которых: диверсификация рынка труда на организованный и неорганизованный сектора, принципиальное и хроническое превалирование неорганизованного сектора, вытекающие из этого проблематичность мониторинга и анализа рынка труда; сосредоточение большей части рабочей силы в секторе сельского хозяйства; численность рабочей силы к общей численности населения страны составляет чуть более 31 %, что, очевидно, является недостаточным в сравнении, например, с Китаем, где численность рабочей силы составляет более 50 % (более 700 млн человек против 439 млн человек в Индии). Учитывая стремление превращения страны в глобальный промышленный хаб, необходимым представляется пересмотр политики в области занятости, в том числе в неорганизованном секторе.

Список литературы

- Брагина Е.А.* Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность / Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. М.: Мысль, 1977. 261 с.
- Гопалакришнан П.К.* Развитие экономической мысли в Индии. М.: Наука, 1965. 202 с.
- Григорьев А.С.* Развитие экономической мысли в странах «третьего мира». Львов: Издательское объединение «Вища школа», 1977. 176 с.
- Егоров И.И.* Финансирование планов экономического развития Индии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1967. 215 с.
- Кондратьев В.А.* Промышленность Индии. Основные тенденции развития после 1947 г. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. 246 с.
- Коновалова Ю.А.* Россия-Индия: сотрудничество в XXI веке. М.: Экон-Информ, 2017. 251 с.
- Коновалова Ю.А., Гусаков Н.П., Федакина Л.Н.* Промышленная политика Индии: драйвер экономического развития страны с 1947 г. до начала экономических реформ 90-х гг. Ч. 1 // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/18ECVN423.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
- Куценков А.А.* Индия. Экономика и внешняя торговля. М.: Внешторгиздат, 1959. 329 с.
- Маляров О.В.* Экономическая реформа в Индии / Институт востоковедения РАН; Центр индийских исследований. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 75 с.
- Маляров О.В.* Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики: [в 2 кн.] / Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: Восточная литература, 2010. Кн. 1. 743 с.
- Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира» / сокращенный перевод с английского; общая редакция Р.А. Ульяновского. М.: Прогресс, 1972. 767 с.
- Нараин Л.* Экономика Индии / пер. с англ. Ю.В. Каменского [и др.]; под общ. ред. и с вступ. статьей А.И. Левковского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 607 с.
- Пестова А.А., Сухарева И.О., Солнцев О.Г.* О стимулировании притока прямых иностранных инвестиций в российскую экономику с целью повышения «качества» экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2011. № 1. С. 136–154.
- Рейснер Л.И., Широков Г.К.* Планирование в Индии / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, 1969. 278 с.
- Смирнов В.В.* Роль внешних факторов в экономическом развитии стран «третьего мира». М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. 179 с.

- Шарма Тульси Рам. Размещение промышленности в Индии / пер. с англ. М.К. Федоренко. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. 416 с.
- Широков Г.К., Колонтаев А.П., Егоров И.И., Грановский А.Е. Экономика Индии: Общая характеристика. М.: Наука, 1980. 271 с.
- Lokanathan P.S. Industrial Organisation in India. London school of economics and political science, 1935. P. 416.

References

- Bragina, E.A. (1977). Developing countries: Public Policy and Industry. *Institute of World Economy and International Relations of the USSR Academy of Sciences*. Moscow: Mysl', 261 p. (In Russ.).
- Egorov, I.I. (1967). Financing plans for the economic development of India. *Nauka Publishing House. The main editorial office of Oriental literature*. Moscow. 215 p. (In Russ.).
- Gopalakrishnan, P.K. (1965). *The development of economic thought in India*. Moscow: Nauka. 202 p. (In Russ.).
- Grigoriev, A.S. (1977). The development of economic thought in the countries of the “third world”. Lviv. *Publishing association “Vishcha shkola”*. 176 p. (In Russ.).
- Kondratiev, V.A. (1963). Industry of India. The main trends of development after 1947. Moscow: Publishing House of socio-economic literature. 246 p. (In Russ.).
- Konovalova, Yu.A. (2017). Russia-India: cooperation in the XXI century. *Econ-Inform*. Moscow. 251 p. (In Russ.).
- Konovalova, Yu.A., Gusakov, N.P., & Fedyakina, L.N. (2023). India's manufacturing policy: driver of country's economic development from 1947 to the beginning of economic reforms in the 90s. *The Eurasian Scientific Journal*. 15(4): 18ECVN423. <https://esj.today/PDF/18ECVN423.pdf>. (In Russ.). (In Russ.).
- Kutsenkov, A.A. (1959). India. Economics and Foreign trade. *Vneshtorgizdat*. 329 p. (In Russ.).
- Lokanathan, P.S. (1935). Industrial Organisation in India. *London school of economics and political science*. 416 p.
- Malyarov, O.V. (2007). *Economic reform in India*. *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. The Center for Indian Studies. Moscow. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 75 p. (In Russ.).
- Malyarov, O.V. (2010). *Independent India: the evolution of the socio-economic model and the development of the economy*: [in 2 books]. Russian Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. Moscow. Oriental literature. 743 p. (In Russ.).
- Myrdal, G. (1972). *Modern problems of the “Third world”*. *Abridged translation from English*. General edition by R.A. Ulyanovsk. Moscow: Progress Publishing House. 767 p. (In Russ.).
- Narain, L. (1961). *The Economy of India*. Translated from the English by Yu.V. Kamensky [et al.]. A.I. Levkovsky (Ed.). Moscow: Publishing house of foreign literature. 607 p. (In Russ.).
- Pestova, A.A., Sukhareva, I.O., & Solntsev, O.G. (2011). Promotion of foreign direct investments in Russia to improve the quality of economic growth. *Forecasting problems*. 1, 136–154. (In Russ.).
- Reisner, L.I. (1969). *Planning in India*. *USSR Academy OF Sciences*. Institute of Oriental Studies. Moscow: Science. 278 p. (In Russ.).
- Sharma, Tulsi Ram (1958). *Placement of industry in India*. Translated from English by M.K. Fedorenko. Moscow: Publishing house of Foreign literature. 416 p. (In Russ.).
- Shirokov, G.K., Kolontaev, A.P., Egorov, I.I., & Granovsky, A.E. (1980). *The Economy of India: General characteristics*. Moscow: Science. 271 p. (In Russ.).
- Smirnov, V.V. (1975). The role of external factors in the economic development of the “third World” countries. *Nauka Publishing House. The main editorial office of Oriental literature*. Moscow. 179 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Bio notes

Коновалова Юлия Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-8101-2462. E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Yulia A. Konovalova, Candidate of Science (In Economics), docent of the International Economic Relations Department, Faculty of Economics, RUDN University. ORCID: 0000-0002-8101-2462. E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Мизинцева Мария Федоровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов, ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН. E-mail: mfmizin@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1276-2753

Mariya F. Mizintseva, Doctor of Science (In Economics), Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Computer Modeling of Socio-Economic Processes, Central Economic and Mathematical Institute of RAS. E-mail: mfmizin@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1276-2753

Митюшкіна Анна Андреевна, студентка IV курса Института мировой экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов. Email: 1032201244@rudn.ru

Anna A. Mityushkina, Student of the 4th grade of Institute of World Economy and Business, RUDN University. E-mail: 1032201244@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-25-36

EDN: PFBHGW

УДК 339

Научная статья / Research article

Торгово-промышленная политика США как вызов современной системе международных торговых отношений

В.С. Мядзель

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ myadzel.v@ya.ru

Аннотация. Современный этап развития международных торговых отношений сопровождается растущим количеством протекционистских мер. В то же время идеи свободной торговли и справедливой конкуренции продолжают декларироваться в качестве ключевых принципов развития мировой экономики. Одними из авторов этих принципов, как и всей современной системы международных торговых отношений, выступали США. В этом контексте возможный отказ США от соблюдения указанных принципов является серьезным испытанием для существующей системы торгово-экономических отношений. В рамках настоящей работы автор предпринимает попытку ответить на вопрос, соответствуют ли отдельные меры торгово-промышленной политики США основным принципам современной системы международной торговли. Действительно ли одни из основателей этой системы отказываются от идей свободной торговли и справедливой конкуренции. В качестве эмпирической базы для написания настоящей работы служат труды российских и зарубежных экономистов, специализирующихся в вопросах торговой политики, международных экономических отношений и экономики США. Для ответа на поставленный вопрос о соответствии торгово-промышленной политики США принципам свободной торговли и справедливой конкуренции в настоящей работе широко используются методы анализа и обобщения, позволяющие оценить характер отдельных мер и механизмов, реализуемых в США в сфере торговли и промышленности. В рамках работы автор приходит к выводам о протекционистском характере ряда нормативных правовых актов и механизмов торгово-промышленной политики США. Учитывая, что протекционистский характер носят не только отдельные нормативные правовые акты, но и государственные программы по поддержке промышленности, следует полагать, что отступление от принципов свободной торговли и справедливой конкуренции является элементом сформированной позиции США по вопросу развития национальной экономики и внешнеторговых связей. США пользуются несовершенством

© Мядзель В.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

существующей системы международных экономических отношений, демонстрируя применение протекционистских мер в нарушение принципов свободной торговли и справедливой конкуренции.

Ключевые слова: торговая защита, ВТО, международная торговля, США, поддержка промышленности, рещоринг

История статьи: поступила в редакцию 26 октября 2023 г.; проверена 20 ноября 2023 г.; принята к публикации 1 декабря 2023 г.;

Для цитирования: Миадзель В.С. Торгово-промышленная политика США как вызов современной системе международных торговых отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 25–36. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-25-36>

US trade and industrial policy as a challenge to the modern system of international trade relations

Viktor S. Miadzel

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ myadzel.v@ya.ru

Abstract. The current stage of development of international trade relations is followed by a growing protectionism. At the same time, the ideas of free trade and fair competition are still declared as key principles for the development of the world economy. One of the authors of these principles, as well as the entire modern system of international trade relations, is the USA. In this context, the possible refusal of the USA to comply with these principles is a serious challenge for the existing system of international trade. The author tries to answer the question if some measures of the US trade and industrial policy correspond to the basic principles of the international trade system. As an empirical basis there were used the works of Russian and foreign economists specializing in trade policy, international economic relations and the US economy. To answer the stated question about the compliance of the US trade and industrial policy with the principles of free trade and fair competition, the author uses methods of analysis and generalization to assess the nature of certain measures and mechanisms implemented in the US trade and industry. The author comes to conclusion about the protectionist nature of several legal acts and mechanisms of the US trade and industrial policy. Considering that not only certain legal acts, but also industrial programs are protectionist in nature, it should be assumed that retreat from the principles of free trade and fair competition is an element of the US position on the development of the national economy as well as international trade. The USA takes advantage of the imperfections of the existing system of international economic relations, demonstrating the use of protectionist measures contrary to the principles of free trade and fair competition.

Keywords: Trade Defense, WTO, International Trade, USA, Industry Support, Reshoring

Article history: received October 26, 2023; revised November 20, 2023; accepted December 1, 2023.

For citation: Miadzel, V.S. (2024). US trade and industrial policy as a challenge to the modern system of international trade relations. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 25–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-25-36>

Введение

США являются одним из основных участников мировой экономики, ключевым принципом развития которой является стремление к либерализации международной торговли. Тем не менее США активно используют торговые ограничения и национальное законодательство для защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции.

Подтверждением протекционистского характера внешнеторговой политики США служит статистика по доле страны в объеме действующих защитных мер в мировой торговле. Согласно данным ВТО, США заявлены 22 % антидемпинговых (492 из 2 242) и 60 % компенсационных (174 из 289) мер от общего количества мер, применяемых в мире в 2023 г.¹ Применяемые инструменты промышленной политики США также не отвечают интересам развития справедливой конкуренции.

Учитывая роль США в развитии и становлении современной системы международных торговых отношений, неотъемлемыми элементами которой являются стремление к свободной торговле и справедливой конкуренции, применение протекционистских мер со стороны США следует оценивать как вызов.

Цель исследования — анализ соответствия торгово-промышленной политики США идеям свободной торговли и справедливой конкуренции как основополагающим принципам современной системы международных торговых отношений.

Материалы и методы

Некоторые аспекты анализируемых в настоящей работе нормативных правовых актов США ранее представлены в докладах сотрудников Комиссии по международной торговле США², сотрудников Исследовательской службы Конгресса (Watson, 2022), а также в трудах независимых экономистов (Luo et al., 2023). Представленная в указанных работах информация анализировалась с учетом данных официальных порталов административных органов США (International Trade Administration, 2023; Office Acquisition Management, 2023), портала ВТО³, а также с учетом сведений, представленных в работах дру-

¹ Trade Remedies Data Portal // World Trade Organization. URL: <https://trade-remedies.wto.org/> (accessed: 24.10.2023).

² USMCA Automotive Rules of Origin: Economic Impact and Operation 2023 Report / ed. by D.S. Johanson. Washington: United States International Trade Commission, 2023. 171 p. URL: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub5443.pdf> (accessed: 24.10.2023); Weaver M. Section 232 and 301 Trade Actions in 2018 // United States International Trade Commission. 2019. URL: https://www.usitc.gov/research_and_analysis/tradeshifts/2018/section_232_and_301_trade_actions_in_2018.pdf (accessed: 24.10.2023).

³ Trade Remedies Data Portal // World Trade Organization. URL: <https://trade-remedies.wto.org/en> (accessed: 24.10.2023).

гих исследователей (Андропова, Сахаров, 2019; Бирюкова, Данильцев, 2015; Чернышева, 2019; Conconi et al., 2018; Evenett, Hoekman, 2005).

Протекционистский характер некоторых мер и механизмов торговой-промышленной политики США отмечен в работах ряда российских экономистов (Опальский, Шишов, 2019; Сидоров, 2022). Анализируемый указанными авторами материал актуализирован с учетом обновленных данных и информации об иных мерах, применяемых США в 2023 г.

Особое внимание в рамках настоящей работы уделено политике решоринга в контексте прочих мер в сфере промышленности. При этом в научной литературе (Гудкова, Логинова, 2020; Захаров, 2018; Pan, Zhu, 2019) и других источниках⁴ освещались причины и инструменты решоринга в США, однако авторы перечисленных работ не оценивали роль решоринга в торговой-промышленной политике США.

Позиция США по вопросам актуальной повестки состояния международных экономических отношений затронута в работах экономистов из США (Howse et al., 2023; Milgram, 2018; Sinha, 2021), России (Загашвили, 2023) и других стран (Nwoke, 2020).

В работе широко используются методы анализа и обобщения в рамках изучения мер торговой-промышленной политики США и установления закономерностей в их применении.

Результаты

В 2018 г. США по итогам проведенного расследования пришли к выводу, что избыточные мощности в металлургической промышленности в мире и импорт алюминия и продукции из стали причиняют ущерб экономике и угрожают национальной безопасности. Результатом расследования оказались дополнительные импортные пошлины в отношении алюминия (10 %) и стальной продукции (25 %) из всех стран.

Основанием для введения указанных пошлин послужила статья 232 Закона о расширении торговли 1962 г., допускающая ограничение внешней торговли в случае угрозы национальной безопасности. Введенные защитные меры, согласно официальной позиции властей США, должны способствовать выравниванию условий внешней торговли, а также сокращению количества простаивающих и закрытых металлургических предприятий, как и уровня безработицы

⁴ *Altschuler R.* Three key strategies to drive american manufacturing reshoring // *Forbes*. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2023/04/20/three-key-strategies-to-drive-american-manufacturing-reshoring/?sh=721ec12a9439> (accessed: 24.10.2023); *Baschuk B.* US manufacturers «pumped up» about supply-chain reshoring trend // *Bloomberg*. 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-02/us-manufacturers-pumped-up-about-supply-chain-reshoring-trend> (accessed: 24.10.2023); *Conerly B.* U.S. Manufacturers reshoring, but it will take a long time // *Forbes*. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/billconerly/2023/08/19/us-manufacturers-reshoring-but-it-will-take-a-long-time/?sh=44bef5a4c915> (accessed: 24.10.2023).

в отрасли (Milgram, 2018), что является вопросом национальной безопасности в понимании Закона о расширении торговли 1962 г.

Несмотря на то что правила ВТО предусматривают возможность введения мер торговой защиты в случае появления угрозы национальной безопасности, вышеуказанные импортные пошлины оцениваются мировым сообществом в качестве элемента исключительно протекционистской политики (Nwoke, 2020) по нескольким причинам.

Во-первых, в том же 2018 г. механизм взимания вышеуказанных пошлин был дополнен рядом исключений, согласно которым США могут отказываться от введенных ограничений в торговле по собственной инициативе. Формальными основаниями для реализации возможности освобождения от уплаты дополнительных импортных пошлин являются следующие условия:

- а) производства в США недостаточно для удовлетворения спроса;
- б) качество товара, производимого в США, не отвечает предъявляемым к нему требованиям;
- в) ввоз без пошлин отвечает интересам государства⁵. Другими словами, США обеспечили себе право в ходе закрытых торговых переговоров согласовать с иностранными партнерами «соответствие интересам государства» и разрешить ввоз продукции без уплаты дополнительных пошлин.

Во-вторых, по результатам ряда состоявшихся двусторонних переговоров, для некоторых торговых партнеров США введенные ограничения значительно сокращены. В частности, согласно данным ВТО, в ходе торговых переговоров согласие по вопросу найдено с Канадой, Мексикой, ЕС и Индией. С другими странами, среди которых Китай, Норвегия, Швейцария, Турция и Россия, спор относительно обоснованности применения мер торговой защиты по-прежнему решается в органах ВТО, что едва ли имеет шансы на успех. Об отсутствии перспектив успешного разрешения спора в текущих условиях ввиду блокирования деятельности апелляционного органа ВТО будет сказано дополнительно.

Таким образом, США подходят к вопросу обеспечения национальной безопасности через призму внешней торговли (Опальский и др., 2019). Однако выборочный подход к применению вышеуказанной защитной меры на основании закона 1962 г. ставит под сомнение выводы США об ущербе экономике и угрозе национальной безопасности, создаваемой импортом алюминия и стальной продукции из всех стран.

Говоря об органе по разрешению споров ВТО, следует отметить, что деятельность его апелляционного органа начиная с декабря 2019 г. блокирована США, отказавшимися согласовывать новых кандидатов на пост арбитров (Загашвили, 2023). Согласно официальной позиции США, орган по разрешению

⁵ Weaver M. Section 232 and 301 Trade Actions in 2018 // United States International Trade Commission. 2019. URL: https://www.usitc.gov/research_and_analysis/tradeshifts/2018/section_232_and_301_trade_actions_in_2018.pdf (accessed: 24.10.2023).

споров ВТО, как и сама система международных торговых отношений, устарели, не соответствуют современным экономическим реалиям и непременно должны быть реформированы (Howse et al., 2023), поэтому блокирование деятельности апелляционного органа не только выражает позицию США, но и должно стимулировать мировое сообщество к поиску соответствующего решения. Однако некоторые исследователи (Sinha, 2021) также отмечают несогласие США с решениями органов ВТО, выносимыми не в их пользу, что также могло послужить причиной к блокированию деятельности апелляционного органа.

Так или иначе, для США возможности использования механизмов торговой защиты значительно увеличились в связи с блокированием деятельности апелляционного органа ВТО, в котором оспаривалось порядка 60 % всех решений третейской группы органа по разрешению споров ВТО (Чернышева, 2019). Поскольку вступление в силу решения третейской группы откладывается до окончательного вердикта апелляционного органа, США таким образом получили возможность игнорировать исполнение всех решений, выносимых третейской группой не в их пользу, подавая апелляцию.

Другой особенностью торговой политики США, ставящей под сомнение приверженность США принципам справедливой конкуренции и свободной торговли, является их подход к расчету ставок антидемпинговых пошлин. Согласно правилам ВТО, ставка антидемпинговой пошлины не может превышать размер демпинговой маржи, рассчитанной на основании данных об экспортной цене товара и его стоимости на внутреннем рынке экспортирующей страны. Однако США зачастую отступают от указанной схемы расчета, пользуясь исключениями из правил, позволяющими конструировать цену товара на внутреннем рынке страны-экспортера на основании собственных представлений о себестоимости производства, торговых издержек и соответствующей прибыльности. В частности, среди таких исключений — отсутствие статуса рыночной экономики страны-экспортера, поскольку высокая роль государства в экономике оценивается как возможность получения несправедливых конкурентных преимуществ экспортерами, что искажает условия международной торговли. Статус рыночной экономики в понимании США, по состоянию на 2023 г., отсутствует у 12 государств, среди которых также отмечены и государства — члены ВТО: Армения, Вьетнам, Грузия, Китай, Кыргызстан, Молдова, Россия и Таджикистан⁶.

Более того, отсутствие статуса рыночной экономики используется США также вне рамок проведения антидемпинговых расследований. Так, торговое соглашение ЮСМКА между США, Канадой и Мексикой содержит обязательство об уведомлении участников соглашения о намерении начать торговые переговоры со странами, не имеющими статус рыночной экономики. При этом заключение торгового соглашения со страной, не имеющей статус рыночной экономики, является основанием для фактического прекращения сотрудничества с партнером в рамках ЮСМКА (Сидоров, 2022). Таким образом, США, используя торго-

⁶ NME Countries List. International Trade Administration. URL: <https://www.trade.gov/nme-countries-list> (accessed: 24.10.2023).

вое соглашение в качестве дополнительного инструмента конкурентной борьбы, добились своего рода гарантий от Канады и Мексики в отсутствие намерений к торговому сотрудничеству с Китаем или отдельными странами ЕАЭС.

Несмотря на то, что вышеуказанные положения торгового соглашения формально нельзя оценивать в качестве нарушающих условия справедливой конкуренции или правила ВТО, такие положения тем не менее не отвечают идеям либерализации международной торговли, которая является одной из основных целей ВТО. Включение в текст торговых соглашений каких-либо гарантий отсутствия сотрудничества с третьими странами служит росту протекционизма в торговле, а также ставит участников такого соглашения перед условным выбором между торговыми партнерами.

Однако торгово-промышленная политика США отличается протекционистским характером не только на международной арене. В частности, одним из наиболее сложных для либерализации секторов экономики, по мнению ряда исследователей (Бирюкова и др., 2015; Evenett et al., 2005), считаются государственные закупки. Здесь в дополнение к мерам торговой защиты в США активно применяются инструменты промышленной политики, которые также могут быть признаны протекционистскими. Например, согласно The Buy American Act, к государственным закупкам металлургической продукции с 1933 г. в США предъявляются требования о происхождении товара. При этом указанный закон не только сохраняет свое действие в 2023 г., но и содержит актуальные поправки, ужесточающие его требования. Так, изначальная доля американского происхождения в стоимости товара, составлявшая не менее 55 %, постепенно должна быть увеличена до 75 % в 2029 г. (Watson, 2022).

Кроме того, начиная с 2022 г. государственные закупки в рамках инфраструктурных проектов с государственным финансированием, согласно The Build America Buy America Act, возможны исключительно от американских производителей⁷. Под определение «инфраструктурных проектов» подпадает строительство всех аэропортов, вокзалов и станций, железных и автомобильных дорог, инженерных коммуникаций, а также зданий бюджетных организаций. Однако, как и в случае с защитными мерами в рамках Закона о расширении торговли 1962 г., США вновь оставили себе возможность отступить от заявленных требований в интересах национальной экономики, если это «соответствует национальным интересам».

Таким образом, США не только обеспечили национальным производителям преимущественное положение, формально закрыв рынок государственных закупок для иностранных производителей, но и, учитывая наличие соответствующего перечня исключений, получили возможность использовать доступ к государственным закупкам как предмету торговых переговоров, где «соответствие интересам национальной экономики» продукции иностранного происхождения, необходимое для участия в государственных закупках, может быть

⁷ Build America Buy America. Office Acquisition Management. URL: <https://www.commerce.gov/oam/build-america-buy-america> (дата обращения: 24.10.2023).

возмещено более значимыми уступками для американских производителей со стороны иностранного государства.

Другим важным элементом современной торгово-промышленной политики США является «решоринг», цель которого заключается в возвращении на территорию США предприятий, ранее переместивших бизнес за рубеж в интересах оптимизации и удешевления производственных процессов, а также упрощения каналов поставок сырья и сбыта готовой продукции (Захаров, 2018). США стимулируют возврат промышленных предприятий, поскольку заинтересованы в увеличении количества рабочих мест, а также в обеспечении технологической и промышленной безопасности страны. В качестве инструментов стимулирования решоринга в США применяются меры по улучшению системы налогообложения и нормативного правового регулирования, по повышению качества юридической защиты, в том числе в сфере прав интеллектуальной собственности, а также меры по повышению инвестиционной активности в промышленности (Гудкова, Логинова, 2020). Более того, в США созданы специальные административные органы, основной функцией которых является сопровождение зарубежных американских компаний, заявивших о решоринге бизнеса (Pan, Zhu, 2019).

Одновременно в экспертных кругах поднимается вопрос о расширении перечня действующих мер по стимулированию решоринга, учитывая текущие положительные результаты, включающие рост строительства производственных площадок в США⁸ и перспективы появления до 350 тысяч новых рабочих мест ежегодно⁹. В качестве новых мер поддержки предлагается финансирование образовательных программ по подготовке квалифицированного персонала для работы на вновь открываемых производствах, а также субсидирование кредитов на такое образование¹⁰.

Таким образом, США активно реализуют промышленную политику, способствующую регионализации мировой экономики. Глобальные цепочки поставок, объединяющие несколько производств в разных странах, не могут быть сохранены по итогам решоринга. Учитывая взаимозависимость протекционизма и риска фрагментации многосторонней торговой системы (Андропова, Сахаров, 2019), регионализация мировой экономики, как следствие решоринга, открывает «перспективы» роста протекционизма в международной торговле.

В качестве одного из признаков растущего протекционизма в торгово-промышленной политике США следует также отметить принятые нормативные

⁸ *Conerly B.* U.S. Manufacturers reshoring, but it will take a long time // *Forbes*. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/billconerly/2023/08/19/us-manufacturers-reshoring-but-it-will-take-a-long-time/?sh=44bef5a4c915> (accessed: 24.10.2023).

⁹ *Baschuk B.* US manufacturers «pumped up» about supply-chain reshoring trend // *Bloomberg*. 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-02/us-manufacturers-pumped-up-about-supply-chain-reshoring-trend> (accessed: 24.10.2023).

¹⁰ *Altschuler R.* Three key strategies to drive american manufacturing reshoring // *Forbes*. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2023/04/20/three-key-strategies-to-drive-american-manufacturing-reshoring/?sh=721ec12a9439> (accessed: 24.10.2023).

правовые акты. В частности, Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act), направленный на развитие НИОКР и американского производства полупроводников, предусматривает субсидии и налоговые льготы национальным производителям в отрасли. Однако в качестве одного из условий получения государственной поддержки в рамках указанного закона в отношении ее получателей действует запрет на сотрудничество с предприятиями из ряда иностранных государств, вызывающих обеспокоенность США, включая Китай и Россию (Luo, Van Assche, 2023). Более того, Закон о чипах и науке запрещает получателям поддержки последующее развитие бизнеса в указанных странах.

Не менее распространенным инструментом протекционизма являются требования происхождения товаров (Conconi et al., 2018). Так, американское происхождение товаров является условием получения перечня субсидий или налоговых льгот на покупку такого товара. При этом если физическое лицо получает государственную поддержку при покупке электромобиля только с определенной долей американского происхождения комплектующих, то государственные закупки иных электромобилей, не отвечающих требованиям происхождения, запрещены вовсе.

Автомобильная промышленность США в целом широко защищена правилами по доле американских комплектующих в производстве. В частности, вышеуказанное торговое соглашение ЮСМКА в зависимости от категории автомобиля допускает использование не более 25–40 % от общей стоимости комплектующих в производстве, происходящих не из США, Мексики или Канады¹¹.

Таким образом, отдельные инструменты торгово-промышленной политики США носят очевидно протекционистский характер, поскольку одной из основных декларируемых целей такой политики наряду с развитием промышленности является защита отрасли экономики от иностранного влияния.

Обсуждение

Исследователи, занимающиеся вопросами экономики США¹² (Watson, 2022), признают реализацию мер, направленных на защиту национальной промышленности США от иностранной конкуренции, однако указанные авторы не акцентируют внимание на продолжающемся усилении протекционизма в торгово-промышленной политике США. Тем не менее общее количество протекционистских мер и механизмов, применяемых США, не позволяет считать их исключением из правил, что также подтверждается работами других авторов (Загашвили, 2023; Сидоров, 2022; Milgram, 2018).

¹¹ USMCA Automotive Rules of Origin: Economic Impact and Operation 2023 Report / ed. by D.S. Johanson. Washington: United States International Trade Commission, 2023. 171 p. URL: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub5443.pdf> (accessed: 24.10.2023)

¹² Weaver M. Section 232 and 301 Trade Actions in 2018 // United States International Trade Commission. 2019. URL: https://www.usitc.gov/research_and_analysis/tradeshifts/2018/section_232_and_301_trade_actions_in_2018.pdf (accessed: 24.10.2023).

США заблокировали деятельность апелляционного органа ВТО, а в некоторых отраслях промышленности перешли к разрешительному характеру внешней торговли. Более того, применяемые меры поддержки национальных производителей содержат запрет на сотрудничество с партнерами из отдельных стран. По мнению автора, проводя подобную политику, США не только способствуют росту протекционизма в международной торговле, но и бросают вызов всей современной системе международных торговых отношений.

Актуальным остается вопрос о механизме сдерживания такой протекционистской политики США со стороны их зарубежных партнеров, как и о необходимости поиска такого механизма. Возможно, для мирового сообщества реформа современной системы международных торговых отношений окажется менее привлекательной идеей по сравнению с развитием собственных инструментов протекционизма.

Заключение

Таким образом, о растущем протекционизме в торгово-промышленной политике США свидетельствуют применяемые защитные меры во внешней торговле, заключаемые международные торговые соглашения, а также отдельные нормативные правовые акты США. Промышленность США защищена от иностранной конкуренции высоким уровнем тарифных барьеров, а также пользуется различными льготами и преференциальными условиями, создаваемыми для нее в рамках реализации государственных программ.

США, формально оставаясь в рамках правил ВТО, пользуются их несовершенством и фактически перешли к разрешительному характеру внешней торговли в ряде отраслей экономики. Более того, нарушение правил международной торговли со стороны США не может быть оспорено в рамках системы ВТО ввиду блокирования деятельности апелляционного органа. Единственным эффективным способом развития внешнеторговых связей с США остаются двусторонние контакты.

Список литературы

- Андропова И.В., Сахаров А.Г.* Вклад «Группы двадцати» в реализацию торговых задач в рамках Целей устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2019. № 14 (4). С. 112–137. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-04-06>
- Бирюкова О.В., Данильцев А.В.* Регулирование государственных закупок в международной торговле услугами // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 7. С. 31–41.
- Гудкова Т.В., Логинова В.С.* Решоринг промышленности США: цифровизация vs глобализация // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (7). С. 42–60. <https://doi.org/10.31857/S268667300010134-7>
- Загашвили В.С.* Противоречия и конфликты в многосторонней торговой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 67 (9). С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-5-14>

- Захаров А.Н. Перспективы реиндустриализации развитых экономик (США, Канада и Австралия) // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 213–245. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245>
- Опальский А.П., Шишов Ю.В. К вопросу о новой парадигме экономической безопасности в условиях глобализации // Микроэкономика. 2019. № 5 (88). С. 100–108.
- Сидоров А.А. Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15 (4). С. 81–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101>
- Чернышева Н.А. Инициация споров в рамках деятельности ВТО // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 5, № 1. С. 108–111.
- Build America Buy America. Office Acquisition Management. URL: <https://www.commerce.gov/oam/build-america-buy-america> (accessed: 24.10.2023).
- Conconi P., Garcia-Santana M., Puccio L., Venturini R. From final goods to inputs: The protectionist effect of rules of origin // American Economic Review. 2018. Vol. 108 (8). P. 2335–2365. <https://doi.org/10.1257/aer.20161151>
- Evenett S.J., Hoekman B.M. Government procurement: Market access, transparency, and multilateral trade rules // European Journal of Political Economy. 2005. Vol. 21 (1). P. 163–183. <https://doi.org/10.1016/j.ejpolco.2004.01.001>
- Howse R, Langille J. Continuity and Change in the World Trade Organization: Pluralism Past, Present, and Future // American Journal of International Law. 2023. Vol. 117, no. 1. P. 1–47. <https://doi.org/10.1017/ajil.2022.82>
- Luo Y., Van Assche A. The rise of techno-geopolitical uncertainty: Implications of the United States CHIPS and Science Act // J. Int. Bus. Stud. 2023. Vol. 54. P. 1423–1440. <https://doi.org/10.1057/s41267-023-00620-3>
- Milgram M. Future Implications of the Buy American-Hire American Executive Order and Domestic Preferences on U.S. Government Procurement and Trade Policies // The George Washington University Law School. 2018. 28 p.
- Nwoke U. Imposition of trade tariffs by the USA on China: Implications for the WTO and International Trade Law // Journal of International Trade Law and Policy. 2020. Vol. 19 (2). P. 69–84. <https://doi.org/10.1108/jitlp-01-2019-0003>
- Pan H., Zhu D. The «Manufacturing Reshoring» strategy in the United States and its implications to China // Eurasian Journal of Economics and Finance. 2019. Vol. 7 (3). P. 1–14. <https://doi.org/10.15604/ejef.2019.07.03.001>
- Sinha A. Understanding the «Crisis of the Institution» in the liberal trade order at the WTO // International Affairs. 2021. Vol. 97 (5). P. 1521–1540. <https://doi.org/10.1093/ia/iab109>
- Watson C. Domestic steel manufacturing: Overview and prospects. Congressional Research Service, 2022. 16 p.

References

- Andronova, I., & Sakharov, A. (2019). G20 contribution to the trade-related sdgs implementation. *International Organisations Research Journal*, 14(4), 112–137. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-04-06> (In Russ.).
- Biryukova, O., & Daniltsev, A. (2015). Regulation of public procurement in international trade in services. *Russian Foreign Economic Journal*, 7, 31–41. (In Russ.).
- Build America Buy America. *Office Acquisition Management*. Retrieved October 24, 2023, from <https://www.commerce.gov/oam/build-america-buy-america>
- Chernysheva, N. (2019). Initiation of WTO disputes. *Ekonomika I Upravlenie. Problemy, Resheniya*, 5(1), 108–111. (In Russ.).

- Conconi, P., Garcia-Santana, M., Puccio, L., & Venturini, R. (2018). From final goods to inputs: The protectionist effect of rules of origin. *American Economic Review*, 108(8), 2335–2365. <https://doi.org/10.1257/aer.20161151>
- Evenett, S., & Hoekman, B. (2005). Government procurement: Market access, transparency, and multilateral trade rules. *European Journal of Political Economy*, 21(1), 163–183. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2004.01.001>
- Gudkova, T., & Loginova, V. (2020). Reshoring process in the USA industry: Digitalization vs globalization. *USA & Canada: Economics. Politics. Culture*, 7, 52–60. <https://doi.org/10.31857/s268667300010134-7> (In Russ.).
- Howse, R., & Langille, J. (2023). Continuity and change in the World Trade Organization: Pluralism past, present, and future. *American Journal of International Law*, 117(1), 1–47. <https://doi.org/10.1017/ajil.2022.82>
- Luo, Y., & Van, Assche, A. (2023). The rise of techno-geopolitical uncertainty: Implications of the United States Chips and science act. *Journal of International Business Studies*, 54, 1423–1440. <https://doi.org/10.1057/s41267-023-00620-3>
- Milgram, M. (2018). Future implications of the Buy American-Hire American executive order and domestic preferences on U.S. government procurement and trade policies. *The George Washington University Law School*. 28 p.
- NME Countries List. *International Trade Administration*. Retrieved October 24, 2023, from <https://trade.gov/nme-countries-list>
- Nwoke, U. (2020). Imposition of trade tariffs by the USA on China: Implications for the WTO and International Trade Law. *Journal of International Trade Law and Policy*, 19(2), 69–84. <https://doi.org/10.1108/jitlp-01-2019-0003>
- Opalskiy, A., & Shishov, Yu. (2019). To the question of a new economic security paradigm in the conditions of globalization, *Mikroekonomika*, 5(88), 100–108. (In Russ.).
- Pan, H., & Zhu, D. (2019). The «Manufacturing Reshoring» strategy in the United States and its implications to China. *Eurasian Journal of Economics and Finance*, 7(3), 1–14. <https://doi.org/10.15604/ejef.2019.07.03.001>
- Sidorov, A. (2022). Features of the modern protectionism of the US and the EU towards Russia, *MGIMO Review of International Relations*, 15(4), 81–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101> (In Russ.).
- Sinha, A. (2021). Understanding the «Crisis of the Institution» in the liberal trade order at the WTO. *International Affairs*, 97(5), 1521–1540. <https://doi.org/10.1093/ia/iab109>
- Watson, C. (2022). Domestic steel manufacturing: Overview and prospects. *Congressional Research Service*. 16 p.
- Zagashvili, V. (2023). Contradictions and conflicts in the Multilateral Trading System. *World Economy and International Relations*, 67(9), 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-5-14> (In Russ.).
- Zakharov, A. (2018). Prospects for the re-industrialization of developed economies (USA, Canada and Australia), *MGIMO Review of International Relations*, 1(58), 213–245. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245> (In Russ.).

Сведения об авторе / Bio note

Миадзель Виктор Сергеевич, аспирант, кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0009-0001-1315-1874. E-mail: myadzel.v@ya.ru

Viktor S. Miadzel, PhD Student, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University. ORCID: 0009-0001-1315-1874. E-mail: myadzel.v@ya.ru

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

ECONOMY OF INDUSTRIAL MARKETS

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-37-52

EDN: OVDKQZ

UDC 334:338:339

Research article / Научная статья

The relationship between the tourist attractiveness of the country and the sales of national brands: The example of BeerLao

Sergey U. Chernikov , Vithaya Chanthasy, Ekaterina A. Degtereva

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 chernikov_syu@pfur.ru

Abstract. The dynamic relationship between tourism and BeerLao export in Laos is investigated in this article. It provides an in-depth look into the studies that have been conducted showing the various correlations between inbound tourism and economic performance of various countries. Laos is a small landlocked Southeast Asian country with a rich cultural past, magnificent natural beauty and a rising economy despite its small size. Agriculture, particularly rice production, is the economy's mainstay, although other industries including as manufacturing and services are slowly expanding. The most widely known Laos brand is BeerLao, a distinctive beer label occupying almost 100 % of the country's market. The current paper explores BeerLao's history, production, marketing strategies and export destinations, as well as the elements that contribute to its export success — specifically tourism. It seems that the pre-pandemic expansion of BeerLao's success in the world and inbound tourism dynamics of the country are correlative and have mutually beneficial relationship. The research looks into how tourism might have affected BeerLao's export volumes and vice versa in pre-pandemic era. The study underlines the importance of tourism and beer exports to the Laotian economy and recommends crucial areas for future investigation. The study intends to provide insights into the economic and cultural significance of tourism and beer exports in Laos, as well as provide meaningful insights to policymakers, investors, and other stakeholders about the potential benefits and problems of these businesses. The study also provides a foundation for further studies of the topical area for Laos products and their possible marketing strategies in regional and world markets.

© Chernikov S.U., Chanthasy Vithaya, Degtereva E.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: BeerLao, international tourism, exports, local brand, Laos

Article history: received August 18, 2023; revised September 24, 2023; accepted December 5, 2023.

For citation: Chernikov, S.U., Chanthasy, Vithaya, & Degtereva, E.A. (2024). The relationship between the tourist attractiveness of the country and the sales of national brands: An example of BeerLao. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 37–52. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-37-52>

Взаимосвязь туристической привлекательности страны и продаж национальных брендов на примере BeerLao

С.Ю. Черников ✉, **В. Чантхаси**, **Е.А. Дегтерева**

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ chernikov_syu@pfur.ru

Аннотация. Изучается динамическая взаимосвязь между туризмом и экспортом пива BeerLao в Лаосе. В ней подробно рассматриваются проведенные исследования, показывающие различные взаимосвязи между въездным туризмом и экономическими показателями различных стран. Лаос — небольшая страна Юго-Восточной Азии, не имеющая выхода к морю, с богатым культурным прошлым, великолепной природой и растущей экономикой, несмотря на свои небольшие размеры. Основу экономики составляет сельское хозяйство, в частности производство риса, хотя постепенно развиваются и другие отрасли, в том числе обрабатывающая промышленность и сфера услуг. Наиболее известным брендом Лаоса является BeerLao — пиво с характерной этикеткой, занимающее почти 100% рынка страны. Рассматриваются история, производство, маркетинговые стратегии и направления экспорта пива BeerLao, а также элементы, способствующие его экспортному успеху, в частности туризм. Представляется, что допандемический рост успеха BeerLao в мире и динамика въездного туризма в страну коррелируют и имеют взаимовыгодную связь. В исследовании рассматривается вопрос о том, как туризм мог повлиять на объемы экспорта BeerLao и наоборот в допандемический период. Исследование подчеркивает важность туризма и экспорта пива для экономики Лаоса и рекомендует важные направления для дальнейших исследований, а также призвано дать представление об экономическом и культурном значении туризма и экспорта пива в Лаосе и вместе с тем предоставить политикам, инвесторам и другим заинтересованным сторонам содержательную информацию о потенциальных выгодах и проблемах этих видов бизнеса. Материалы могут послужить основой для дальнейших исследований актуальной для Лаоса продукции и возможных стратегий ее маркетинга на региональном и мировом рынках.

Ключевые слова: BeerLao, международный туризм, экспорт, местный бренд, Лаос

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2023 г.; проверена 24 сентября 2023 г.; принята к публикации 5 декабря 2023 г.

Для цитирования: Chernikov S.U., Chanthasy Vithaya, Degtereva E.A. The relationship between the tourist attractiveness of the country and the sales of national brands: The example of BeerLao // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 37–52. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-37-52>

Introduction

Laos is a small landlocked Southeast Asian country bordered by Thailand, Vietnam, Cambodia, China, and Myanmar. Laos has a rich cultural past, magnificent natural beauty, and a rising economy despite its small size. Agriculture, particularly rice production, is the economy's mainstay, although other industries including as manufacturing and services are expanding as well.

Tourism and beer exports are two major economic drivers in Laos. Tourism has been promoted as a means of diversifying the country's economy and alleviating poverty. Tourism has grown steadily in recent years, with over 4 million visitors expected in 2019, earning around \$900 million in revenue. Tourism is a major employment in Laos, providing work in hotels, restaurants, transportation, and other associated industries.

BeerLao is a Laotian national brand and a symbol of the country. It is the most popular beer brand in the country, accounting for more than 90 % of the beer market share. BeerLao is famous for its distinct taste and quality, and is created from high-grade rice. The brand has grown in popularity among travelers, who frequently seek it out as a souvenir or a taste of the local culture. BeerLao has also been successful in exporting its products to other nations, which has contributed to the national economy's growth.

In 2021, Laos exported \$4.63 million in beer, making it the world's 73rd greatest exporter of beer. Beer was Laos' 113th most exported product the same year. China (\$1.74M), Vietnam (\$1.46M), Singapore (\$685k), Thailand (\$251k), and the United States (\$251k) are the top beer export destinations from Laos. Between 2020 and 2021, the fastest growing export markets for Laos beer were Singapore (\$685k), China (\$358k), and the United States (\$87k)¹.

The main research goal of this article is to analyze the relationship between tourism in Laos and the export of BeerLao. Specifically, the article aims to explore the following research questions:

- How has tourism in Laos developed over the years, and what are the factors driving its growth? Who are the tourists visiting Laos, and what are the main reasons for their travel?
- What is the significance of BeerLao as a national brand, and how has it been marketed to tourists and exported to other countries?

¹ OEC report, Import and Export of Beerlaos. Retrieved July 7, 2023, from <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/beer/reporter/lao#:~:text=Exports%20In%202021%2C%20Laos%20exported,of%20Beer%20in%20the%20world>

- What are the export destinations of BeerLao, and what are the factors contributing to its export success?
- Is there a correlation between the popularity of Laos as a tourist destination and the exports of BeerLao?

Materials and methods

Lots of studies have been conducted showing the various correlations between inbound tourism and economic performance of various countries, and the topic has been widely researched area for many years. For example, E. Marrocu has investigated the theoretical patterns of information spillovers in the economy through tourism flows. As tourists buy local products they are then forwarding the feedback to local companies, with the latter further utilizing this information to generate a positive impact on the economy efficiency level. The analysis was applied to almost 200 regions in the EU, revealing positive impact of tourism flows on regional efficiency levels through the roles played by intangible assets, infrastructures and spatial spillovers (Marrocu, Paci, 2011). A more recent research goes even further and proposes models to correlate domestic economic impacts and job numbers in each country generated by non-residents household final expenditures abroad. As the products are easily exported and consumed by households (residents and/or non-residents), this generates jobs at home, but this impact is hardly measured in conventional statistics produced by national agencies. Alsamawi Ali has researched data within 1995–2011 period from over 60 economies, and found that approximately 50 % of the value added in a country were generated indirectly, as well as the total amount of jobs that are directly and indirectly associated with tourism activities (Ali et al., 2021).

Other applicable research by S. Naseem, N. Khan and many similar article have consistently been proving that economic growth in various developing and developed countries has a long-run relationship with number of arrivals and tourist expenditures. The international tourist arrival figures especially have strong relationship with economic growth, compared to other indicators (Naseem, 2021; Khan, Hassan, Fahad, Naushad, 2020). Certainly, the reverse is also true, as research by C. Uğur point out that international trade is important for tourism development in both short-term and long-term relations, despite some minor differences in applications (Çalışkan Uğur et al., 2019).

The mutual connection between tourism and sales of local products has been especially well researched in wine. In a research from A. Guedes it was shown that tourism and wineries are an important and strongly interconnected parts within the Portuguese economy (Guedes et al., 2022). Other research (Madaleno, Eusébio, Varum, 2017) also show that the impact of inbound tourism is also strong in general agro-food exports of Portugal, contributing to breaking informal barriers to trade. Another study by these authors (Madaleno, Eusébio, Varum, 2016) also shows that local products that are sold internationally can potentially act as a tourism marketing tool through attracting attention to products' country of origin among foreigners. Certainly, there are some differences in these patterns depending on the agro-food product type and tourist origin country.

This effect is most likely due to occurrence of the association effect in marketing of these products abroad. Richard Lee has researched the destination-attitude formation unconsciously appearing in the product image perception, linking the visit intention and branding. This concludes that in terms of marketing the country hospitality policy and businesses should have promotional collaboration for competitiveness growth and mutual gains in exports and tourism market (Lee et al., 2021).

Other developing countries also show similar patterns of tourism-export correlations, and most interestingly, these can concentrate in just several product groups. In A. Refiana study of Indonesian exports connection to tourist inflow was shown that the preferences of tourists from Malaysia, Singapore, China, Japan, and Australia for Indonesian products are mostly in “food and beverages (primary)” and “food and beverages (processed)”, followed only then with “industrial commodities” and “consumer goods”. These results conclude that inbound tourism can stimulate export performance in certain areas (Refiana, Purwono, 2021).

Tourism in Laos

Laos boasts a diversified attractions assortment that appeal to a wide spectrum of people, including adventure seekers, cultural enthusiasts, environment lovers, and spiritual seekers. Other popular tourist destinations, in addition to Luang Prabang, Vientiane, and the Plain of Jars, include Vang Vieng, a picturesque town nestled among karst hills and rice paddies, and the Bolaven Plateau, a scenic highland region known for its coffee plantations, waterfalls, and ethnic minority communities.

Over the past ten years, the tourism industry has grown propelled by factors like rising earnings, increased public knowledge of Laos as a tourist destination, and enhanced air connections. While tourists from nearby nations like Thailand, Vietnam, and China make up the majority of visitors to Laos, there have also been an increasing number of travelers from Europe, Australia, and North America (Table 1).

Table 1

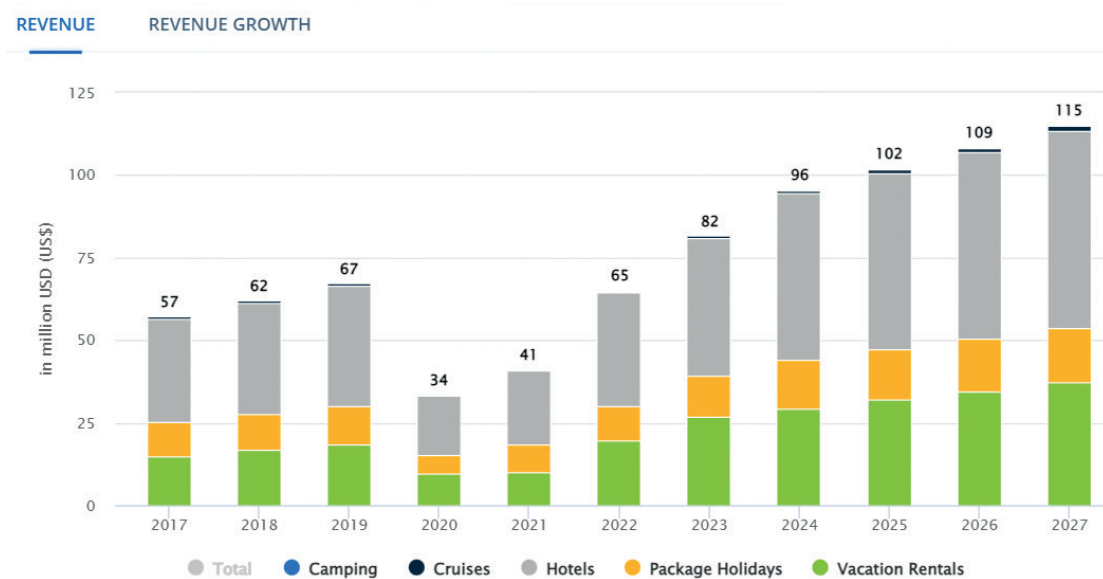
Top 10 countries by number of tourist arrivals to Laos in 2019

Country	Number of arrivals in 2019
Thailand	2.160.300
Vietnam	924.875
China	1.022.727
South Korea	203.191
USA	61.184
France	44.416
Japan	41.736
UK	31.976
Germany	25.346
Australia	24.750

Source: Statistical report on tourism in Laos. Retrieved July 18, 2023, from <https://wearelao.com/sites/default/files/Statistical-Report-on-Tourism-2019.pdf>

According to this data, the majority of tourists who visit Laos come from its neighbors, namely Thailand (2.1 million), Vietnam (924,875), and China (nearly 1 million). In 2019, more than 80 % of all foreign visitors to Laos came from these three nations. Arrivals from other areas, such as Europe and North America, have, nevertheless, also increased noticeably.

Laos' tourism sector is mostly driven by the private sector, with a mix of small- and large-scale businesses providing services in the lodging, travel, food and beverage, and tour sectors. The government invests in infrastructure development, including the expansion of airports and the creation of new tourist attractions, in addition to playing a role in promoting tourism through legislative and regulatory frameworks, generating revenue growth (Figure).

Revenue dynamics in Laos tourism

Source: Statista Market Insights, Travel and Tourism, Retrieved August 25, 2023, from <https://www.statista.com/outlook/mmo/travel-tourism/laos#revenue>

The need to strike a balance between economic development and social and environmental sustainability is one of the issues facing Laos' tourism industry. Concerns have been raised regarding how tourism may affect local communities, cultural heritage, and natural resources. The public and business sectors are progressively embracing sustainable tourism strategies to solve these problems, such as promoting responsible travel, assisting community-based tourist efforts, and spending money on eco-friendly projects and activities.

Laos has seen a steady increase in the number of tourists over the past ten years, with 4.79 million foreign arrivals in 2019 compared to 2.28 million in 2010. This reflects an annual growth rate of 9.5 % on average, which is higher than the region's average growth rate (Table 2).

Tourist Arrivals to Laos by Nationality (Market Share) in 2019

Region	Tourist arrivals	Market share, %
ASEAN	3.198.829	66.7
Asia Pacific	1.317.478	27.5
Europe	182.465	3.81
Americas	82.652	1.73
Africa and Middle East	9.641	0.2

Source: Statistical report on tourism in Laos. Retrieved July 18, 2023, from <https://wearelao.com/sites/default/files/Statistical-Report-on-Tourism-2019.pdf>

With 45.09 % of all arrivals in 2019, Thailand continued to be the top source market for Laos, followed by Vietnam (19.3 %), China (21.35 %), South Korea (4.24 %), and Japan (0.8 %). The United States provided about 2 % of arrivals, making up about 3.8 % of the total (according to a Statistical report on tourism in Laos).

Tourists from nearby nations like Thailand and Vietnam frequently travel to Laos for brief stays of a few days to a week. Visitors from farther away regions, like Europe and North America, frequently remain for longer periods of time—anywhere from a few weeks to several months.

One of the challenges facing the tourism industry in Laos is the need to diversify its source markets, to reduce dependence on neighboring countries and tap into new markets with higher spending power. The government has been taking steps to promote Laos as a destination for high-end tourism, with a focus on sustainable tourism practices and niche markets such as ecotourism, cultural tourism, and adventure tourism.

The majority (over 97 %)² of all visitors to Laos come for leisure and pleasure, which continues to be the primary motive for travel. According to a statistical analysis on tourism in Laos, business travel and MICE (meetings, incentives, conferences, and exhibitions) make up about 10 % of arrivals, while other reasons including education and volunteer work make up the remaining 10 %.

It is crucial for Laos to further develop and maintain its tourism infrastructure, including its airports, highways, and lodging, in order to draw and keep tourists. Significant investment has been made in tourism-related infrastructure recently, including the creation of new tourist attractions and activities, the expansion of the international airports in Vientiane and Luang Prabang, and the building of new hotels and resorts.

² Statista Travel & Tourism Laos, Travel Behavior. Retrieved July 25, 2023, from <https://www.statista.com/outlook/mmo/travel-tourism/laos#travel-behavior>

BeerLao brand in Laos

Laos has a long history with BeerLao. The Lao government chose to start a brewery in the 1960s after realizing the potential of the beer market. The Lao Brewery Company (LBC) was founded in 1971 by the Lao government and foreign partners, notably Carlsberg and Heineken. Currently, the Carlsberg Group and the Lao government jointly own a corporation. In 1973, the brewery opened in Vientiane and started making beer. Due to its expensive price and the fact that many Lao people preferred to drink rice wine or foreign beer, BeerLao was initially not extremely well-liked. But over time, BeerLao gained popularity, especially among travelers who valued its exceptional flavor and quality. It can be said that today BeerLao represents Lao culture, pride, and identity in addition to being a beverage.

BeerLao's manufacturing procedure is kept a closely-guarded trade secret. However, it is well known that the beer is brewed with locally grown rice and premium hops that are imported from the Czech Republic and Germany. A mash is made from milled rice and water, which is then boiled and fermented with yeast. The beer is filtered, carbonated, and bottled following the fermentation process, which takes around 10 days.

BeerLao brand is available in several varieties, including the original BeerLao Lager, BeerLao White Lager, BeerLao Dark, and BeerLao Gold. The Lager is the most popular variety and has a light, refreshing taste with a slightly sweet flavor. The Dark is a more full-bodied beer with a slightly bitter taste and a darker color. The Gold is a premium beer with a smooth, balanced flavor and is often served at special occasions.³

BeerLao's branding is one of the major elements that boosts its appeal. The stylized tiger head can be seen on the BeerLao logo. Being the symbol of power and strength, the associated images are frequently found on t-shirts, hats, and other items in Laos, providing extra awareness. As the current time requires, BeerLao has also utilized social media, events, sponsorships, and other promotional initiatives.⁴ BeerLao's Facebook page has over 670,000 likes, and it regularly posts updates about new products, promotions, and events. It also runs contests and giveaways, which help to increase engagement and attract new followers. For example, in 2020, BeerLao launched a campaign called "Tiger Streaks", which encouraged customers to share photos of themselves with BeerLao products on social media. The campaign generated over 1,500 entries and helped to increase awareness of the brand.

Tourists are drawn to BeerLao for a variety of reasons, including its distinct flavor, high quality, and well-established brand. First of all, BeerLao stands out from other beers in the area with its distinctive flavor. The beer has a crisp, refreshing flavor that is perfect for Laos' hot climate and is prepared with locally sourced rice. Visitors frequently remark on how smooth and simple to drink BeerLao is, which makes it a popular option for social events and dining occasions.

³ BeerLao homepage. Retrieved August 13, 2023, from <https://www.beerlao.la/brands/beer/>

⁴ Ibid.

Secondly, the quality of BeerLao is widely recognized among beer aficionados. The beer is produced using traditional methods and high-quality ingredients, which result in a consistent and reliable product. Additionally, BeerLao has won several international awards for its quality, including a gold medal at the Monde Selection competition in Brussels in 2006 and in Japan 2007⁵.

Finally, the abovementioned logo choice has also helped the brand to become more well-known among travelers, as the tiger head is a popular Laotian national emblem. Additionally, BeerLao has invested in marketing initiatives including sponsorships and events, which have aided in raising brand awareness among travelers.⁶ One of the most famous partnerships was the Vientiane Beer Festival and the Luang Prabang Film Festival. These events provide an opportunity for BeerLao to showcase its products and engage with customers in a fun and festive environment. For example, at the Vientiane Beer Festival, BeerLao set up a large booth with multiple taps and offered free samples of its products. This helped to attract a large crowd and generate interest in the brand.

BeerLao has also partnered with other brands and organizations to promote its products. For example, it has collaborated with the Lao Airlines to offer BeerLao products on its flights, and with the popular clothing brand “Lao Artisans” to create custom BeerLao t-shirts and accessories. These partnerships helped in raising the visibility of the BeerLao brand and attract new customers.

Overall, BeerLao’s marketing strategies in cooperation with a large transnational corporation have been successful in promoting its brand and products to both locals and tourists. By utilizing social media, sponsoring events, and partnering with other brands, Carlsber has been able to increase BeerLao visibility and build a loyal customer base.

Export Destinations of BeerLao

BeerLao has become increasingly popular not only among tourists visiting Laos but also among beer drinkers around the world, as the product has been exported to a number of countries, predominantly neighboring Southeast Asian nations. The primary destinations for BeerLao exports are Thailand, China and Vietnam which is unsurprising given its proximity to Laos and the large number of Thai, Chinese and Vietnamese tourists who visit Laos each year. In addition, BeerLao is also exported to other Southeast Asian countries such as Cambodia, and Malaysia.

Outside of the region, BeerLao has made inroads in a number of other countries as well with the aid of Carlsberg group. In Europe, for example, it is available in France, Belgium, Germany, and the Netherlands, among others. BeerLao has

⁵ BeerLao homepage, Awards. Retrieved July 16, 2023, from <https://www.beerlao.la/lao-brewery/awards/>

⁶ EuroCham Laos News. Retrieved July 16, 2023, from <https://eccil.org/news/eccil-members-friends-blast-oktoberfest/>

also gained a foothold in North America, with distribution in the United States and Canada.

BeerLao exports have steadily increased in recent years. In 2019 Vietnam remains the largest export market, accounting for over 60 % of BeerLao exports, followed by China at 19 % and Thailand around 10 %.⁷ The company has stated that it plans to further expand its export market, particularly in Europe and North America, in the coming years. According to Lao PDR Beer; made from malt exports by country in 2019, It should be noted that while this table provides the export value for all beer from Laos, BeerLao has a dominant market share in Laos, accounting for over 90 % of the country's beer consumption⁸. Therefore, it can be assumed that a significant portion of the beer exported from Laos is BeerLao (Table 3).

Table 3

Lao PDR Beer made from malt, exports by country in 2019

Reporter	Product Description	Year	Partner	Trade Value 1000 USD	Quantity (Liter)
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	World	7510.40	6 560 970
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Vietnam	4867.88	3 565 600
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	China	1496.76	1 828 750
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Thailand	576.82	590 465
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	United States	176.49	156 312
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	United Kingdom	92.79	93 735.4
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Cambodia	88.55	108 058
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	France	64.94	66 528
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Korea, Rep.	39.37	46 176
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Japan	39.30	38 491.2
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Australia	38.91	37 932
Lao PDR	Beer; made from malt	2019	Singapore	10.23	9921.6

Source: WITS Lao PDR Beer exports statistics. Retrieved July 15, 2023, from <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/LAO/year/2019/tradeflow/Exports/partner/ALL/product/220300>

⁷ WITS Lao PDR Beer exports statistics. Retrieved July 15, 2023, from <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/LAO/year/2019/tradeflow/Exports/partner/ALL/product/220300>

⁸ WIPO, International Success of Laotian Beer. Retrieved July 15, 2023, from <https://www.wipo.int/ipadvantage/en/details.jsp?id=2514>

However, that the COVID-19 pandemic has had a significant impact on BeerLao exports in 2021, decreasing its sales decreased by 37 % in value terms compared to 2020.⁹ The Lao Brewery Company has had to adjust its export strategy and focus on domestic sales during this time. Nonetheless, the pre-pandemic export of BeerLao demonstrates the popularity and appeal of the brand beyond Laos and Southeast Asia.

BeerLao's export success can be attributed to several factors. One of the most important factors is the quality of the beer, as it utilizes high-quality ingredients¹⁰ in a labor intensive traditional brewing process, resulting a distinct and unique taste that distinguishes itself among other beer brands in the market. The brewery also ensures consistent quality across all batches of beer, which has helped to build trust and loyalty among consumers both in Laos and abroad.

Another factor contributing to BeerLao's success is its strong branding with the aid of Carlsberg group. The iconic logo of a tigerhead and the use of the slogans like “drink Beerlao, absorb Lao culture” and “BeerLao, Beer of wholehearted people” has helped to position the beer as a symbol of Laos and its culture. The branding has been consistent across all marketing channels, from traditional advertising to social media, which has helped to create a strong and recognizable brand image.

BeerLao's export accomplishments have also been aided by pricing. The beer is reasonably priced when compared to other premium imported beers, making it a desirable choice for those seeking a high-quality beer at a reasonable cost. The product export price has been relatively stable over the years, as it went from \$1.08 in 2017 to \$1.21 in 2018, and then dropped to \$0.88 in 2020 and 2021. By keeping the beer cost consistent the brewery is additionally contributing to consumer trust and its market position maintenance.¹¹

Lastly, due to connection to Carlsberg group, BeerLao managed to expand its distribution networks that have become crucial to the company's export success. The brewery has formed alliances with big distributors in crucial regions such as Thailand and Vietnam, ensuring that their beer is widely available. Furthermore, the brewery has invested in expanding its production capacity to meet rising demand, allowing it to keep up with rising export volumes.

In terms of regulatory frameworks, BeerLao exports to particular countries may be subject to import laws and duties, which can affect export volume and profitability. The European Union, for example, has levied anti-dumping tariffs on BeerLao's exports to the region.

In terms of market conditions, both BeerLao exports and Lao tourism are influenced by macroeconomic factors such as currency rates and economic growth

⁹ TrendEconomy, Laos trade in Beer made from malt. Retrieved July 18, 2023, from <https://trendeconomy.com/data/h2/Laos/2203>

¹⁰ BeerLao homepage, ingredients. Retrieved July 15, 2023, from <https://www.beerlao.la/brewing/ingredient/>

¹¹ Selina Wamucii Insights, Laos beer exports. Retrieved July 20, 2023, from <https://www.selinawamucii.com/insights/prices/lao/beer/>

rates. A strong Thai baht, for example, can make BeerLao more expensive for Thai customers, but a weak Thai baht can make BeerLao more competitive in the Thai market. Similarly, economic growth and wealth levels in various countries might influence demand for tourists and imported goods.

Relationship between Tourism and BeerLao’s Exports in the pre-pandemic period

BeerLao’s success in exporting its products is closely linked to tourism in Laos, as tourists are a major target consumer group and contribute significantly to the demand for its products. The number of tourists visiting Laos has been growing steadily over the past decade, with a total of 4.79 million international arrivals in 2019, up from 2.28 million in 2010. During this period, BeerLao’s exports also grew, from 1.5 million USD in 2010 to 7.5 million USD in 2019 (Table 4).

Table 4

Number of tourist arrival and Beerlao export value by year

Year	Tourist arrival (million)	Beerlaos Export Value (USD)
2010	2.5	1.58
2011	2.7	2.13
2012	2.3	2.11
2013	3.7	3.12
2014	4.1	7.11
2015	4.6	20.6
2016	4.2	20.1
2017	3.8	12
2018	4.1	9.9
2019	4.7	7.5

Source: Composed by authors from statistical report on tourism in Laos 2020 and TrendEconomy Laos trade in Beer made from malt. Retrieved July 18, 2023, from <https://trendeconomy.com/data/h2/Laos/2203> and <https://wearelao.com/sites/default/files/Statistical-Report-on-Tourism-2020.pdf>

A correlation analysis of these two variables shows a positive relationship, with a correlation coefficient of 0.71, suggesting a relationship between tourism and BeerLao’s exports. During the period of 2010 to 2019, the number of tourists visiting Laos increased by 110.5% while BeerLao’s exports grew by 400%. Although

correlation does mean causation, it is possible that as the number of tourists visiting Laos increases, the exports of BeerLao also tend to increase. Whoever, it is important to note other factors that may also be influencing the growth of tourism and beer exports in Laos.

Although the travel and tourism sector saw significant growth in 2015 and 2016, tourism's relative share of GDP substantially fluctuated in recent years averaging 12.5 percent from 2016–2019, before the onset of the COVID-19 global pandemic¹². As studies show (Ali et al., 2021), tourism sector also has a certain multiplier effect on other sectors, including agriculture and manufacturing, which includes beer production.

Overall, tourism and BeerLao exports have a mutually beneficial relationship, as an increase in tourism flows in pre-pandemic period coincided with BeerLao's exports, potentially impacting the demand for BeerLao in both the domestic and foreign markets. An interesting outlook to future study is, however, the potential impact of BeerLao's exports on inbound tourism in Laos. BeerLao may have been able to engage more in marketing and promotional operations as it develops into new export markets, which might assist raise awareness of Laos as a vacation destination. Some studies are showing that joint brand advertisements with highly familiar national tourist brands provide a favourable influence on tourists' behavioural intentions towards heritage sites, and the latter brand's credibility, meaning that marketers should resort to joint brand advertisements with familiar brands to effectively promote emerging heritage sites (Can et al., 2021).

Laos is a developing country that heavily relies on tourism as a source of foreign currency and job creation. In recent years, the country has experienced a steady growth in the number of tourist arrivals, with over 4.6 million visitors in 2019. However, the COVID-19 pandemic has severely impacted the tourism industry worldwide, including Laos, where the number of arrivals dropped to less than 900,000 in 2020.¹³

Changes in tourism flows could have a considerable impact on BeerLao's exports, as visitors are a crucial market for the beer brand. When tourists visit Laos, they frequently consume local products such as BeerLao to learn about the country's culture and cuisine. As a result, a fall in visitor arrivals may result in a decrease in demand for BeerLao, both domestically and internationally. As of today, the country could only regain 1294 338 tourist arrivals in 2022, which is rather small comparing to the pre-pandemic period, but a huge success after a devastating 0 in 2021¹⁴. Most tourists are arriving from the same list of countries — Thailand, Vietnam, China, South Korea and the United States.¹⁵ Interestingly, the overall

¹² International trade administration, Country Commercial Guides Laos. Retrieved July 23, 2023, from <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/laos-tourism-infrastructure-and-resorts>

¹³ ECCIL reports, Statistical report on tourism 2020. Retrieved July 18, 2023, from <https://eccil.org/wp-content/uploads/2021/06/Statistical-Report-on-Tourism-2020.pdf>

¹⁴ TradingEconomics, Laos Tourist Arrivals. Retrieved July 14, 2023, from <https://tradingeconomics.com/laos/tourist-arrivals>

¹⁵ The Laotian Times, Almost 1.3 Million Tourists Visited Laos in 2022. Retrieved July 20, 2023, from <https://laotiantimes.com/2023/02/16/almost-1-3-million-tourists-visited-laos-in-2022/>

BeerLao's exports in 2021 have bounced back to slightly over 5 million liters,¹⁶ showing a much higher consistency and stability comparing to tourist arrival figures, but now with China taking the lead over Vietnam in consumption. This might mean that the pre-pandemic correlation needs to be reconsidered, as some other factors have come into play after 2020. As further statistics will be gathered, future research of this topic is important.

Several difficulties and trends, however, may define the future of both the Laos tourism industry and BeerLao exports. One of them is increased rivalry in the global beer market as more brands and kinds enter the market. BeerLao may need to continue to reinvent its products, marketing techniques, and distribution channels in order to maintain its unique character and quality.

Another concern is shifting consumer choices and behaviors, which may have an impact on demand for BeerLao and tourism in Laos. Younger generations, for example, may have different tastes and expectations than older generations, and they may choose various sorts of alcoholic beverages or travel destinations. Furthermore, the COVID-19 epidemic has hastened the transition to digitalization and e-commerce, which may need BeerLao adapting to new modes of marketing and advertising its products.

Overall, the future of Laos tourism and BeerLao exports is dependent on a variety of factors, including the global economy, consumer trends, and government policy. However, by comprehending the connection of these two sectors and adapting to changing conditions, Laos and BeerLao may be able to grab prospects for growth and development in the coming years.

Conclusion

In conclusion, BeerLao pre-pandemic dynamic seems as a good example of how the tourism and agro-food industries are interwoven and how important both tourism and beer exports are to Laos' economy. Over time, there has been a marked increase in the number of tourists visiting Laos, which has probably helped BeerLao's exports develop in pre-pandemic period. Due to its distinctive flavor, quality, branding, pricing, and distribution methods, BeerLao has successfully expanded its export markets to nations in Southeast Asia, Europe, and North America.

There is a positive association between BeerLao exports and tourism in Laos, according to an examination of the two variables. BeerLao's exports have been significantly impacted by changes in tourist flows, such as the COVID-19 epidemic, as evidenced by the decline in export volumes to important markets. As seen by the marketing of BeerLao as a component of Laos' cultural and tourism offers, changes in BeerLao's exports, on the other hand, can also have a significant impact on tourism.

¹⁶ WITS Lao PDR Beer exports statistics. Retrieved July 15, 2023, from <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/LAO/year/2021/tradeflow/Exports/partner/ALL/product/220300>

Both the global beer market and the Laos tourism sector face opportunities and problems in the future. BeerLao and the tourism sector in Laos may benefit from trends like the rise of craft beer and sustainable tourism. But difficulties including heightened rivalry, shifting customer preferences, and environmental worries might create significant barriers.

Overall, the connection between tourism and beer exports in Laos shows the possibility for cooperative relationships between two significant economic sectors, but the obvious pattern change after 2020 needs further research upon gathering new export statistics. A greater understanding of the relationship between tourism and exports in different nations and regions can be achieved with the help of additional research in this field.

References

- Alsamawi, A., Fritz, O., & Yamano, T. (2021). Measuring Economic Impacts of International Tourism Activities: A Global Inter-Country Input–Output Approach. 211–232. In Ferrante, Mauro, Fritz, Oliver, Oner, Ozge. *Regional Science Perspectives on Tourism and Hospitality*. Springer Nature. Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61274-0>. Pp 512 ISBN 978-3-030-61273-3.
- Can, A.S., Ekinici, Y., & Pino, G. (2021). Joint brand advertising for emerging heritage sites. *Annals of Tourism Research*, 91. 103294. <https://doi.org/10.1016/J.ANNALS.2021.103294>
- Madaleno, A., Eusebio, C., & Varum, C. (2016). International tourism and exports of agro-food products: a causality analysis. *Anatolia: An International Journal of Tourism and Hospitality Research*, 27(2), 251–261. <https://doi.org/10.1080/13032917.2015.1106955>
- Madaleno, A., Eusebio, C., & Varum, C. (2017). Exports and Tourism: Testing the Causality. *International Journal of Hospitality & Tourism, Administration*, 18(4), 444–458. <https://doi.org/10.1080/15256480.2017.1289140>
- Refiana, A.R., & Purwono, R. (2021). The Role of Tourism in Promoting. *Export Performance in Indonesia: Gravity Model Approach*, 04(08), 1521–1529. <https://doi.org/10.47191/JEFMS/V4-I8-30>
- Guedes, A., Niklas, B., Back, R., & Rebelo, J. (2022). Implications of an exogenous shock (COVID-19) on wine tourism business: A Portuguese winery perspective. *Tourism and Hospitality Research*, 23, 113–120. <https://doi.org/10.1177/14673584221085214>. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/14673584221085214>
- Khan, N., Hassan, A., Fahad, S., & Naushad, M., (2020). Factors Affecting Tourism Industry and Its Impacts on Global Economy of the World. *SSRN Electronic Journal*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3559353>, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3559353 (accessed: 14.07.2023).
- Lee, R., Khan, H., & Bellman, S. (2021). Mere association of product image and travel destination. *Annals of Tourism Research*, 86, 103062. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.103062>.
- Marrocu, E., & Paci, R. (2011). They Arrive with New Information: Tourism Flows and Production Efficiency in the European Regions. *Tourism Management*, 32, 750–758. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2010.06.010>
- Naseem, S. (2021). The Role of Tourism in Economic Growth: Empirical Evidence from Saudi Arabia. *Economies*, 9(30), 117. <https://doi.org/10.3390/economies9030117>
- Çalışkan, U., Saltik, I.A., Ceylan, R., & Bahar, O. (2019). Panel cointegration analysis of relationship between international trade and tourism: Case of Turkey and silk road countries. *Tourism Management Perspectives*, 31, 361–369. <https://doi.org/10.1016/J.TMP.2019.07.003>

Bio notes / Сведения об авторах

Sergey U. Chernikov, Candidate of Economic Sciences, MBA, Associate Professor, Department of Marketing, Faculty of Economics, RUDN University. E-mail: chernikov_syu@pfur.ru

Черников Сергей Юрьевич, кандидат экономических наук, MBA, доцент, кафедра маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: chernikov_syu@pfur.ru

Vithaya Chanthasy, Master student, Department of Marketing, Faculty of Economics, RUDN University. E-mail: vithayachanthasyb9@gmail.com

Чантхаси Витхайа, магистр, кафедра маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: vithayachanthasyb9@gmail.com

Ekaterina A. Degtereva, Doctor of Economic Sciences, Professor Department of Marketing, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-8752-5840. E-mail: degtereva-ea@rudn.ru

Дегтерева Екатерина Андреевна, доктор экономических наук, профессор, кафедра маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-8752-5840. E-mail: degtereva-ea@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-53-68

EDN: POVGFR

UDC 339

Research article / Научная статья

Optimization path of China's energy industry structure under low carbon economy situation

XiangRu Ma , Ekaterina V. Nezhnikova

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 1042218197@pfur.ru

Abstract. The study discusses the main aspects of optimizing the structure of China's energy industry in a situation with a low-carbon economy. To build a model for forecasting electricity demand, the method of partial least squares regression is used. The basic scenario and the scenario with restrictions are set taking into account the peculiarities of the development of a new normal economy. Based on the baseline scenario and the restricted scenario, the total energy demand, energy consumption structure and CO₂ emissions in China are projected. Taking into account energy, economic and environmental factors, a multi-purpose optimization model of the energy consumption structure was built and the structure of China's energy consumption and the corresponding CO₂ emissions under optimization scenarios were obtained. This research describes revise the energy consumption structure in China, should reducing energy consumption and carbon dioxide emissions is very helpful.

Keywords: China energy industry, optimization, low-carbon economy

Article history: received October 24, 2023; revised November 28, 2023; accepted December 14, 2023.

For citation: Ma, XiangRu, & Nezhnikova, E.V. (2024). Optimization path of China's energy industry structure under low carbon economy situation. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 53–68. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-53-68>

© Ma XiangRu, Nezhnikova E.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Пути оптимизации структуры энергетической отрасли Китая в условиях низкоуглеродной экономики

Сянжу Ма , Е.В. Нежникова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 1042218197@pfur.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты оптимизации структуры ТЭК Китая в ситуации низкоуглеродной экономики. Для построения модели прогнозирования спроса на электроэнергию используется метод регрессии частичных наименьших квадратов. Базовый сценарий и сценарий с ограничениями заданы с учетом особенностей развития новой нормальной экономики. На основе базового сценария и ограниченного сценария прогнозируются общий спрос на энергию, структура энергопотребления и выбросы CO₂ в Китае. С учетом энергетических, экономических и экологических факторов была построена многоцелевая оптимизационная модель структуры энергопотребления и получения энергии в Китае и соответствующие выбросы CO₂ при сценариях оптимизации. Это исследование описывает пересмотр структуры энергопотребления в Китае, если сокращение потребления энергии и выбросов углекислого газа будет очень полезным.

Ключевые слова: энергетика Китая, оптимизация, низкоуглеродная экономика

История статьи: поступила в редакцию 24 октября 2023 г., проверена 28 ноября 2023 г., принята к публикации 14 декабря 2023 г.

Для цитирования: *Ma XiangRu, Nezhnikova E.V. Optimization path of China's energy industry structure under low carbon economy situation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 53–68. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-53-68>*

Introduction

The global process of combating climate change that has unfolded in recent decades and the intentions stated by many countries to abandon or significantly reduce the use of coal in favor of Renewable energy has become a serious challenge for the PRC, in which coal is a significant factor in ensuring economic growth and well-being of the population.

Responding to the global challenges of the 21st century, Chinese President Xi Jinping announced at the 75th session of the UN General Assembly in September 2020 that China would strive to reach a peak in carbon dioxide emissions by 2030 and carbon neutrality by 2060 (Makeev, Salitskii, Semenova, 2022). The key direction of achieving these strategic goals is the further development and increasing the efficiency of sustainable energy generation, the widespread use of digital technologies, artificial intelligence and other breakthrough innovative technologies.

China has rich resources of renewable energy sources, but the use of these resources (excluding hydro resources) for the generation of energy on an industrial scale, it began to gain momentum only since the 1990s. Total energy consumption has increased dramatically — from 1,469.64 million tons of standard coal in 2000 to 4,260 million tons in 2014. In 2014, it reached 4,260,000,000 tons of standard coal, which corresponds to an average annual growth rate of 7.9%. In addition, today, coal dominates China's energy consumption, and the share of natural gas, primary electricity and other clean energy sources in the total energy consumption is on average 7.9%. The total share of consumption of natural gas, primary electricity and other clean energy sources is always below 17%, which leads to a constant increase in CO₂ emissions in China. As a result, China's CO₂ emissions continue to grow (Makarov, Novikova, Tabakova, 2017).

In order to reduce CO₂ emissions and realize the transition to low-carbon development, the Chinese Government has taken a number of policy measures. With the implementation of this policy, combined with the fact that China's economy has entered a new normal phase, the pace of economic growth is shifting, resources and environmental constraints are reduced. As the Chinese economy enters a new normal, economic growth speeds shift and resource and environmental restrictions tighten, the growth rate of energy consumption slows down, and the trend of CO₂ emissions growth is restrained to a certain extent. However, China has entered the stage of late industrialization and rapid urbanization, and GDP continues to grow at medium and high rates. In the short term, energy demand and CO₂ emissions will continue to grow (Klavdienko, 2018).

Thus, the issues of optimizing the structure of China's energy industry in the context of a low-carbon economy are relevant in the article. In this connection, this article conducts research on the following two issues:

- forecasting energy demand in China in accordance with the trend of transition to a low-carbon economy in a new reality;
- how to achieve low-carbon development by improve the mix of the energy consumption in the context of the trend of low-carbon transition.

Theoretical summary

Low-carbon economy and energy structure adjustment are important issues in contemporary global economic development, attracting the attention and research of many scholars. In the past few decades, scholars have put forward many views and conclusions on low-carbon economy and energy structure adjustment through in-depth research and theoretical analysis.

First, Smith and Brown (Smith, Brown, 2015) pointed out in their work that the core of low-carbon economy is to achieve sustainable development by reducing carbon emissions. They believe that through technological innovation, policy guidance and the promotion of market mechanisms, the country can achieve the transition from a high-carbon to a low-carbon economy. This view has been verified in many studies. For example, the study by Johnson and Brown (Johnson, Brown, 2018) deeply explored

the key role of technological innovation in the transition to a low-carbon economy. Smith and Brown (Smith, Brown, 2015) pointed out in their work that the core of low-carbon economy is to achieve sustainable development by reducing carbon emissions. They believe that through technological innovation, policy guidance and the promotion of market mechanisms, the country can achieve the transition from a high-carbon to a low-carbon economy. This view has been verified in many studies. For example, the study by Johnson and Brown (Johnson, Brown, 2018) deeply explored the key role of technological innovation in the transition to a low-carbon economy. At the same time, Wang and Li (Wang, Li, 2016) proposed a comprehensive model combining energy structure adjustment, emphasizing that reasonable adjustment of the energy structure is crucial to the realization of a low-carbon economy. They believe that by strengthening the development and utilization of clean energy, the country can reduce its dependence on high-carbon energy and promote the transformation of the energy structure into a low-carbon direction. This view has been further supported by empirical research in recent years. For example, Chen (2020) found through case analysis of multiple countries that the adjustment of energy structure is one of the effective ways to achieve a low-carbon economy. On the other hand, Huang and Wu (Huang, Wu, 2017) emphasized the important role of the government in the transition to a low-carbon economy from the perspective of social policy. They believe that by establishing a sound policy system, including a carbon emissions trading system, tax incentives and other means, companies and individuals can be better guided to develop in a low-carbon direction. This view has also been confirmed in the research of Smith and Jones (Smith, Jones, 2019). Through international comparative analysis, they found that government policy initiatives directly affect the speed of promoting the low-carbon economy.

At the same time, Wang and Li (Wang, Li, 2016) proposed a comprehensive model combining energy structure adjustment, emphasizing that reasonable adjustment of the energy structure is crucial to the realization of a low-carbon economy. They believe that by strengthening the development and utilization of clean energy, the country can reduce its dependence on high-carbon energy and promote the transformation of the energy structure into a low-carbon direction. This view has been further supported by empirical research in recent years. For example, Chen (2020) found through case analysis of multiple countries that the adjustment of energy structure is one of the effective ways to achieve a low-carbon economy. Li and Zhang (Li, Zhang, 2018) pointed out in their study that by promoting the development of green industries and clean technologies, the country can achieve the upgrading and transformation of the industrial structure. They believe that the development of green industries can not only create employment opportunities, but also help reduce emissions from traditional high-carbon industries and promote the overall industrial structure to develop in a low-carbon direction. In addition, the research by Gao et al. (2021) provides an in-depth analysis of the impact of industrial structural adjustment on economic growth and environmental sustainability. They found that in the process of industrial restructuring, we should focus on high value-added, low-emission industries to promote economic growth while reducing carbon footprint. On the other hand, Sun and Wang (2019) studied

the experiences and lessons of different countries in industrial structure adjustment from the perspective of international comparison. They found that successful industrial restructuring requires deepening technological innovation, improving the financial system, and emphasizing policy synergy to promote the development of low-carbon industries.

Regarding specific policy measures, Xu and Liu (Xu, Liu, 2022) put forward suggestions to guide enterprises to adjust their industrial structure through financial incentives, tax incentives and other means. They believe that the government needs to consider the characteristics of different industries when implementing these policies to achieve more precise industrial structure adjustments. On the other hand, Huang and Wu (Huang, Wu, 2017) emphasized the important role of the government in the transition to a low-carbon economy from the perspective of social policy. They believe that by establishing a sound policy system, including a carbon emissions trading system, tax incentives and other means, companies and individuals can be better guided to develop in a low-carbon direction. This view has also been confirmed in the research of Smith and Jones (Smith, Jones, 2019). Through international comparative analysis, they found that government policy initiatives directly affect the speed of promoting the low-carbon economy.

Scholars generally believe that low-carbon economy and energy structure adjustment are one of the key paths to achieve sustainable development. Through the comprehensive promotion of technological innovation, energy structure adjustment and government policies, the country can gradually realize the economic transformation from high carbon to low carbon. However, specific practical operations still face challenges and difficulties, requiring further deepening of research and international cooperation.

Methods and materials

The basic method of this research was made up of general scientific methods of cognition of economic phenomena and processes — analysis, bibliographic methods, statistical observations, etc.

The source of materials for the analysis were data, statistical reports, and materials from two countries Government what China and Russia and other organizations. A number of studies of scientists are devoted to the topic of the study. In particular, Guo Li (Guo 2012), Zhang Danhua (Zhang 2016), Chen Fang (Chen 2018), Davydova Polina (Davydova 2019), Cheng Hongze (Cheng 2019), Kondrus Ivan (Kondrus 2020) and others write about Russia's economic strategies, energy economic cooperation and other issues related to energy technologies.

Results by this research

Currently, China is a recognized world leader in all sectors of renewable energy in terms of investment, installed capacity, Enhanced production and consumption of sustainable energy. China in sustainable energy field gained

large success. In less than a decade and a half, the country has managed to create a powerful production and scientific and technical base, develop a raw material platform for a new innovative industry. The total installed capacity in China's renewable energy sector in 2012–2022 increased 3.5 times, exceeding 1,160 GW. Today, it accounts for a third of the global installed capacity in this industry, exceeding the corresponding indicator of the main competitor countries taken together (Table 1) (Kranina, 2021).

Table 1

**Share of leading countries in the global installed capacity
of renewable energy and its sectors, %**

Renewable energy sector	China		EU (27 countries)		USA	
	2012	2022	2012	2022	2012	2022
Total installed capacity in renewable energy	20.9	34.4	22.1	16.9	11.4	10.4
Wind power	28.4	40.7	36.4	22.7	22.1	15.7
Solar energy	6.4	37.3	68.5	22.3	8.3	10.7
Hydropower	22.9	29.7	13.3	11.0	11.1	7.4
Bioenergy	6.0	20.8	34.5	23.6	14.7	7.6

Source: Kranina, 2021.

Capacities in wind power and solar energy have been growing at the highest rates in the last decade. The total installed capacity in the wind power industry of China has increased 6 times and by 2023 reached 366 GW, which is 40 % of the installed global capacity in this sector (more than in all EU and US countries combined). The installed capacity in the solar energy sector of China increased even faster. In 2012–2022, it increased 46 times and by 2023 amounted to 395 GW, exceeding a third of the total global capacity in this industry.

It is interesting to change the leader in this sector of green energy. Until 1997, the US solar energy industry was leading by a large margin in terms of installed capacity and electricity generation, from 1997–2004 Japan became the world leader in the industry. In 2005, Germany took over the leadership in solar energy for ten years, and since 2015, China has been the unchanged world leader in installed capacity and generation volume in solar energy. China's dominance in the global solar energy industry is not limited to the scale of installed capacity. It is also important that it accounts for over $\frac{2}{3}$ of the global production of polysilicon, the main raw material for the manufacture of solar panels (Gorbacheva, 2019).

The high dynamics of capacity growth was also characteristic of China's bioenergy. In the last decade, the total installed capacity in this industry has increased

5 times. In 2022, China was twice as high in this indicator as Brazil, which followed it, and the United States, which was in third position, was three times higher. However, the level of waste disposal in China is still low. Every year, the country produces 900 million tons of agricultural and forestry waste. The use of such an amount of biomass is equivalent to 400 million tons of conventional fuel, but only 10 % of this volume of waste is used as energy carriers (Klavdienko, 2019)

Of all the renewable energy sectors, China's hydropower has the largest installed capacity — 413.5 GW (2022), maintaining world leadership in this indicator for many years. However, in the last decade, the average annual increase in capacity in hydropower is low (less than 3 %). And although it still makes the largest contribution from renewable energy sources to the total volume of electricity generation, this contribution is permanently decreasing in favor of wind and solar energy.¹

A characteristic trend of renewable energy in China has become not only the increase in total installed capacity, but also a steady growing share of the industry in total electricity generation. If in 2000 the share of RES in total generation was 16.6 %, in 2012–19.0 %, then in 2022 it increased to 29.7 % with the shares of hydro, wind, solar and bioenergy 16.0; 7.8; 3.9; 2.0 %, respectively (Chang, 2015).

Next, we will forecast energy demand by selecting and analyzing factors that affect energy demand.

The demand for energy is based on factors such as the economy, technology, the domestic and international political situation, as well as climate change. By the results of previous scientists, taking into account historical and national statistics, this paper identifies the main factors affecting energy demand, and analyzes them (Akhmetova & Smirnov, 2020).

1. Economic growth. In this paper, the author uses GDP indicators to indicate economic growth, since the change in GDP affects the standard of living of the population, the level of consumption, technological progress and the structure of energy consumption. Using the data given in Table 2, it is possible to calculate the average annual growth rates of China's GDP and energy consumption from 2000 to 2014. The average annual growth rates of China's GDP and energy consumption from 2000 to 2014 are 9.8 % and 7.9 %, respectively, and the average coefficient of elasticity of energy consumption is 0.80 %. It is obvious that the demand for energy in China is closely related to GDP growth.
2. Industrial structure. Scientists at home and abroad have conducted a large number of studies on the problem of industrial structure and have come to the conclusion that three industrial structures have different characteristics and changes in the industrial structure will have a significant impact on energy demand in China.² At present, China has entered a late stage of industrialization,

¹ China's Grand Strategy and Energy. Perth USAsia Centre. Retrieved October 20, 2023, from <http://perthusasia.edu.au/getattachment/Our-Work/Energy-Security-Vol-3-China-s-Grand-Strategy/PUAC-EnergySecurity-Program-China-May-2017.pdf.aspx?lang=en-AU>

² China Energy Program. International Energy Analysis. Retrieved October 20, 2023, from <https://china.lbl.gov/sites/default/files/misc/ceid-9-2017-final.pdf>

and the share of secondary industry in China is higher than in Europe, America and Japan. Therefore, industrial restructuring during China's the thirteenth Plan with 5 years is first strategies for China.

3. The structure of energy consumption. There are large differences in the calorific value of different types of energy, changes of structure in energy consumption directly affect the demand for energy consumption, which cannot be ignored. In this paper, to characterize the structure of energy consumption, the ratio of consumption of coal, oil, natural gas and primary consumption of electricity and other types of energy is used.
4. Technological progress. The impact of technological progress on energy demand is a process as a result of which the structure of energy consumption can fundamentally change, and then affect the trend of development of demand for energy consumption (Lukonin, Anosov, 2021).
5. The total population and the level of urbanization. Changes in the total population and the level of urbanization will have a significant impact on energy demand.
6. Currently, urbanization in China is in the middle stage of rapid development, and the liberalization of the two-child policy will have a significant impact on energy demand in China's the thirteenth Plan with 5 years. In the research, we use the percentage of the urban population as the basis for calculating energy demand. In this paper, the level of urbanization is expressed as the ratio of the urban population to the total population. The level of urbanization is expressed as the share of the urban population in the total population.³
7. The level of living consumption of the population. According to Maslow's hierarchy of needs theory, with an increase in the level of living consumption, residents will increase the consumption of environmentally friendly types of energy, such as natural gas, solar energy and electricity, and reduce the consumption of traditional types of energy, such as firewood and coal. To Represents the level of living consumption of the population in this work, annual per capita expenditures per inhabitant are used (Makeev et al., 2022).

Next, we will conduct a simulation of electricity demand forecasts.

The dependent variable is energy demand (Y), and the independent variables are: (x3) oil consumption, (x4) natural gas consumption, (x5) primary consumption of electricity and other energy carriers (x6), energy demand (Y), (x7) energy consumption per unit of GDP, (x8) the total population, (x9) the level of urbanization and (x10) annual consumer spending per capita (Zhukov, Reznikova, 2023).

To avoid the possibility of serious duplication between variables in the collinearity model, multiple collinear analysis is performed before modeling, and the relationship between variables is shown in Table 3.

³ National Bureau of Statistics of Chin. Retrieved October 20, 2023, from <http://www.stat.s.gov.cn/english/>

Table 2

Basic data on each of the influencing factors in the period from 2000–2014

Years	Economic growth	Industrial structure	Energy consumption structure				Technological progress	Total population	Urbanization rate	Resident life Consumption level		Total energy demand
	GDP / billion yuan	Second production Industry proportion, %	Coal consumption, %	Oil consumption, %	Natural qi dissipates Proportion of fees, %	Primary power, %	Unit GDP Energy consumption	Population	City Conversion rate, %	Residents per capita / yuan	Residents per capita / yuan	Total energy demand
2000	150 550.8	45.4	68.5	22.0	2.2	7.3	0.976	126 743	36.22	4788.0	4788.0	146 964.00
2001	163 044.1	44.7	68.0	21.2	2.4	8.4	0.954	127 627	37.66	5980.3	5980.3	155 547.00
2002	177 866.3	44.3	68.5	21.0	2.3	8.2	0.953	128 453	39.09	5508.5	5508.5	169 577.00
2003	195 688.4	45.5	70.2	20.1	2.3	7.4	1.007	129 227	40.53	5826.1	5826.1	197 083.00
2004	215 405.3	45.8	70.2	19.9	2.3	7.6	1.069	129 988	41.76	6243.6	6243.6	230 281.00
2005	239 859.00	46.9	72.4	17.8	2.4	7.4	1.090	130 756	42.99	6849.5	6849.5	261 369.00
2006	270 292.8	47.4	72.4	17.5	2.7	7.4	1.060	131 448	44.34	7428.2	7428.2	286 467.00
2007	308 660.8	46.7	72.5	17.0	3.0	7.5	1.009	132 129	45.89	8375.9	8375.9	311 442.00
2008	338 364.4	46.8	71.5	16.7	3.4	8.4	0.948	132 802	46.99	9072.1	9072.1	320 611.00
2009	369 607.4	45.7	71.6	16.4	3.5	8.5	0.909	133 450	48.34	9963.5	9963.5	336 126.00
2010	408 903.0	46.2	69.2	17.4	4.0	9.4	0.882	134 091	49.95	10 919.0	10 919.0	360 648.00
2011	447 685.4	46.1	70.2	16.8	4.6	8.4	0.865	134 735	51.27	12 124.0	12 124.0	387 043.00
2012	482 382.4	45.0	68.5	17.0	4.8	9.7	0.834	135 404	52.57	13 225.1	13 225.1	402 138.00
2013	519 447.7	43.7	67.4	17.1	5.3	10.2	0.803	136 072	53.70	14 196.2	14 196.2	416 913.00
2014	557 203.9	42.7	66.0	17.1	5.7	11.2	0.765	136 782	54.77	15 308.9	15 308.9	426 000.00

Source: Makeev, Salitski, 2022.

Table 3

Correlation coefficients between variables

	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	X1
x1	1.0000	-0.3569	-0.3266	-0.7932	0.9812	0.8432	-0.8191	0.9836	0.9892	0.9981
x2	0.3560	1.0000	0.9172	0.2047	-0.4930	-0.7230	0.7003	-0.2287	-0.2487	-0.4068
x3	-0.3266	0.9172	1.0000	-0.2997	-0.4844	-0.7181	-0.7152	-0.1752	-0.2043	-0.3752
x4	-0.7932	-0.2047	-0.2997	1.0000	-0.6741	-0.4284	0.3780	-0.8765	-0.8610	-0.7597
x5	0.9812	-0.4930	-0.4844	-0.6741	1.0000	0.8985	-0.8965	0.9332	0.9448	0.9889
x6	0.8432	-0.7230	-0.7181	-0.4284	0.8985	1.0000	-0.9150	0.7703	0.7827	0.8634
x7	-0.8191	0.7003	0.7152	0.3780	-0.8965	-0.9150	1.0000	-0.7179	-0.7416	-0.8388
x8	0.9836	-0.2287	-0.1752	-0.8765	0.9332	0.7703	-0.7179	1.0000	0.9990	0.9735
x9	0.9892	-0.2487	-0.2043	-0.8610	0.9448	0.7827	-0.7416	0.9990	1.0000	0.9805
x10	0.9981	-0.4068	-0.3752	-0.7597	0.9889	0.8634	-0.8388	0.9735	0.9805	1.0000

Source: compiled by the authors.

As can be seen from Table 2, there is a very strong correlation between annual living expenses and oil consumption. There is a strong correlation between GDP and energy consumption (consumption of primary electricity and other types of energy). Obtained using OLS regression. To the determined coefficient of determination R^2 is 0.9997, which indicates a relatively high degree of fit of the model. However, the negative coefficient of the total population does not correspond to reality, since the growth is the total population will necessarily lead to the growth in energy demand, which indicates that there is a problem of multicollinearity between variables (Makeev, 2022).

To build a model for forecasting electricity demand, the PLS method is used in this work.

A standardized regression equation is obtained using regression analysis:

$$\begin{aligned}
 Y' = & 0,155202 + 0,0687447 \times 2' + 0,0757818 \times 3' - 0.198451 \times 4' + \\
 & + 0.12798 \times 5' + 0.0631958 \times 6' - 0.051798885 \times 7' + 0.174002 \times 8' + \\
 & + 0.171218 \times 9' + 0.147907 \times 10' + 3.0386.
 \end{aligned} \quad (1)$$

The PLS regression equation has the form:

$$\begin{aligned}
 Y = & 011052 \times 1 + 5177.21 \times 2 + 3655.22 \times 3 - 10002 \times 4 + 10256.6 \times 5 + \\
 & + 5190.39 \times 6 - 51005.8 \times 7 + 5.349 \times 8 + 2768.59 \times 9 + 4.11142 \times 10 - 49600.
 \end{aligned} \quad (2)$$

Substituting the data for the corresponding variables from the Table 2 in equation (2), can be calculated to the total energy demand for the period 2000–2014. When compared with actual power consumption, the average error is only 2.325 %, and the standard deviation is 0.020009. Thus, this paper uses an energy demand forecasting model based on the PLS regression method to predict energy demand in China in the future. The energy demand forecasting model based on the PLS regression method has high applicability and reliability (Chang N., 2015).

The projected results are shown in Tables 4 and 5. The total energy demand and the corresponding CO₂ emissions are shown in Tables 4 and 5.

Table 4

Structure of primary energy consumption within the sub-scenario from 2015 to 2022

Years	Benchmark scenario				Constrained scenario			
	coal	petroleum	natural gas	Primary electricity and others	coal	petroleum	natural gas	Primary electricity and others
2015	65.09	17.21	6.05	11.65	64.68	17.24	6.28	11.80
2016	64.17	17.31	6.43	12.09	63.32	17.36	6.91	12.41
2017	63.23	17.40	6.81	12.56	61.92	17.45	7.59	13.04
2018	62.26	17.49	7.21	13.04	60.46	17.53	8.34	13.68
2019	61.28	17.55	7.64	13.53	58.94	17.58	9.14	14.34
2020	60.27	17.62	8.09	14.02	57.40	17.60	10.00	15.00
2021	60.26	17.69	9.01	15.51	56.67	17.62	10.43	15.32
2022	60.24	17.73	9.87	16.02	55.33	17.65	10.56	15.42

Source: compiled by the authors.

Table 5

Structure of primary energy consumption under various scenarios from 2015 to 2022

Years	Baseline scenario		Constrained scenario	
	Total energy demand	CO ₂ emissions	Total energy demand	CO ₂ emissions
2015	441 186.01	944 447.95	437 712.97	932 419.26
2016	456 563.92	969 041.04	450 014.88	946 169.60
2017	473 182/38	996 029.06	463 979.78	963 540.47
2018	491 115.90	1025 545.98	479 711.18	984 726.40
2019	510 444.30	1057 739.25	497 321.89	1009 959.63
2020	531 253.14	1092 771.10	516 934.79	1039 515.42
2021	558 975.54	1098 713.34	527 513.81	1041 231.11
2022	567 632.12	1126 571.42	533 241.01	1051 871.63

Source: compiled by the authors on the basis of Akhmetov V.R., Smirnov O.V. (Akhmetov, Smirnov, 2020)

Next, let's look at the aspect of energy's consumption structure. Under this background transition to low-carbon development, taking into account energy, economic and environmental factors, a multi-purpose optimization model of the structure of energy consumption is constructed in this paper.

Discussion

The hypothesis of this work is that in the conditions of transition to low-carbon development, the goal of the model is to ensure the growth of China's economy at an average high rate with the lowest total energy consumption and the lowest CO₂ emissions.

For primary electricity and other energy sources, only hydropower, nuclear power and wind power are considered, and hydropower, nuclear power and wind power have been developing in parallel since 2010, the cost of energy use and the cost of CO₂ recovery remain unchanged compared to 2010, China's GDP in the period 2015–2022 is growing by 7%.⁴

The basic and optimized scenario of the energy consumption structure for 2015–2022 is presented in Figure 1.

Compared to the baseline scenario, energy consumption in China in 2022 with an optimized energy consumption structure will be reduced by 36,783.14 million tons of standard coal, which is about 6.92 % of the baseline scenario. At the same time, the growth rate of the energy saving potential in the period 2015–2020 is gradually increasing — about 6.92 % of the baseline scenario.

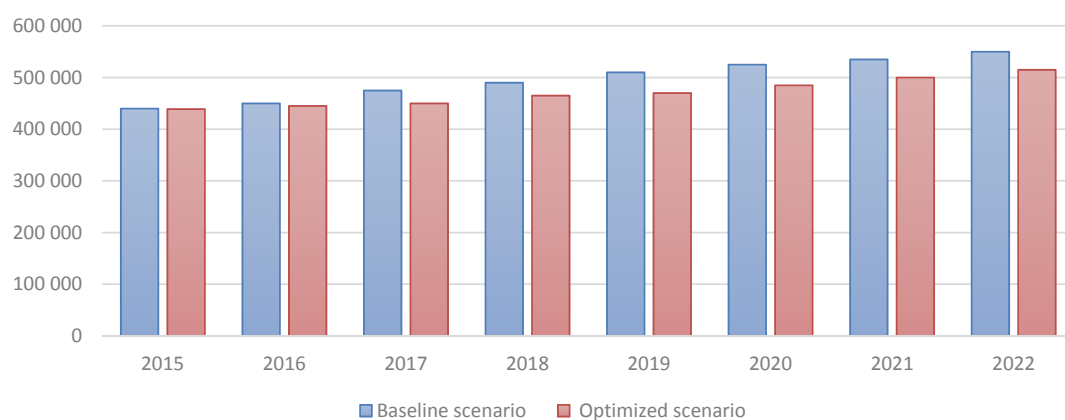

Figure 1. Baseline scenario and optimized scenario of energy consumption structure in China, 2015–2022

Source: compiled by the authors.

The energy saving potential in 2015 is 1.01 %, and the energy saving potential in 2016 is 1.01 % higher than in 2015. The energy saving potential in 2016 is 0.93 % higher than in 2015. The growth rate of the energy saving potential is accelerating

⁴ China Energy Program. International Energy Analysis. Retrieved October 20, 2023, from <https://china.lbl.gov/sites/default/files/misc/ce-d-9-2017-final.pdf>

significantly over time, and by 2020 the energy saving potential is 1.42 percentage points higher than in 2019. One of the important reasons is that the period of China's the thirteenth Plan with 5 years is a transitional period for China's low-carbon development. The share of sustainable energy sources with high calorific value will increase as a result of technological progress in the field of energy use, which will lead to a significant reduction in total energy consumption. Overall energy consumption has decreased significantly as a result of technological advances in energy use.

According to the scene of optimizing the structure of energy consumption, the structure of energy consumption in China will change significantly. In particular, in 2015–2022, coal accounted for a significant share of China's total energy consumption. The share of coal consumption is sharply decreasing — from 65.29 % in 2015 to 60.64 % in 2020, that is, by 4 %, the share of oil consumption decreases from 16.59 % in 2015 to 14.00 % in 2020, a decrease of 2.0 %. The share of natural gas, primary electricity and other clean energy sources increased significantly from 6.32 % in 2015 to 14.00 % in 2020, a decrease of 2.59 %. Compared to the baseline scenario, the share of natural gas, primary electricity and other clean energy sources increases by 3.25 %.

The potential for reducing CO₂ emissions in China in 2015–2020. According to the scene of optimizing the structure of energy consumption is shown in Figure 2. With the gradual optimization of the energy consumption structure, the reduction of CO₂ emissions achieves obvious results.

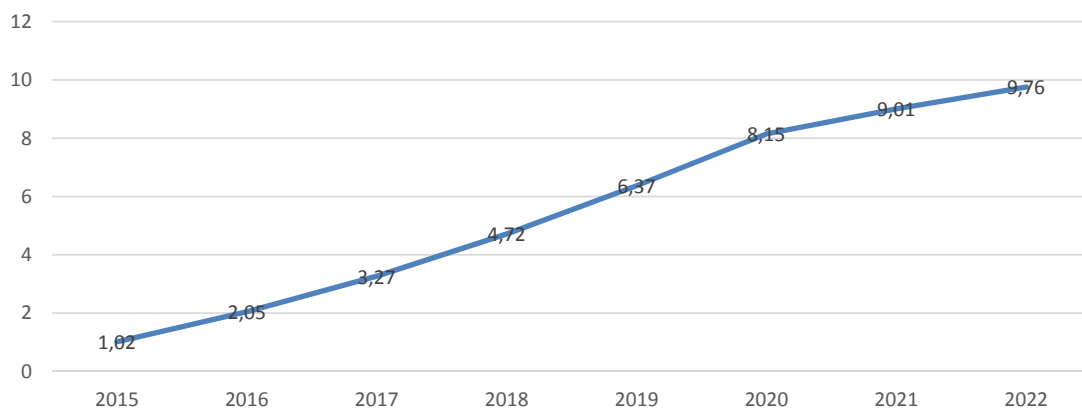

Figure 2. Scenario for optimizing the energy consumption structure from 2015 to 2020. China's potential to reduce CO₂ emissions

Source: compiled by the authors.

In 2015, the potential for reducing CO₂ emissions is 1.02 %, and by 2020—8.15 %, which is an obvious effect of reducing CO₂ emissions. Just like the energy saving potential, the growth rate of the CO₂ reduction potential is gradually accelerating. As well as the potential for energy saving, the overall growth rate of the potential for reducing CO₂ emissions is accelerating, and the potential for reducing CO₂ emissions in 2016 is 1.03 percentage points higher than in 2015, and the potential for reduction in 2020 is 1.65 percentage points higher than in 2019.

One of the important reasons is that the period of the “China’s the thirteenth Plan with 5 years” is a transitional period of low-carbon development in China, characterized by a reduction in coal consumption and an increase in the share of clean energy consumption.

Reducing coal consumption and increasing the share of clean energy consumption will lead to a significant reduction in CO₂ emissions.

Conclusion

Thus, in the article, the PLS regression method is used to build a model for forecasting energy demand, and scenario modeling is used to predict total energy demand, energy consumption patterns and CO₂ emissions. The total energy demand, energy consumption structure and CO₂ emissions in China during China’s the thirteenth Plan with 5 years are predicted using scenario modeling and a multi-purpose optimization model of the energy consumption structure is built, taking into account the features of the new normal economy. Results by this research as follows:

Firstly, the pressure on energy conservation and emissions reduction in China during China’s the thirteenth Plan with 5 years will be stronger. The total energy demand in China in 2020, according to the baseline scenario, will amount to 531,253.14 million tons of standard coal, and CO₂ emissions — 1,092,271.1 million tons.

Secondly, optimizing the energy consumption structure can effectively reduce overall energy consumption and CO₂ emissions. By 2020, the total energy consumption in China with an optimized energy consumption structure according to the scenario, China consumed energy equivalent to 4,944.7 million tons of standard coal that year, and the corresponding CO₂ emissions will be 1,33258.25 million tons. Compared to the baseline scenario, by 2020 the total energy consumption in China will be compared with the baseline scenario, by 2020, revise China’s energy consumption structure, shown down 347.086 million tons of standard coal in use, reduce carbon dioxide emissions by 347.086 million tons (about 6.55 % of the baseline scenario), and energy consumption with an optimized energy consumption structure will decrease by 2020.

Finally, optimization of the energy consumption structure can ensure the transition to low-carbon development. By 2023, according to the scenario of optimizing the structure of energy consumption, the share of coal (60.63 %), oil (14 %), natural gas (14 %), primary electricity (14 %) and other energy carriers in primary energy consumption will be 14 %, respectively.

The share of coal, oil, natural gas, primary electricity and other energy carriers in primary energy consumption under the optimized scenario of the energy consumption structure will be 60.63, 14.00, 10.36, 15.00 %, respectively.

Compared to the baseline scenario, natural gas, primary electricity and other clean energy account for 60.63 % of primary energy consumption. Compared to the baseline scenario, the total share of consumption of natural gas, primary electricity and other clean energy sources increases by 3.25 %.

References

- Akhmetova, V.R., & Smirnov, O.V. (2020). Capture and storage of carbon dioxide-problems and prospects. *Bashkir Chemical Journal*, 27(3), 103–115.
- Chang, N. (2015). Changing industrial structure to reduce carbon dioxide emissions: a Chinese application. *Journal of Cleaner Production*, 103, 40–48.
- Chen, X., et al. (2020). Energy Structure Adjustment and Low Carbon Economic Development: A Comparative Analysis of Multiple Countries. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 118, 109537.
- Gao, J., et al. (2021). The Impact of Industrial Structure Adjustment on Economic Growth and Environmental Sustainability: Evidence from a Panel of Countries. *Sustainability*, 13(6), 3092.
- Gorbacheva, N.V. (2019). Dynamics of innovative activities in traditional and renewable energy. Comparative analysis. *Innovation*, 5(247), 35–45. (In Russ.).
- Huang, L., & Wu, Y. (2017). Government Policies, Environmental Performance, and Low Carbon Economy Transition: Evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, 142, 1440–1448.
- Johnson, R., & Brown, M. (2018). Technological Innovation and the Low Carbon Transition: Evidence from the Semiconductor Industry. *Energy Economics*, 72, 217–227.
- Klavdienko, V.P. (2019). Renewable energy in BRICS: contours of mainstream. *Innovations*, 8, 82–87.
- Klavdienko, V. (2018). Tax incentives for innovative activity of enterprises in China. *Society and Economics*, (7), 39–50. 10.31857/S020736760000179-5 (In Russ.).
- Kranina, E.I. (2021). China on the way to achieving carbon neutrality. *Finansovyy zhurnal—Financial Journal*, (5), 51–61. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-51-61> (In Russ.).
- Li, H., & Zhang, L. (2018). Green Industry Development and Industrial Structure Adjustment: A Case Study of China. *Journal of Cleaner Production*, 180, 297–305.
- Lukonin, S.A., & Anosov, B.A. (2021). China: Decarbonising the Economy and Adhering to the ESG Principles. *Federalizm [Federalism]*, 26(3), 192–205. (In Russ.).
- Makarov, V.M., Novikova, O.V., & Tabakova, A.S. (2017, September). Energy efficiency in “green construction”: experience, issues, trends. In *2017 6th International Conference on Reliability, Infocom Technologies and Optimization (Trends and Future Directions) (ICRITO)* (pp. 698–703). IEEE.
- Makeev, Y.A., Salitskii, A.I., Semenova, N.K., & Zhao, X. (2023). Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 15(2), 9–32. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.02.01> (In Russ.).
- Makeev, Yu.A., Salitski, A.I., & Semenova, N.K. (2022). Decarbonization in China: energy transition and financing challenges. *Vostok (Oriens)*, 1, 89–105. (In Russ.).
- Matveev, V.A. (2022). Modern energy policy of China: external and internal challenges. Moscow. IFES RAS, 2022. (In Russ.).
- Smith, J., & Brown, A. (2015). Transitioning to a Low Carbon Economy: A Review of the Evidence on Government Policies. *Journal of Environmental Economics and Management*, 68, 352–366.
- Smith, P., & Jones, L. (2019). International Comparison of Government Policies for Low Carbon Economy: Lessons from European and Asian Experiences. *Energy Policy*, 132, 1016–1026.
- Sun, Y., & Wang, Q. (2019). Lessons from International Experience: Industrial Structure Adjustment for Low Carbon Development. *Energy Policy*, 126, 299–307.
- Wang, Q., & Li, Y. (2016). Integrated Modeling of Low Carbon Economy and Energy Structure Adjustment: A Case Study of China. *Energy*, 115, 372–385.

Xu, Y., & Liu, W. (2022). Policy Instruments for Industrial Structure Adjustment: Lessons from a Tax Incentive Program. *Resources, Conservation and Recycling*, 176, 105823.

Zhukov, S.V., & Reznikova, O.V. (2023). Energy transition in the USA, Europe and China: recent trends. *Studies of economic development of Russia*, 34(4), 439–449.

Bio notes / Сведения об авторах

XiangRu Ma, PhD student, Economic Faculty, RUDN University. ORCID: 0000-0001-8769-8170. E-mail: 1042218197@pfur.ru

Ma Сянжу, аспирант, кафедра национальной экономики, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0001-8769-8170. E-mail: 1042218197@pfur.ru

Ekaterina V. Nezhnikova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of National Economics, RUDN University. ORCID: 0000-0002-5236-7950. E-mail: nezhnikova-ev@rudn.ru

Нежnikова Е.В., доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра национальной экономики, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-5236-7950. E-mail: nezhnikova-ev@rudn.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ INTEGRATION PROCESSES

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-69-87

EDN: PFAUDN

УДК 339

Научная статья / Research article

Азербайджан в региональных интеграционных процессах: роль и перспективы взаимодействия с ЕАЭС

Т.Т. Гусейнов

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ 1142220648@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические и практические аспекты участия Азербайджана в региональных интеграционных процессах. Представлен исторический экскурс становления международного сотрудничества Азербайджана со странами региона СНГ и ключевыми экономическими партнерами в мире. Анализируется экономическое взаимодействие Азербайджана со странами ЕАЭС и возможный потенциал его развития. На основе данных Государственного статистического комитета Республики Азербайджан рассчитаны ключевые показатели внешней торговли Азербайджана с региональными экономическими интеграционными группировками и предложена их иерархия. Обосновывается наличие значительного экономического и социально-гуманитарного потенциала притяжения Азербайджана в группировку ЕАЭС. Возможности интеграционного взаимодействия Азербайджана с ЕАЭС носят объективный характер и связаны в первую очередь с транспортно-географическим положением, а также производственными возможностями и взаимодействием товарных рынков. Пока интеграционный потенциал не реализуется в полной мере, но наблюдается явный тренд в сторону сближения Азербайджана со странами ЕАЭС. Ускорение и углубление использования интеграционного потенциала будет зависеть от многих факторов, но прежде всего факторов геополитического и социально-экономического порядка. Наиболее реалистичным вариантом интеграции Азербайджана в группировку ЕАЭС является сценарий предоставления стране статуса ассоциированного члена с последующей более глубокой степенью экономической интеграции.

Ключевые слова: Азербайджан, интеграционные процессы, интеграционные объединения, ЕАЭС, региональная интеграция, региональные интеграционные процессы, евразийская интеграция

© Гусейнов Т.Т., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 19 октября 2023 г.; проверена 8 ноября 2023 г.; принята к публикации 6 декабря 2023 г.

Для цитирования: Гусейнов Т.Т. Азербайджан в региональных интеграционных процессах: роль и перспективы взаимодействия с ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 69–87. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-69-87>

Azerbaijan in regional integration processes: Role and prospects of interaction with the EAEU

Tair T. Khuseynov

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ 1142220648@rudn.ru

Abstract. The study deals with theoretical and practical aspects of Azerbaijan's participation in regional integration processes. The historical excursus of formation of international cooperation of Azerbaijan with the countries of CIS region and key economic partners in the world is considered. Azerbaijan's economic interaction with the EAEU countries and possible potential of its development are analyzed. Based on the data of the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, we have calculated the key indicators of Azerbaijan's foreign trade with regional economic integration groupings and proposed their hierarchy. The study substantiates that there is a significant economic and socio-humanitarian potential of Azerbaijan's attraction to the EAEU grouping. The possibilities of Azerbaijan's integration interaction with the EAEU are objective in nature and are primarily related to its transport and geographical location, as well as to its production capabilities and the interaction of commodity markets. So far, the integration potential has not been fully realized, but there is a clear trend towards the rapprochement of Azerbaijan with the EAEU countries. Acceleration and deepening of the use of integration potential will depend on many factors, but first of all on geopolitical and socio-economic factors. The most realistic option for Azerbaijan's integration into the EAEU grouping is the scenario of granting the country the status of an associate member followed by a deeper degree of economic integration.

Keywords: Azerbaijan, integration processes, integration associations, EAEU, regional integration, regional integration processes, Eurasian integration

Article history: received October 19, 2023; revised November 8, 2023; accepted December 6, 2023.

For citation: Khuseynov, T.T. (2024). Azerbaijan in regional integration processes: Role and prospects of interaction with the EAEU. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 69–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-69-87>

Этимология вопроса и обзор литературы

Термин «экономическая интеграция» стал применяться в 1930-е гг. в работах европейских экономистов (происходит от латинского *integratio* — «восстановление», «восполнение целого»). Немецким ученым К. Шмидтом была выдвинута «теория больших пространств», в которой обосновывалось сокра-

щение роли национальных экономик в условиях создания больших геополитических пространств в начале XX в. (Харламова, 2002). Как правило, в современной научной литературе термины «международная экономическая интеграция» и «региональная экономическая интеграция» используются как синонимы, хотя определений «экономической интеграции» достаточно много.

Региональная экономическая интеграция представляет собой процесс объединения экономического потенциала двух и более стран за счет создания емкого внутреннего рынка путем устранения национальных экономических барьеров и гармонизации национальных законодательств в целях создания условий для экономического развития и повышения конкурентоспособности экономик стран на мировом рынке¹.

В научной литературе описаны классические этапы региональной экономической интеграции:

- 1) зона свободной торговли представляет собой пространство, в котором отменяются торговые ограничения между странами-участницами, но сохраняются национальные таможенные пошлины в отношении третьих стран, сохраняются таможенные границы и посты;
- 2) таможенный союз — это единое таможенное пространство, в котором устраняются взаимные торговые ограничения в отношении движения товаров, а также единый таможенный тариф в отношении третьих стран. Также может устраняться контроль между странами — участницами группировки;
- 3) общий (единый) рынок представляет собой пространство со свободным перемещением товаров, услуг, трудовых ресурсов, капитала, а также согласование экономической политики в странах-участницах;
- 4) экономический и валютный союз является общим рынком с единой социально-экономической, кредитно-денежной и бюджетно-налоговой политиками. В некоторых случаях вводится единая валюта в странах-участницах;
- 5) политический союз представляет собой высшую форму интеграции, которая заключается в синхронизации экономических условий и политическом объединении стран. Б. Баласса называет их стадиями процесса региональной экономической интеграции (Balassa, 1961).

В 1960-е гг. развивалась теория корпоративизма, которая показывала большую роль транснациональных корпораций как проводников инноваций в усилении интеграционных процессов в мировой экономике. В 1970-е гг. усилилась роль неокейнсианской экономической школы в исследовании региональной экономической интеграции. Сторонники данного направления науки отмечали, что для успешного продвижения интеграции необходимо вмешательство со стороны государства, а не только действие свободного рынка. Я. Тинберген считал,

¹ Что такое ЕАЭС? Что такое экономическая интеграция? URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a09/1.-Что-такое-ekonomicheskaya-integratsiya.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

что экономическая интеграция ликвидирует препятствия, стимулирует развитие эффективных инструментов регулирования национальных экономик. Он также внес в науку понятия «позитивной» и «негативной» интеграции. К позитивной интеграции относились им формирования институциональных и законодательных инструментов, стимулирующих мобильность факторов производства и в конечном итоге эффективность интеграционных процессов. Экономическую интеграцию Я. Тинберген рассматривал как составную часть оптимальной общей экономической политики государств (Tinbergen, 1954).

Теория структурализма рассматривала экономическую интеграцию с точки зрения социальных аспектов. В частности, с позиции сторонников данной теории интеграция способствует сокращению социально-экономического неравенства, устранению неравномерности экономического развития регионов и государств. Г. Мюрдаль рассматривал интеграцию как «реализацию старого идеала Запада: равенство шансов. Существенным элементом этого идеала является смягчение социальной жесткости, которая мешает индивидуумам свободно выбирать условия их труда и жизни» (Лист, 2005). Экономическая интеграция, хотя и предполагает более совершенный хозяйственный механизм, не сводится только к экономической сфере. Г. Мюрдаль отмечал значимость политического фактора при исследовании интеграционных процессов (Мюрдаль, 1958).

Исследование А.В. Тимофеева доказывает, что глобализация внесла определенные коррективы в характер региональной экономической интеграции: 1) увеличение количества региональных торговых соглашений; 2) укрупнение региональных интеграционных объединений; 3) усложнение форм интеграции и последовательное движение к более продвинутым формам интеграции; 4) расширение межрегиональных соглашений в Азии и Америке; 5) выделение центров, вокруг которых формируются зоны преференциального экономического сотрудничества (Тимофеев, 2012).

В условиях глобализации появилось несколько новых направлений исследования региональной экономической интеграции. В частности, Дж. Бхвати рассматривает региональные торговые соглашения как препятствие для развития международной торговли (Bhagwati, 1991). С.А. Халид отмечает, что динамика интеграционных процессов часто отстает от заявленных целей, сталкиваясь с непредвиденными факторами различного происхождения (Khalid, 2015). О.Б. Касимов отмечает, что западные подходы порой подавляют интерес развивающихся государств к региональной экономической интеграции (Касимов, 2009). А.Н. Спартак считает, что развитие региональной экономической интеграции возможно лишь на основе международно-правового регулирования (Спартак, 2010). Л.В. Шкваря и Х.В. Тыркба уделяют внимание исследованию феномена ассоциативности в региональной интеграции, изучая мотивации и эволюцию ассоциированных членов в таких интеграционных объединениях, как АСЕАН и Евросоюз (Shkvarya, 2015). Р.И. Хасбулатов и Л.В. Шкваря подчеркивают растущую роль Китая в развитии региональной экономической интеграции, в том числе инициативу нового Шелкового пути («Один пояс — один путь») (Хасбулатов, 2022). Ученые Е.Д. Фролова и К.И. Кожевников фиксируют появ-

ление «ареалов глобальности», под которыми определяют группу государств с одинаковыми возможностями и задачами стабилизации экономического развития (например, арабские государства) (Фролова, 2022). Российский исследователь Ю.А. Голикова отмечает большую значимость производственной составляющей как движущего фактора экономической интеграции (Голикова, 2015). Несмотря на развитие постиндустриального сектора экономики, в современных условиях санкций роль производственного фактора значительно возросла. Товарные потоки на российский потребительский рынок обретают новые траектории, формируется новая логистика в товарных потоках.

Таким образом, теории региональной экономической интеграции прошли эволюцию и в настоящее время не существует единой трактовки природы данного явления, но отмечается явный тренд в стороны трактовки многофакторности и многополярности данного явления.

Методы и подходы

В процессе углубленного изучения теоретических аспектов участия Азербайджанской Республики в региональных интеграционных процессах и определения влияния этого сотрудничества на национальную экономику республики были применены общенаучные методы (анализ, синтез и сравнение), а при разработке основных положений статьи: методы индукции и дедукции, экспертной оценки и статистического анализа. В качестве статистических источников информации использовались данные национальной экономической статистики Азербайджана и Статистического комитета СНГ. На основе данных Государственного статистического комитета Республики Азербайджан нами были рассчитаны ключевые показатели внешней торговли Азербайджана с региональными экономическими интеграционными группировками и предложена их иерархия. Метод контент-анализа был использован при работе с материалами из СМИ, а также открытых источников в интернет-ресурсах.

Эволюция интеграционных процессов в постсоветском пространстве

Интеграционные процессы в постсоветском пространстве были инициированы 8 декабря 1991 г. руководителями Российской Федерации, Беларуси и Украины в формате Соглашения о создании СНГ. В конце 1991 г. к Соглашению об СНГ присоединились все бывшие республики СССР, кроме Грузии и Балтийских государств. Однако в 1993 г. Грузия все-таки вошла в состав СНГ. Первоначально данное объединение скорее носило политический характер. Экономический смысл данная форма интеграции приобрела в 1994 г., когда было подписано Соглашение о зоне свободной торговли. Параллельно происходил процесс углубления двусторонних связей в СНГ, представляя собой более реальную форму экономической интеграции.

В 1999 г. произошла активизация экономической интеграции зоны свободной торговли в виде попытки перехода к формату многосторонних отношений, которая увенчалась успехом только в 2011 г. Главы восьми государств (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины) подписали новый Договор о зоне свободной торговли, который фактически заменил двусторонние форматы. В принятой Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г. был зафиксирован ряд целей:

- 1) формирование общего энергетического рынка, расширение торговли энергией;
- 2) развитие транспортных коридоров;
- 3) создание общего аграрного рынка;
- 4) либерализация рынка госзакупок.

В данном контексте важно отметить, что политика Азербайджана стала постепенно в большей степени фокусироваться на взаимодействии с Турецкой Республикой. После того как было открыто газовое месторождение Шах-Дениз, Азербайджан превратился в одного из крупнейших экспортеров в регионе СНГ и Кавказа. По мнению И.В. Андроновой, интеграция в СНГ носит разноскоростной характер, а скорость и глубина интеграционных процессов зависят как от экономической близости стран, так и от политической воли (Андропова, 2012).

В 2000 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация и Таджикистан подписали Договор об учреждении Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС), главной идеей которого было создание зоны свободной торговли и формирование предпосылок для трансформации данного объединения в таможенный союз. В 2006 г. к группировке присоединился Узбекистан. Наблюдателями были Армения (2003 г.), Молдова (2002 г.) и Украина (2002 г.). Фактически интеграционная группировка предусматривала формирование единого свободного движения трудовых ресурсов, капитала, финансовых ресурсов, т. е. единого экономического пространства. Безусловно, ЕврАзЭС стало более продвинутой формой экономической интеграции в постсоветском пространстве. Управление осуществлялось через общие координационные структуры, такие как Межгосударственный совет, Интеграционный комитет, Межпарламентская ассамблея, Комиссия таможенного союза и т.д. Были созданы Евразийский банк развития и антикризисный фонд.

В 2007 г. был создан Таможенный союз, который стал функционировать с середины 2010 г. в составе Беларуси, Казахстана и России. Также был утвержден План действий по формированию Таможенного союза до 2010 г. и Договор о Комиссии Таможенного союза (первый наднациональный орган). И.В. Андропова отмечает, что ускоренная экономическая интеграция в постсоветском пространстве — это, прежде всего, результат политической воли интегрирующихся стран, а основной проблемой является несовпадение экономических интересов стран (Андропова, 2012). Деятельность Таможенного союза способствовала расширению экономических связей и сокращению затрат экономической деятельности государств-участников. Интеграционный эффект от создания Таможенного союза и ЕЭП за десять лет оценивался учеными в объ-

еме 700 млрд долл., а в расчете на каждую страну-участницу — 17–20 % ВВП². Активная работа Таможенного союза способствовала переходу к новому этапу — в 2009 г. был утвержден План действий по формированию Единого экономического пространства (ЕЭП) на 2010–2011 гг.

В 2011 г. между Белоруссией, Казахстаном и Россией был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе на основе Декларации о евразийской экономической интеграции. Страны — члены ЕАЭС ставили целью укрепить свои экономики, развивать деловую активность, торговлю и конкуренцию, а также обеспечить их развитие и сближение. Позднее к ЕАЭС присоединились Армения и Кыргызстан. В 2022 г. суммарный ВВП ЕАЭС составил 2601 млрд долл., а объем внешней торговли товарами объединения с третьими странами в 2021 г. составил 988 млрд долл.³ Главным достижением интеграционной группировки является глубокая интеграция экономик, а именно возможность свободного перемещения товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов. Также в пределах региона проводится единая и согласованная политика в различных отраслях экономики. По мнению М.И. Кротова и В.И. Мунтияна, «создание ЕАЭС создало условия для геополитического выбора у стран СНГ». Также авторы отмечали «преимущества стран ЕАЭС обусловлены наличием потенциала и ресурсов, а также отсутствием перегрева экономики» (Кротов, 2015).

Ключевыми целями региональной экономической интеграции в ЕАЭС являются:

- 1) увеличение объемов внешней торговли и расширение рынка сбыта различных видов продукции;
- 2) укрепление позиций государств — участников региональной группировки в международных экономических организациях;
- 3) формирование благоприятных условий для промышленной кооперации и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции;
- 4) получение выгод «экономики масштаба»;
- 5) формирование дружественной внешнеэкономической и внешнеполитической среды;
- 6) ликвидация барьеров для национальных производителей доступа к различным видам ресурсов (финансовым, трудовым, материальным) и новейшим технологиям;
- 7) усиление позиций государств — участниц ЕАЭС на мировых товарных рынках⁴.

Странами-наблюдателями в ЕАЭС являются Молдавия, Узбекистан и Куба. Они сотрудничают с союзом, участвуют по приглашению в его засе-

² Мансуров Т.А. ЕвразЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1150> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Евразийский экономический союз. Общеэкономические результаты. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ Что такое ЕАЭС? Что такое экономическая интеграция? URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a09/1.-Что-такое-ekonomicheskaya-integratsiya.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

даниях, но принимать решения вместе со странами-участницами не имеют права. Кроме того, страны ЕАЭС заключили соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией и Ираном⁵. Статус наблюдателя позволяет стране участвовать в работе Евразийской экономической комиссии с целью обсуждения проблем развития торгово-экономического взаимодействия, технического, таможенного, санитарного и фитосанитарного регулирования, других вопросов, отнесенных к сфере ведения Комиссии, а также содействовать диалогу и сотрудничеству в сферах, представляющих взаимный интерес для государства-наблюдателя и государств-членов. Очевидно, что стоило бы рассмотреть вопрос об участии Азербайджана в ЕАЭС в качестве страны-наблюдателя. Возможен и второй вариант участия Азербайджана в ЕАЭС — расширенный договор Зоны свободной торговли.

В июне 2022 г. Евразийский межправительственный совет принял решение, предусматривающее подготовку индикативных балансов по чувствительным товарам: пшеница, ячмень, кукуруза, семена подсолнечника, сахар, масло подсолнечное. Утверждение балансов позволяет обеспечить внутренние потребности государств — членов ЕАЭС в социально значимых товарах, стабилизировать цены на них, гарантировать межгосударственные поставки, сблизить меры регулирования экспорта. Интерес представляет работа агропромышленного блока Евразийской экономической комиссии по созданию общих рынков семян сельскохозяйственных растений и племенной продукции.

Имеется значительный потенциал развития инвестиционного сотрудничества и кооперационных связей ЕАЭС с Азербайджаном. Инструментом реализации согласованной промышленной политики ЕАЭС выступают технологические платформы: ЕвразияБио, Евразийская светодиодная технологическая платформа, Космические и геоинформационные технологии — продукты глобальной конкурентоспособности, Фотоника, Евразийская суперкомпьютерная технологическая платформа, Технологии металлургии и новые материалы, Технологии добычи и переработки твердых полезных ископаемых, Технологии экологического развития, Легкая промышленность, Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса, Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа, Евразийская биомедицинская технологическая платформа. Также существует евразийская сеть промышленной кооперации и субконтрактации. Подключение Азербайджана к этим инструментам, главная цель которых развитие и диверсификация и инновационное развитие экономик стран — членов ЕАЭС, было бы очень правильно с точки зрения азербайджанских экономических интересов.

ЕАЭС представляет собой платформу для совместной реализации проектов и выстраивания кооперационных цепочек. В настоящее время реализуется более 180 кооперационных проектов на общую сумму 302 млрд долл.

⁵ «Дружественная» торговля: как изменилась структура экспорта и импорта между Россией и странами ЕАЭС в 2022 году. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/druzhestvennaya-torgovlya-chast-3/?ysclid=lh4o6lu8y4472969944> (дата обращения: 15.11.2023).

Главы правительств стран ЕАЭС в октябре 2022 г. приняли решение о создании союзной системы финансовой поддержки кооперационных проектов. Причем в каждом проекте будут участвовать как минимум три государства из пяти. Такой подход позволяет гарантированно обеспечить доступ малых экономик к участию в разработке новых технологий. То есть государство-участник становится совладельцем высокотехнологичного продукта, а это принципиально для формирования технологического суверенитета государств-членов.

В современных геополитических условиях, вызванных военными событиями и санкциями, эксперты отмечают некоторые сложности в развитии ЕАЭС. Например, ученые Института социально-политических исследований РАН отмечали в качестве негативных факторов интеграционных процессов в постсоветском пространстве геополитические конфликты и экономические кризисы⁶. Академик РАН С.Ю. Глазьев связывает сложности интеграции в ЕАЭС с трансформацией глобальной экономической системы под влиянием неопределенности и нестабильности, а также внешних угроз национальному суверенитету (Глазьев, 2020). Л.Б. Вардомский определяет деструктивными факторами с точки зрения налаживания евразийского интеграционного процесса в 2009–2018 гг. «неустойчивую динамику глобальной экономики, сильные перепады цен на углеводороды, российско-украинский кризис, геополитический конфликт России и Запада, которые затрудняли взаимопонимание между партнерами, ограничивали интеграционные инициативы, тормозили принятие решений» (Вардомский, 2019). Эксперты Евразийского банка развития отмечали в докладе «Евразийская экономическая интеграция — 2020»: «Экономическое развитие стран ЕАЭС в 2019 г. происходило в сложных внешних условиях, в том числе замедления темпов роста мировой экономики по причине напряженности в мировой торговле, ослабления инвестиционного спроса и деловой активности. Неопределенность глобальных перспектив оказывала давление на стоимость сырьевых товаров. Слабый внешний спрос ограничивал экспортный потенциал стран ЕАЭС и являлся одним из факторов замедления экономического роста в регионе» (Ахунбаев, 2020). Эксперты Российского совета по международным делам отмечают: «После введения западных санкций в 2022 г. экономическая ситуация в ЕАЭС резко ухудшилось и восстановление не прогнозируется в краткосрочной перспективе»⁷.

Таким образом, основной региональной экономической группировкой в постсоветском пространстве является Евразийский экономический союз,

⁶ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Библио-Глобус. 2018. 374 с. URL: https://испи.рф/wp-content/uploads/2018/11/Монография_ПРОЦЕССЫ-ЕВРАЗИЙСКОЙ-ИНТЕГРАЦИИ-СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ-ИЗМЕРЕНИЕ.-Москва-2018..pdf (дата обращения: 15.11.2023).

⁷ Точин А.В. и др. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени. Доклад № 84. С. 98. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/razvitie-caes-2022-strategicheskie-zadachi-i-trebovaniya-vremeni/> (дата обращения: 15.11.2023).

который демонстрирует реальный интеграционный потенциал, выражающийся в формировании единых товарных рынков, рынка труда и капитала. В условиях санкций и геополитических трансформаций интеграционная группировка ЕАЭС продемонстрировала также адаптивность к новым внешним условиям.

Азербайджан в современных региональных интеграционных процессах

В настоящее время Азербайджан имеет внешнеторговые связи со 140 странами мира. Международная экономическая интеграция страны стала магистральным направлением ее развития в последние годы. В исследовании М.А.-Р. Рзаева выделяется пять типов сотрудничества Азербайджана в контексте экономической интеграции в мире (Рзаев, 2020). Однако в его исследовании не разделяются региональные экономические блоки и международные экономические организации (например, МВФ, Всемирный банк и другие).

На основе данных Государственного статистического комитета Республики Азербайджан нами были рассчитаны ключевые показатели внешней торговли Азербайджана с региональными экономическими интеграционными группировками и предложена их иерархия.

1. *Сотрудничество со странами — членами Организации экономического сотрудничества стран Черного моря (ОЧЭС)* — началось с 1992 г. В состав организации входят страны, омываемые Черным морем (Россия, Болгария, Румыния, Турция, Украина и Грузия), а также сопредельные государства (Греция, Албания, Сербия, Молдова, Армения и Азербайджан). Экономическое сотрудничество Азербайджана в настоящее время сосредоточена в сферах сельского хозяйства, финансах, образовании, культуре, туризме, торговле, транспорте, энергетике и здравоохранении. На страны ОЧЭС приходится 38 % импорта и 20 % экспорта Азербайджана (табл. 1).

2. *Сотрудничество со странами — членами Содружества Независимых Государств и Евразийским экономическим союзом.* Азербайджан стал членом СНГ 24 сентября 1993 г. и подписал устав СНГ. Президент Азербайджана И.Г. Алиев выдвинул цель перехода страны на новый качественный уровень развития, отвечающий вызовам приближающегося века не только в региональном масштабе, но и в глобальных параметрах (Гулиев, 2022). В рамках СНГ в общей сложности подписано более 1,4 тыс. документов о сотрудничестве, из которых Азербайджан подписал 141 документ, в том числе 57 документов прошли внутригосударственную процедуру, а 12 документов было ратифицировано. Прежде всего, следует отметить, что Азербайджан подписал соглашение о свободной торговле со странами СНГ (Аббасова, 2020). На страны СНГ приходится 30 % импорта и 4 % экспорта Азербайджана, а на страны ЕАЭС — 24 и 3 % соответственно (табл.).

Структура внешней торговли Азербайджана с основными региональными группировками в 2022 г., млн долл.

Региональные экономические группировки или страны	Объем импорта	Объем экспорта	Брутто внешней торговли	Сальдо внешней торговли
ОЧЭР	5 573,9 (38,3 %)	7 665,3 (20,1 %)	13 239,3 (25,1 %)	2 091,3 (8,9 %)
СНГ	4 413,7 (30,4 %)	1 635,6 (4,3 %)	6 049,4 (11,5 %)	-2 778,1 (0 %)
ЕАЭС (включая Россию)	3 502,02 (24,1 %)	1 181,08 (3,1 %)	4 683,1 (8,9 %)	-2 320,9 (0 %)
Россия	2 734,7 (18,8 %)	975,4 (2,6 %)	3 710,2 (7,0 %)	-1 759,3 (0 %)
ЕС	2 322,9 (16,0 %)	24 105,8 (63,2 %)	26 428,7 (50,2 %)	21 782,9 (92,3 %)
Турция	2 297,4 (15,8 %)	3 544,7 (9,3 %)	5 842,1 (11,1 %)	1 247,3 (5,3 %)
ГУАМ	401,1 (2,8 %)	1 012,2 (2,7 %)	1 413,4 (2,7 %)	611,08 (2,6 %)
США и Канада	492,3 (3,4 %)	90,9 (0,2 %)	583,2 (1,1 %)	-401,3 (0 %)
Всего	14 539,8 (100,0 %)	38 146,6 (100,0 %)	52 686,4 (100,0 %)	23 606,7 (100,0 %)

Источник: составлено по данным: Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. URL: <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199> (дата обращения: 15.11.2023).

Azerbaijan's foreign trade within major regional integration unions in 2022, mln doll.

Regional economic integration unions or states	Import	Export	Total turnover	Foreign trade balance
BSEC	5 573,9 (38,3 %)	7 665,3 (20,1 %)	13 239,3 (25,1 %)	2 091,3 (8,9 %)
CIS	4 413,7 (30,4 %)	1 635,6 (4,3 %)	6 049,4 (11,5 %)	-2 778,1 (0 %)
EEU (including Russia)	3 502,02 (24,1 %)	1 181,08 (3,1 %)	4 683,1 (8,9 %)	-2 320,9 (0 %)
Russia	2 734,7 (18,8 %)	975,4 (2,6 %)	3 710,2 (7,0 %)	-1 759,3 (0 %)
EU	2 322,9 (16,0 %)	24 105,8 (63,2 %)	26 428,7 (50,2 %)	21 782,9 (92,3 %)
Turkey	2 297,4 (15,8 %)	3 544,7 (9,3 %)	5 842,1 (11,1 %)	1 247,3 (5,3 %)
GUAM	401,1 (2,8 %)	1 012,2 (2,7 %)	1 413,4 (2,7 %)	611,08 (2,6 %)
USA and Canada	492,3 (3,4 %)	90,9 (0,2 %)	583,2 (1,1 %)	-401,3 (0 %)
Total	14 539,8 (100,0 %)	38 146,6 (100,0 %)	52 686,4 (100,0 %)	23 606,7 (100,0 %)

Source: compiled on the basis of: State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Retrieved November 15, 2023, from <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199>

Отношения Азербайджана с Российской Федерацией развиваются на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности 1997 г. По итогам 2019 г. объем азербайджанско-российского товарооборота составил 4,5 млрд долл. Азербайджан инвестировал в российскую экономику 1,2 млрд долл., а Россия в азербайджанскую — около 4,9 млрд долл.⁸ Российская Федерация является благоприятным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции из Азербайджанской Республики, которая в настоящее время сотрудничает с 70 российскими регионами (Нариманов, 2018). В Азербайджане функционируют порядка 700 совместных компаний, включая 300 — со стопроцентным российским капиталом, 400 — совместные предприятия (Исмаилова, 2019). На Российскую Федерацию приходится 19 % импорта и 2,6 % экспорта Азербайджана, а на страны ЕАЭС — 24 и 3 % соответственно (табл. 1).

Отдельного внимания заслуживает экономическое сотрудничество Азербайджана с ЕАЭС. На политическом уровне на протяжении последних лет делались заявления о перспективах экономической интеграции Азербайджана в ЕАЭС. Например, в 2015 г. заместитель министра экономики Азербайджана С. Гасанова заявила о готовности Азербайджана вступить в экономические союзы, которые принесут выгоды стране. Также министр иностранных дел Азербайджана Э. Мамедьяров говорил о возможности вступления в ЕАЭС (Мамедов, 2018).

В реальном проявлении торгово-экономическое сотрудничество Азербайджана с ЕАЭС основано на транзитно-транспортной специализации страны («транспортно-логистический узел»). По справедливому выражению А. Зубца, Азербайджан стал инфраструктурным центром в транспортном коридоре «Восток — Запад», соединяющем Центральную Азию через Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию с портами в Черном море и странами Европы. А также коридор «Север — Юг» от Санкт-Петербурга до портов Ирана на побережье Персидского моря. Азербайджан является важным звеном в транспортно-логистических проектах Евразии.

Каждая из стран ЕАЭС рассматривает торговые маршруты через Азербайджан как важный логистический коридор для вывоза товаров на мировые рынки, а также для импорта продукции из третьих стран. Транзитные перевозки Азербайджана со странами ЕАЭС (кроме Армении) значительно выросли в 2022 г.: перевозки между Российской Федерацией и Азербайджаном увеличилась на 174 %, с Казахстаном — в четыре раза. Транзитные перевозки по МКТ «Север-Юг» через азербайджанскую территорию выросли в 2022 г. на 90 %, а по Транскаспийскому международному транспортному маршруту выросли на 41 %, при этом за тот же год грузооборот транспорта Азербайджана

⁸ Веладзе И.М. Баку: в поиске баланса и в попытках привлечь внимание к региональной повестке. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/baku-v-poiske-balansa-i-v-popytkakh-privlech-vnimanie-k-regionalnoy-povestke/?ysclid=llsjvfi4aa327277438> (дата обращения: 15.11.2023).

со странами ЕАЭС составил: с Российской Федерацией — 5,4 трлн т/км, Казахстаном — 467 млрд т/км, Беларусью — 88,6 млрд т/км, Арменией — 5,3 млрд т/км, Кыргызстаном — 2,8 млрд т/км⁹.

Сотрудничество Азербайджана со странами ЕАЭС имеет существенный интеграционный потенциал. На официальном уровне в Азербайджане неоднократно заявлялось, что идея единого евразийского экономического пространства отвечает экономическим интересам страны. Например, по мнению Чрезвычайного и полномочного посла Азербайджанской Республики в Российской Федерации П. Бюльбюль, основным барьером на пути экономической интеграции страны с ЕАЭС был Карабахский конфликт¹⁰. В свою очередь в 2021 г. Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Азербайджанской Республике М.Н. Бочарников заявил о заинтересованности российских компаний в инвестициях в экономику Карабаха. Вице-премьер Азербайджана Ш.А. Мустафаев заявил, что российские компании представили к рассмотрению правительством тринадцать пакетов предложений по участию в инвестиционных проектах в стране (Гулиев, 2022).

Экономическое сотрудничество Азербайджана с ЕАЭС представляет собой перспективное направление. Стратегической целью развития экономики Азербайджана является развитие ненефтяного (сервисного) сектора экономики. Развитие сервисной экономики требует освоения новых рынков, а также заключение соглашений и вступление в интеграционные группировки. Первым шагом на пути интеграции Азербайджана в ЕАЭС могло бы быть предоставление стране статуса наблюдателя.

Экономическое сотрудничество между Азербайджаном и странами ЕАЭС способствует не только эффективной реализации социально-экономических проектов, но и способствует развитию стран и Каспийского региона. В настоящее время сложились предпосылки для достижения более высоких показателей в сфере торговли, развития комплексов совместного инновационного производства в различных отраслях экономики, инфраструктурных проектов. В целом данный комплекс мер позволит национальным экономикам Азербайджана и стран ЕАЭС повысить конкурентоспособность и стать сильнее в условиях глобальной конкуренции.

3. *Сотрудничество со странами Европейского Союза.* С 1994 г. Азербайджан участвует в нескольких крупных европейских программах социально-экономической направленности в области науки, образования, развития, экономики. А непосредственно соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Азербайджаном и Евросоюзом было заключено

⁹ Тагиева А. На пути к интеграции: какие инфраструктурные возможности Азербайджана интересны ЕАЭС. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230815/na-puti-k-integratsii-kakie-infrastrukturnye-vozmozhnosti-azerbaydzhana-interesny-eaes-457698491.html?ysclid=llsiliglfе721869618> (дата обращения: 15.11.2023).

¹⁰ РБК. Страны ЕАЭС обсудили подключение Азербайджана к работе союза. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2021/607026449a794705154bde7e> (дата обращения: 15.11.2023).

в 1996 г. В 1999 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи. В 2004 г. Азербайджан был интегрирован в «Новую политику партнерства» Евросоюза. В 2006 г. был принят «План действия между Евросоюзом и Азербайджаном». С 2014 г. действует соглашение об упрощенном визовом режиме для граждан Азербайджана для поездок в страны Евросоюза. Интеграция Азербайджана с Евросоюзом в основном охватывает три вектора: международная безопасность, демократизация социальных институтов, экономическое сотрудничество¹¹. На ЕС приходится половина внешней торговли Азербайджана. Присоединение Азербайджана к Обобщенной системе преференций ЕС, Норвегии, Швейцарии, США, Канады, Турции и Японии дало возможность азербайджанским товарам попасть на рынки развитых стран с пониженными пошлинами (Аббасова, 2020). На страны Европейского Союза приходится 16 % импорта и 63 % экспорта Азербайджана (см. табл. 1).

4. *Сотрудничество с Организацией за демократию и экономическое развитие* — странами ГУАМ (Грузия, Украина и Молдова) началось в 1997 г. Основными целями организациями стало углубление евроинтеграции для создания единого пространства безопасности, а также расширение экономического и гуманитарного сотрудничества. В настоящее время экономическое сотрудничество в ГУАМ концентрируется в области торговли и транспорта, научно-технической и гуманитарной сферах. В настоящее время ГУАМ является зоной свободной торговли. На страны ГУАМ приходится 3 % импорта и 3 % экспорта Азербайджана (см. табл. 1).

Исследование И.М. Велизаде показывает, что «самыми эффективными и продуктивными форматами экономического взаимодействия Азербайджана являются двусторонние и трехсторонние форматы. Среди наиболее успешных трехсторонних форматов отмечают: Азербайджан — Грузия — Турция, Азербайджан — Иран — Турция, Азербайджан — Турция — Туркменистан, Азербайджан — Российская Федерация — Иран. Конечно, это не означает, что Баку полностью дистанцируется от участия в более крупных объединениях, как правило, это структуры без ярко выраженных наднациональных органов. К многосторонним региональным форматам можно отнести Совет сотрудничества тюркских государств, пятисторонний формат Каспийского сотрудничества, Организацию экономического сотрудничества»¹².

Например, многосторонний формат социально-экономического сотрудничества Азербайджан реализует в регионе Каспия. В 1992 г. Ираном

¹¹ Гамидов С.С.О. Внешнеполитические приоритеты Азербайджана: интеграция в мировое сообщество. URL: <https://caspien-urasia.com/vneshnepoliticheskie-prioritety-azerbajdzhana-integracziya-v-mirovoe-soobshhestvo/?ysclid=llsin94oz2302601079> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Веладзе И.М. Баку: в поиске баланса и в попытках привлечь внимание к региональной повестке. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/baku-v-poiske-balansa-i-v-popytkakh-privlech-vnimanie-k-regionalnoy-povestke/?ysclid=llsjvf4aa327277438> (дата обращения: 15.11.2023).

было инициировано создание Организации регионального сотрудничества прикаспийских государств. Было проведено несколько саммитов: в 2002 г. в Ашхабаде, в 2007 г. в Тегеране, в 2010 г. в Баку, в 2014 г. в Астрахани. Был подписан ряд договоров в сфере использования ресурсов Каспийского моря. Азербайджан фокусируется на развитии добрососедских отношений на региональном уровне, прежде всего с Ираном, Турцией и Российской Федерацией¹³.

Пример двустороннего сотрудничества: Турция покупает в Азербайджане природный газ, а также инвестирует в проекты развития инфраструктуры (газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум («южный газовый коридор»), нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, железная дорога Карс — Тбилиси — Баку). Данные трубопроводы позволяют Азербайджану строить экономические отношения не только с Турцией, но также с Израилем и рядом европейских стран. Азербайджан является крупным инвестором и главным торговым партнером Турции. Азербайджан является ключевым рынком для турецких компаний (Мусаев, 2013). Турция занимает второе место во внешней торговле Азербайджана (рис. 1, 2).

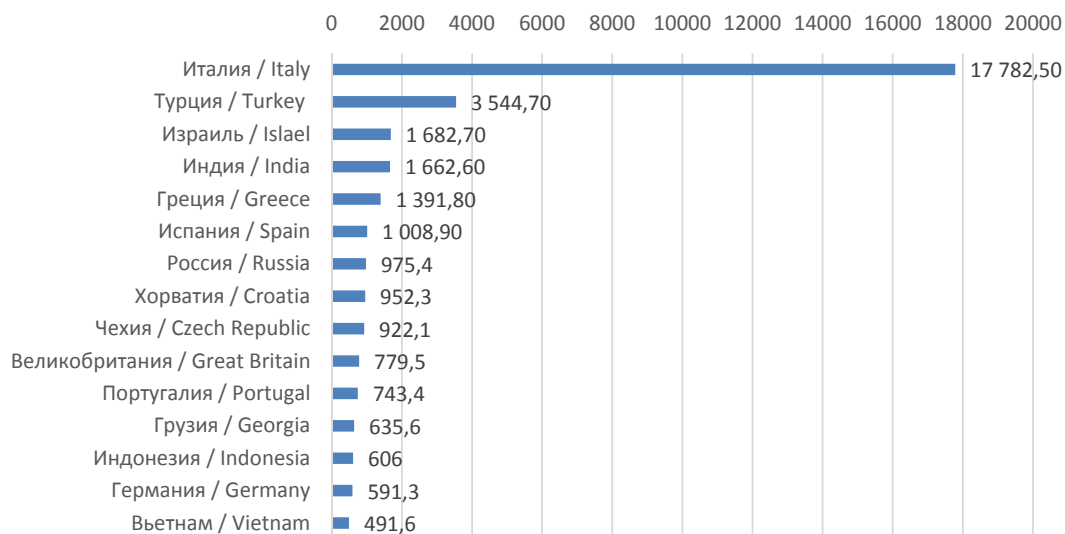

Рис. 1. География экспорта Азербайджана в 2022 г., млн долл.

Источник: составлено по данным: Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. URL: <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199> (дата обращения: 15.11.2023).

Figure 1. Geographical coverage of Azerbaijan's exports in 2022, mln doll

Source: State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Retrieved November 15, 2023, from <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199>

¹³ Гамидов С.С.О. Внешнеполитические приоритеты Азербайджана: интеграция в мировое сообщество. URL: <https://caspien-eurasia.com/vneshnepoliticheskie-prioritety-azerbajdzhana-integracziya-v-mirovooe-soobshhestvo/?ysclid=llsin94oz2302601079> (дата обращения: 15.11.2023).

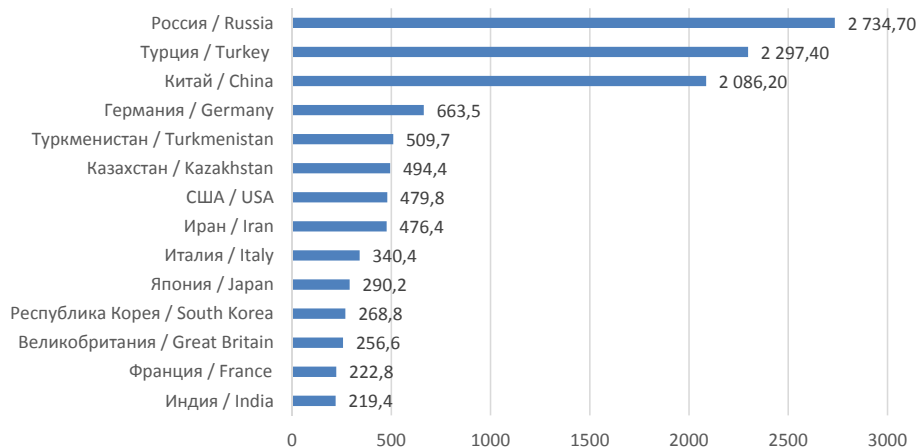

Рис. 2. География импорта Азербайджана в 2022 г., млн долл.

Источник: составлено по данным: Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. URL: <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199> (accessed: 15.11.2023).

Figure 2. Geographical coverage of Azerbaijan's exports in 2022, mln doll

Source: State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Retrieved November 15, 2023, from <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en&ysclid=lnr09gg2es968581199>

Заключение

Теории региональной экономической интеграции прошли эволюцию и в настоящее время не существует единой трактовки природы данного явления, но заметен явный тренд в сторону трактовки многофакторности и многополярности данного явления. В последние годы теории региональной интеграции в значительной степени приобрели новые аспекты в условиях изменившихся геополитических и экономических реалий.

Основной региональной экономической группировкой в постсоветском пространстве является ЕАЭС, который демонстрирует реальный интеграционный потенциал, выражающийся в формировании единых товарных рынков, рынка труда и капитала. В евразийской интеграции участвует небольшое количество стран, но это ключевые «игроки» на постсоветском пространстве. Кроме того, в условиях санкций и геополитических трансформаций данная интеграционная группировка продемонстрировала также адаптивность к новым внешним условиям. Это доказывает жизнеспособность и «притягивающий потенциал» ЕАЭС для ее новых членов.

Учитывая стратегию экономического развития и векторы внешней политики Азербайджана, можно утверждать, что имеется значительный экономический и социально-гуманитарный потенциал притяжения страны в группировку ЕАЭС. По сути, возможности интеграционного взаимодействия Азербайджана с ЕАЭС носят объективный характер и связаны в первую очередь с транспортно-географическим положением, а также производственными возможностями и взаимодействием товарных рынков. Пока интеграционный потенциал не реализуется в полной мере, но наблюдается явный тренд в сторону сближения Азербайджана со странами ЕАЭС. Ускорение и углубление использования ин-

теграционного потенциала будет зависеть от многих факторов, но прежде всего факторов геополитического и социально-экономического порядка. Анализ ситуации показывает, что наиболее реалистичным вариантом интеграции Азербайджана в группировку ЕАЭС является сценарий предоставления стране статуса ассоциированного члена с последующей более глубокой степенью экономической интеграции.

Список литературы

- Аббасова Н.Г.* Международные экономические связи Азербайджана и направления их совершенствования // Наука, техника и образования. 2020. № 1 (89). С. 76–80.
- Андропова И.В.* Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2012. № 5. С. 72–81.
- Ахунбаев А.М., Дауранов Т.Ш., Кузнецов А.С., Петросьян А.Р., Никитушкина Ю.В.* Евразийская экономическая интеграция — 2020. М.: Центр интеграционных исследований Дирекции по аналитической работе Евразийского банка развития. 2020. 80 с. С. 7.
- Вардомский Л.Б.* Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 111.
- Глазьев С.Ю.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2. С. 11–22.
- Голикова Ю.А.* Корпоративные образования в промышленности в условиях экономической интеграции (теория и методология): автореферат дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2015. 41 с.
- Гулиев М.Е.* Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения // Проблемы современной экономики. 2022. № 1 (81). С. 33–35. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7259>
- Исмаилова Л.Г.* Некоторые аспекты российско-азербайджанских торгово-экономических связей // Наука, техника и образование. 2019. № 1 (89). С. 66–70.
- Касимов О.Б.* Теория и практика экономической интеграции в условиях глобализации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. Т. 4. № 28. С. 57–59.
- Кротов М.И., Мунтиян В.И.* Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 33–47.
- Лист Ф.* Национальная система политической экономики. М.: Европа, 2005. С. 85–95.
- Мамедов И.Б.* Сотрудничество Азербайджана с ЕАЭС: возможности и ограничения // Проблемы современной экономики. 2018. № 4 (68). С. 13–14.
- Мусаев Дж.Г.* Азербайджано-турецкое торгово-экономическое сотрудничество: современное состояние и перспективы развития // Экономика и управление. 2013. № 1 (87). С. 42–45.
- Мюрдаль Г.Г.* Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М., 1958. С. 57–67.
- Нариманов Н.А.* Место Российской Федерации во внешнеторговых связях Азербайджанской Республики // Вестник науки и образования. 2018. № 4 (40). Т. 1. С. 53–57.
- Рзаев М.А.-Р.* Международные интеграционные торговые связи Азербайджана // Наука, техника и образование. 2020. С. 57–63.
- Спартак А.Н.* Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 7. С. 28–37.

- Тимофеев А.В. Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2012.
- Фролова Е.Д., Кожевников К.И. Пул арабских стран Западной Азии как «анклав глобальности» // *Россия и Азия*. 2022. № 4 (18). С. 35–44.
- Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. М., 2002. С. 8.
- Хасбулатов Р.И. Международная и континентально-региональные интеграции: формы, типы, противоречия. М.: Изд-во РЭУ, 2019. 324 с.
- Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. London, 1961. P. 12.
- Bhagwati J. *The world trading system at risk*. Princeton University and Harvester Wheatsheaf. 1991. P. 156.
- Byee M. Unions douaniers et donnees nationales // *Economie appliquee*. 1950. Vol. 3. P. 121–157.
- Khalid S.A. GCCs Economic Cooperation and Integration: Achievements and Hurdles. Mecca: Al Jazeera. Centre for Studies. 2015. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2015/03/20153316186783839.html>
- List F. *The National System of Political Economy*. London, 1985.
- McCulloh J.R. *A Dictionary of Commerce*. London, 1832.
- Ricardo D. *The Principles of Political Economy and Taxation*. Cambridge, 1817.
- Shkvarya L.V., Tyrkba Kh. V. Overview of China-ASEAN economic relations // BRICS: Cooperation for development. Education. Science. Business. / Proceedings of the V International Scientific Conference. National Committee for BRICS Research; Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, June 4, 2015. Moscow: RUDN. 2016. p. 86-89.
- Shkvarya L.V., Yu H. Belt and Road Initiative and China's Economic Challenges // *Research in Economic Anthropology*. 2022. No. 42. P. 93–101.
- Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Oxford, 1776.
- Tinbergen I. *International Economic Integration*. Books (Jan Tinbergen). P. 95–187. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/15343>
- Viner J. *The Customs Union Issue*. New York, 1950. P. 43–55.

References

- Abbasova, N.G. (2020). International economic relations of Azerbaijan and directions of their improvement. *Science, Technology and Education*, 1(89), 76–80. (In Russ.).
- Akhunbaev, A.M., Dauranov, T.Sh., Kuznetsov, A.S., Petrosyan, A.R., & Nikitushkina, Y.V. (2020). Eurasian Economic Integration. *Center for Integration Studies of the Directorate for Analytical Work of the Eurasian Development Bank*. Moscow. (In Russ.).
- Andronova, I.V. (2012). Evolution of integration processes in the post-Soviet space. *RUDN Journal of Economics*, (5), 72–81 (In Russ.).
- Balassa, B. (1961). *The Theory of Economic Integration* (p.12). London.
- Bhagwati, J. (1991). *The world trading system at risk* (p. 156). Princeton University and Harvester Wheatsheaf.
- Byee, M. (1950). Unions douaniers et donnees nationales. *Economie appliquee*, 3, 121–157.
- Frolova, E.D., & Kozhevnikov, K.I. (2022). Pool of Arab countries of West Asia as an “enclave of globality”. *Russia and Asia*, 4(18), 35–44 (In Russ.).
- Glazyev, S.Y. (2020). On the root causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis. *Eurasian integration: economics, law, politics*, (2), 11–22. (In Russ.).
- Golikova, Yu.A. (2015). Corporate formations in industry in the conditions of economic integration (theory and methodology). Author's abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences: 08.00.05. *St. Petersburg State University of Economics and Finance*. St. Petersburg, 41. (In Russ.).
- Guliev, M.E. (2022). Eurasian economic perspective: problems and solutions. *Problems of modern economics*, 1(81). (In Russ.).

- Ismayilova, L.G. (2019). Some aspects of Russian-Azerbaijani trade and economic relations. *Science, Technology and Education*, 1(89), 66–70. (In Russ.).
- Kasimov, O.B. (2009). Theory and practice of economic integration in the conditions of globalization. *Bulletin of Saratov State Socio-Economic University*. Saratov, 4(28), 57–59. (In Russ.).
- Khalid, S.A. (2015). *GCCs Economic Cooperation and Integration: Achievements and Hurdles*. Mecca: Al Jazeera. Centre for Studies, 122. Retrieved from <https://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2015/03/20153316186783839.html>
- Kharlamova, V.N. (2002). *International Economic Integration*. (In Russ.).
- Khasbulatov, R.I. (2022). *International and continental-regional integration: forms, types, contradictions*. Moscow. (In Russ.).
- Krotov, M.I., & Muntiyan, V.I. (2015). Eurasian Economic Union: history, features, prospects. *Management Consulting*, (11), 33–47. (In Russ.).
- List, F. (2005). National System of Political Economy. Moscow, 85–95. (In Russ.).
- List, F. (1985). *The National System of Political Economy*. London.
- Mammadov, I.B. (2018). Azerbaijan's cooperation with the EAEU: opportunities and limitations. *Problems of Modern Economy*, 4(68), 13–14. (In Russ.).
- McCulloh, J.R. (1832). *A Dictionary of Commerce*. London.
- Musayev, J.G. (2013). Azerbaijani-Turkish trade and economic cooperation: current state and prospects of development. *Economics and Management*, 1(87), 42–45. (In Russ.).
- Murdal, G.G. (1958). *World economy. Problems and prospects* (pp. 57–67). Moscow, (In Russ.).
- Narimanov, N.A. (2018). Place of the Russian Federation in foreign trade relations of the Republic of Azerbaijan. *Bulletin of Science and Education*, 1(4), 53–57. (In Russ.).
- Ricardo, D. (1817). *The Principles of Political Economy and Taxation*. Cambridge.
- Rzayev, M.A.-R. (2020). International integration trade relations of Azerbaijan. *Science, Technology and Education*, 57–63. (In Russ.).
- Shkvarya, L.V., & Tyrkba, Kh.V. (2015). Overview of China-ASEAN economic relations. BRICS: Development Cooperation. Education. Science. Business. *Materials of the V International Scientific Conference*. National Committee for BRICS Research. Moscow, (pp. 86–89).
- Shkvarya, L.V., & Yu H. (2022). Belt and Road Initiative and China's Economic Challenges. *Research in Economic Anthropology*, (42), 93–101.
- Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Oxford.
- Spartak, A.N. (2010). Development and international legal regulation of the processes of regional economic integration: new trends and phenomena in the early XXI century. *Russian foreign economic bulletin*, (7), 28–37. (In Russ.).
- Timofeev, A.V. (2012). Theoretical aspects and trends in the development of regional economic integration. *Industry: economics, management, technology* (In Russ.).
- Tinbergen I. (1954). *International Economic Integration. Books (Jan Tinbergen)* (pp. 95–187). Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/15343>
- Vardomsky, L.B. (2019). *Eurasian integration: some results and possible development scenarios*. *Russian foreign economic bulletin*, (4), 111. (In Russ.).
- Viner, J. (1950). *The Customs Union Issue*. New York, 43–55.

Сведения об авторе / Bio note

Гусейнов Таур Тофикович, аспирант, кафедра международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1142220648@rudn.ru

Tair T. Khuseynov, PhD student, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University. E-mail: 1142220648@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА
INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-88-112

EDN: PEVXNU

UDC 339

Research article / Научная статья

**Impact of institutional environment
on foreign direct investment inflow
to the manufacturing sector in Ethiopia****Mengistu W. Worku , Binganidzo Muchara ***University of South Africa, Graduate School of Business Leadership,
South Africa, Midrand, Cnr Janadel and Alexandra Ave, 1686* newplc34@gmail.com

Abstract. The purpose of the research presented in the article is to study the impact of the institutional environment on the inflow of foreign direct investment (FDI) into the Ethiopian manufacturing sector. The study uses time series data from 1992 to 2021. using an autoregressive approach. The results show that the development of a right-wing society, along with political stability and a reduction in crime, are two factors of the institutional environment that have a positive and significant impact on the inflow of FDI into the manufacturing sector in the long term. However, the effectiveness of the government had a negative effect. In the short term, the rule of law, control over corruption and the quality of regulation have become factors in the institutional environment that have significantly influenced FDI inflows into the Ethiopian manufacturing sector. The study shows that an enabling institutional environment increases FDI inflows into Ethiopia's manufacturing sector in both the long and short term. Therefore, it is extremely important for Ethiopia to improve the efficiency of public institutions and strengthen the domestic legal framework and legislation. This will help reduce political instability and promote greater accountability and transparency among government officials, thereby attracting more foreign direct investment from developed and developing countries. Moreover, due to its strategically preferred location in the Horn of Africa and the huge number of available and trained workforce, as well as the improvement of the institutional environment suitable for business, Ethiopia is very attractive as an investment destination.

© Worku M.W., Muchara B., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: institutional environment, foreign direct investment, manufacturing sector, Ethiopia

Article history: received October 14, 2023; revised November 20, 2023; accepted December 12, 2023.

For citation: Worku, M.W., & Muchara, B. (2024). Impact of institutional environment on foreign direct investment inflow to the manufacturing sector in Ethiopia. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 88–112. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-88-112>

Влияние институциональной среды на приток прямых иностранных инвестиций в производственный сектор Эфиопии

М.В. Ворку , Б. Мухара

*Университет Южной Африки, Высшая школа бизнес-лидерства,
Южная Африка, Мидранд, проспект Джанадель и Александра, д. 1686*

 newplc34@gmail.com

Аннотация. Целью представленного исследования является изучение влияния институциональной среды на приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в производственный сектор Эфиопии. В исследовании используются данные временных рядов с 1992 по 2021 г. с применением авторегрессионного подхода. Результаты показывают, что развитие правового общества, наряду с политической стабильностью и снижением преступности, являются двумя факторами институциональной среды, которые оказывают положительное и значительное влияние на приток ПИИ в производственный сектор в долгосрочной перспективе. Однако эффективность правительства имела отрицательный эффект. В краткосрочной перспективе верховенство закона, контроль над коррупцией и качество регулирования стали факторами институциональной среды, которые существенно повлияли на приток ПИИ в производственный сектор Эфиопии. Исследование показывает, что благоприятная институциональная среда увеличивает приток ПИИ в производственный сектор Эфиопии как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. Поэтому для Эфиопии крайне важно повысить эффективность государственных учреждений и укрепить внутреннюю правовую базу и законодательство. Это поможет снизить политическую нестабильность и способствовать повышению подотчетности и прозрачности среди государственных служащих, тем самым привлекая больше прямых иностранных инвестиций из развитых и развивающихся стран. Более того, благодаря своему стратегически предпочтительному расположению на Африканском Роге и огромному количеству доступной и обучаемой рабочей силы, а также улучшению институциональной среды, подходящей для бизнеса, Эфиопия очень привлекательна как направление для инвестиций.

Ключевые слова: институциональная среда, прямые иностранные инвестиции, производственный сектор, Эфиопия

История статьи: поступила в редакцию 14 октября 2023 г., проверена 20 ноября 2023 г., принята к публикации 12 декабря 2023 г.

Для цитирования: *Worku M.W., Muchara B.* Impact of institutional environment on foreign direct investment inflow to the manufacturing sector in Ethiopia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 88–112. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-88-112>

Introduction

The institutional environment of a country is an aggregate of economic, social, political, and legal contracts or agreements that substantiate the foundation for production and exchange in a country (Oxley, 1999). In other words, a conducive business climate is among the essential determinants affecting the inflow of foreign direct investment to the host country (Lim, 2001). In the institutional fitness theory, Wilhelms (Wilhelms, 1998) argues that institutional environment variables affect the inflow of FDI to the host country. Additionally, the OECD (2002) suggests that incentives are not necessary to attract FDI as long as good governance conditions are in place. Furthermore, the presence of strong and functioning governance frameworks in any nation boosts investor trust and makes investments considerably more substantial (Raza, Shah, Arif, 2021).

Dunning (Dunning, 2002), as quoted by Subasat and Bellos (2013), suggests that institutional factors such as economic freedom and good governance are increasingly influencing FDI decisions as the objectives of multinational corporations (MNCs) shift from market and resource acquisition to efficiency enhancement. This implies that while traditional determinants like natural resources, inexpensive labor, and robust infrastructure are becoming less critical, less conventional drivers like governance and economic freedom are gaining importance. Institutional elements like political constraints, property rights protection, and corruption are significant determinants of FDI inflows, as per Richards and Nwankwo (2005). Hout (2007) further argues that corrupt practices, which are associated with poor governance, distort government expenditure and result in uneven national growth and development.

Many academics disagree with the widely held belief that nations with strong institutional frameworks or good governance typically attract higher levels of FDI. Moskalev (2007), Habib and Zurawicki (2002), and Henisz (2000), for instance, contend that inadequate governance need not always equate to a lack of protection for investors. Multinational corporations (MNCs) strategically adapt to the local business climate in poorly governed environments, offering bribes to get business contracts. Therefore, bad governance might potentially present MNCs with more prospects for investment. Li (2005), on his part, argues that big MNCs as well as politicians and policy makers engage in rent-seeking activities when there is inadequate governance. The explanation behind this is that relation-based institutions are frequently ruled by strong individuals who have a bias toward large corporations. Furthermore, Subasat and Bellos (2013), come to the same conclusion: in certain transitional economies, inadequate governance attracts FDI rather than acts as a barrier for multinational corporations.

Just as there are theoretical debates, the empirical literature on the relationship between institutional quality and FDI inflow remains unresolved. For example, numerous researchers, including Ali, Fiess, and MacDonald (2010); Globberman, Shapiro,

and Tang (2004); and Globerman and Shapiro (2002), have discovered that countries with good governance can attract more FDI inflows. This suggests that countries with weak governance policies are unable to protect investments and therefore fail to attract more FDI. Ahmad et al. (Ahmad, Ahmed, Atiq, 2018) also found that institutions play a crucial role in attracting FDI inflows in Pakistan. Peres et al. (2018) found that institutional quality significantly and positively influences FDI only in developed countries, while it is insignificant in developing countries.

On the other hand, if a strong institutional environment or governance is one of the primary factors in attracting higher inward FDI or governance really matters, Mengistu and Adhikary (2011) have questioned why China attracts higher levels of FDI despite having a number of governance challenges, such as a weak legal system and issues of transparency and accountability. Subasat and Bellos (Subasat, Bellos, 2013) used a panel gravity model to investigate whether the fascinating and distinctive results for transition economies hold true for a subset of Latin American nations. Their findings indicate that weak governance encourages FDI in transition economies and Latin American countries.

FDI in flow in Ethiopia has shown promising increment over the years, with inconsistency in its pattern, investment type, and limited domestic investment sources. Moreover, FDI in Ethiopia has been concentrated on the manufacturing sector, which accounts for the majority (50,4%) of the total FDI operational investment projects and about three-quarters (73,3%) of capital invested in the country over the period 1992–2020. Though the manufacturing industry is a total growth factor for other economic sectors (Su, Yao, 2017), the contribution of the manufacturing sector to Ethiopia's GDP also remained low. For instance, the annual report of NBE (2022) indicates that the contribution of the entire industrial sector to Ethiopian GDP is about 29,3 percent, while that of the manufacturing industry accounts for only 4.61 percent.¹ The report by UNIDO² also ranks Ethiopia 143 globally based on its regional and global competitive industrial performance (CIP) index and was among the bottom list of Sub-Saharan African countries.

The quality of the institutional environment of Ethiopia in attracting and retaining quality FDI for economic growth is crucial. Moreover, many empirical studies related to FDI inflow to Ethiopia focus on the impacts of macroeconomic determinants of FDI. These include, among others, the study conducted by Haile and Assefa (Haile, Assefa, 2006), Solomon (2008), Liya (2016), Fantaye (Fantaye, 2016), Deresse (Deresse, 2020), and Ergano and Rambabu (Ergano, Rambabu, 2020). There is limited work on the impact of the institutional environment on FDI inflow to the manufacturing sector of Ethiopia. This study attempted to fill the gap in the literature by investigating the impact of the institutional environment on FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia using time series data

¹ Annual Report 2021-2022. National Bank of Ethiopia. Retrieved September, 15, 2023, from <https://nbe.gov.et/annual-report/>

² Annual Report — 2018. UNIDO. Retrieved September, 15, 2023, from <https://www.unido.org/resources-publications-flagship-publications-annual-report/annual-report-2018>

for the period 1992 to 2021. The study applied the Autoregressive Distributed Lag (ARDL) regression model. The main hypothesis tested in this study is that conducive institutional environment enhances FDI inflows to the manufacturing sector in Ethiopia both in the long-and short-run.

Related Literature

There seems to be a consensus in the theoretical framework that FDI increases economic growth, productivity, and efficacy gains. For instance, De Gregorio (De Gregorio, 2005) noted that an increase in the FDI flow increases the growth rate by filling the saving, foreign exchange, and revenue gaps as well as serving as a vehicle in transferring advanced technological and management skills to the host nation. However, Nunnenkamp and Spatz (2003) expressed their critique towards the perspective advocating for developing nations to rely on FDI as a means to foster economic development. The researchers reached the determination that the effects of FDI on economic growth are uncertain due to the utilization of aggregated FDI data. The growth impacts of FDI become uncertain when FDI is disaggregated and the compatibility of different types of FDI with the economic environment of the host country is taken into account.

The empirical study of Haile and Assefa (Haile, Assefa, 2006) on the determinants of FDI in Ethiopia found that liberalization of trade and regulatory regimes had significant positive impacts on FDI inflow FDI to Ethiopia, while macroeconomic instability (measured by inflation) and poor physical infrastructure (measured by telephone lines per 1000 people) had statistically significant negative impacts. Similarly, Sunday and Lydie (2006) found that infrastructure development, market size (GDP per capita), trade openness, human capital development, and economic growth were the most significant determinants of FDI in Cameroon. Nevertheless, exchange rate, political risk, inflation rate, debt burden, and the creation of an export-processing zone did not have any influence on FDI inflow to the country. Moreover, Gharaibeh (2015) found that general government consumption expenditures, inflation rates, annual interest rates, labor force, trade openness, population growth, and public education exerted statistically significant positive impact on inward FDI in Bahrain.

In their study, Fan et al. (2009) examined the influence of governance on foreign direct investment (FDI) in China relative to other countries. They discovered that good governance, which is a broader definition of corruption, increases investment levels and encourages FDI due to the country's lucrative business environment. In their provincial-level investigation into China's FDI and corruption. Additionally, Cole, Elliott, and Zhang (2009) discovered a favorable correlation between government initiatives to combat corruption and FDI influx. In other words, FDI was drawn to provinces with strong governance and zero tolerance for corruption. Furthermore, Mengistu and Adhikary (2011) findings on the relationship between indicators of governance and FDI using panel data of fifteen Asian countries strongly confirm that the only factors that significantly increase FDI inflows into the sample countries are political stability and absence of violence, rule of law, the ability to combat corruption, and the effectiveness of the government. Using data from

1995 to 2009, Alemu (2012) examined the impact of corruption on FDI inflow for 15 Asian nations, including China. The study indicated that for every 1 percent rise in corruption, there was a 9,1 percent point decrease in FDI inflow.

Buchanan et al. (2012) conducted a study that examined the correlation between institutional quality and levels and volatility of foreign direct investment (FDI). The study utilized panel data including 164 countries over the period of 1996 to 2006. The findings of their inquiry provide evidence that FDI inflows are positively and considerably influenced by high institutional quality. However, everything else being equal, there is a considerable inverse correlation between institutional quality and the volatility of FDI. Moreover, the study conducted by Nguyen and Cao (2015) revealed a positive correlation between the quality of institutions and the influx of FDI into Vietnam. However, the results of the Nondo et al. (2016) study on the influence of institutional quality on FDI inflow into SSA nations are at odds with those of other research, since their analysis indicates that FDI and institutional quality do not correlate significantly. Furthermore, Ullah and Khan (2017) investigated the connection between FDI and institutional quality in South Asian nations and discovered that, in contrast to Central Asia and SAARC, institutional variables are crucial in drawing FDI inflows to the ASEAN region.

Likewise, the empirical study of Hossain and Rahman's (2017) used panel data from eighty distinct developing nations between 1998 and 2014 and employed a range of panel data analysis techniques, to examine the connection between governance and foreign direct investment. The study found that all the components of governance, including voice and accountability, political stability and reduced violence, government effectiveness, regulatory quality, rules of law, and corruption control, had positive and significant impact on foreign direct investment inflow to the sample developing nations. Additionally, it was shown that several control variables exhibited positive and statistically significant influence on the influx of FDI in developing countries. These variables include gross domestic product (GDP), trade openness, inflation rate, telephone mainlines, literacy rate, and agglomeration. The study by Ahmad et al. (2018), however, is very different from other research on the connection between FDI inflows and institutional quality because, in contrast to earlier research, this study examined whether institutional quality influences FDI inflows to Pakistan's primary, manufacturing, and service sectors over the long and short term. The key finding of the study suggests that institutional quality significantly influences the attraction of FDI in Pakistan's manufacturing and services sectors in the long-run. However, this relationship does not hold true for the primary sector. Yet, the findings showed that institutional quality had no immediate effect on these industries in the short-run. Finally, they suggested the Pakistani government to prioritize measures targeted at improving the quality of the institutions.

Empirical studies present varying data concerning the relationship between the nexus of corruption and the influx of foreign direct investment. Egger and Winner (2005) conducted a study that revealed a positive correlation between corruption and foreign direct investment (FDI). Their findings led them to conclude that corruption acts as a catalyst for FDI in a total of 73 host countries, encompassing both developed

and less developed nations. Moreover, Moustafa (2021) found significant positive relationship between FDI and corruption in Egypt both in the short and long run; implying that perceived corruption facilitates FDI inflows into Egypt. In general, the above findings indicate the ‘helping hand’ hypothesis holds. Although corruption has been associated with some positive effects on foreign direct investment (FDI), it is important to consider other studies that present contrasting findings. For instance, Habib and Zurawicki (2002) conducted an analysis on the correlation between corruption and FDI across 89 developed and less developed countries. Their research revealed that corruption tends to hinder FDI, thus supporting the notion that the “grabbing hand” hypothesis holds true within the countries examined. Similarly, the findings of Castro and Nunes (2013) for in 73 countries, Navickas et al. (2016) for 15 EU countries, and Bouchoucha and Benammou (Bouchoucha, Benammou, 2018) for 41 African countries also support the ‘grabbing hand’ hypothesis. Furthermore, Hakimi and Hamdi (2017) analyzed the impact of corruption on investment and growth in 15 Middle East and North African (MENA) countries and found that corruption affects both domestic investment activities and FDI inflows to the region adversely and significantly. In contrast to the above bi-polar findings, Görgülü and Akcay (2015) cited by Habib and Zurawicki (2002) did not find significant relationship between corruption and FDI to less developed countries. The findings of Alakbarov and Bayar (2021) show that control of corruption has no statistically significant impact on the attraction of foreign direct investments in their study.

Materials and methods

Following the work of Awadhi et al. (2022), the functional notation for institutional environment-FDI inflows to the manufacturing sector relationship is given in the form of a long-linear empirical model that can be specified as:

$$\ln MSFDI_t = \alpha + \beta_i \ln CONTVAR + \beta_i INENV_t + \varepsilon_t, \dots \quad (1)$$

Where, $\ln MSFDI_t$ is the dependent variables and is FDI inflow to the manufacturing sector as a ratio of total FDI inflows to the country, $\ln CONTVAR_t$ is a set of macroeconomic control variables and $INENV_t$ is the abbreviation for the six World Bank governance indicators, used as proxy for institutional environment/quality variables. In this study, two macroeconomic variables were used as control variables and the choice of variables is guided by previous studies. The suffix *ln* in front of the above macroeconomic variables indicates that the variables are transformed into natural logarithm so that the slope coefficients can be interpreted as elasticities. However, since the $INENV_t$ variables are indices of institutional environment they are not transformed into natural logarithm.

In this study, *time series data was collected from 1992 to 2021*, based on data availability, and Autoregressive Distributed Lag (ARDL) regression models based on Bound cointegration test introduced by Pesaran (1996), Pesaran and Smith (1999) and further developed by Pesaran, Shin, and Smith (2001) was employed to *generate*

meaningful long-run and short-run relationship. The ARDL approach offers several advantageous features compared to other conventional cointegration methods, such as the Johansen cointegration techniques. Unlike the Johansen approach, which necessitates all variables to be integrated at the same order, the ARDL approach enables more flexibility in accommodating variables with different integration orders. The ARDL test procedure yields reliable outcomes regardless of whether the variables are integrated at order zero I (0), integrated at order one I (1), or mutually co-integrated (Pesaran, Shin, Smith, 2001). Additionally, this method yields robust and reliable outcomes when employing limited time-series data to estimate both long-term and short-term coefficients. Third, it addresses issues of endogeneity (Pesaran, Smith, 1999; Pesaran, Shin, Smith, 2001). Consequently, the small sample size and the various orders of integration of the study variables make the ARDL model the most suitable method for this study. As a result, equation (1) is expanded to include all the level and first difference forms of the variables in the ARDL (p, q_1, q_2, \dots, q_8) model as follows.

$$\begin{aligned} \Delta \ln MSFDI_t + a_0 + \sum_{i=1}^p \beta_1 \Delta \ln MSFDI_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_2 \Delta \ln RGDPY_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_3 \Delta \ln CPI_{t-i} + \\ + \sum_{i=0}^q \beta_4 \Delta \ln VACT_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_5 \Delta \ln PSAV_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_6 \Delta \ln RUoL_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_7 \Delta \ln CCRT_{t-i} + \\ + \sum_{i=0}^q \beta_8 \Delta \ln GEFF_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_9 \Delta \ln REQU_{t-i} + \delta_1 \ln MSFDIG_{t-i} + \delta_2 \ln RGDPY_{t-i} + \\ + \delta_3 \ln CPI_{t-i} + \delta_4 VACT_{t-i} + \delta_5 PSAV_{t-i} + \delta_6 RUoL_{t-i} + \\ + \delta_7 CCRT_{t-i} + \delta_8 GEFF_{t-i} + \delta_9 REQU_{t-i} + \varepsilon_t \dots \end{aligned} \quad (2)$$

Where, the symbol Δ indicates first difference of the variables. Where, t is the time subscript; α is the constant, β_i are the coefficients associated with the study variables, and ε_t is the error or stochastic term used to capture the random observations, and it is assumed to possess normal properties of zero mean, as well as non-serial correlation and constant variance assumptions. The variable $\ln MSFDI_{t-1}$ in ARDL (p, q_1, q_2, \dots, q_8) model (2) above is the lagged value of the dependent variable. Whereas, p and q on top of the summation indicate the optimal lag of the dependent and independent variables (In their order). *Table 1 below shows the description of the variables and postulated relationship between the dependent and independent variables as ordered in ARDL model (2).*

Next to finding the long-run association between variables using ARDL model (2), the ARDL approach uses the error correction model (ECM), which is representation derived from ARDL (p, q_1, q_2, \dots, q_8) model (2), to obtain the short-run dynamic parameters. The ECM is specified in equation (3) below.

$$\begin{aligned} \Delta \ln MSFDI_t = & a_0 + \sum_{i=1}^p \beta_1 \Delta \ln MSFDI_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_2 \Delta \ln RGDPY_{t-i} + \\ & + \sum_{i=0}^q \beta_3 \Delta \ln CPI_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_4 \Delta VACT_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_5 \Delta PSAV_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_6 \Delta RUoL_{t-i} + \\ & + \sum_{i=0}^q \beta_7 \Delta CCRT_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_8 \Delta GEFF_{t-i} + \sum_{i=0}^q \beta_9 \Delta REQU_{t-i} + \omega ECT_{t-1} + \varepsilon_t \dots \end{aligned} \quad (3)$$

Where, ECT_{t-1} in equation (3) above is the error correction term lagged for one period, Δ is the coefficients for measuring the speed of adjustment and β_t is the white noise terms of the short-run model. According to Johansen (1988), the error correction term indicates the speed of adjustment of the deviation of the dependent variables from their long-run values due to any short-run disequilibrium after a shock or how quickly/slowly the relationship returns to its equilibrium path and it should have a statistically significant coefficient with a negative sign.

The estimation procedures followed in this study follow six steps. It begins with examination of the time series characteristics or properties of the data for stationarity or lack thereof (nonstationary) before proceeding with the estimation of ARDL model (2). The standard unit root test estimation that are used in applied time series economics work are based on the hypothesis:

H0: The series contains a unit root or is non-stationary

H1: The series doesn't contains a unit root or is stationary

Time series data is “stationary” if the distribution of its mean and variance are constant or remains unchanged over time. Whereas a nonstationary series means its variance grows with time (Phillips, Perron, 1988). To this end, the conventional Augmented Dickey-Fuller (ADF) resulted from augmenting test tool developed by Dickey and Fuller (1981) and Phillips–Perron — PP (1988) tests were employed. Usually, ADF test yields superior results than PP test, if the data set has no missing observations and structural breaks; whereas PP test yields superior results than ADF test, if the dataset have some missing observations and structural breaks (Greene, 2003).

According to Pesaran et al. (2001), optimal lag selection is the second step in autoregressive distributive lag (ARDL) approach. Thus, the optimum lag of dependent and independent variables is determined using Akaike Information Criterion (AIC) by altering the lag imposed on ARDL model (2) till the optimal lag for the ECM is obtained. Third, the bound cointegration test based on the ARDL model was performed using unrestricted constant and the level form of the variables based on observed lags (p, q_1, q_2, \dots, q_8) for dependent and independent variables to check if variables included in the ARDL model (2) empirically give meaningful long-run equilibrium relationships and generate the long-run coefficients. In order to integrate the short run dynamics with long run model, the ECM, specified in equation (3), was estimated using first difference of the variables to allow for delayed response in the fourth step (Table 1).

Table 1

Description of variables and Postulated relationship

Variable name	Description	Postulated Relationship	
		Long run	Short run
$\ln MSFDI_t$	It is the ratio of FDI inflow to the manufacturing sector to total FDI in the country and transformed to natural logarithm. The data on these variables is obtained from Ethiopian Investment Commission (2022)		
$\Delta (\ln MSFDI)$	The first difference of real $\ln MSFDI_t$		
Independent variables			
$\ln RGDPY_t$	It is real GDP per capital income in Ethiopian Birr, obtained by dividing GDP (at constant 2011 price) by midyear population and transformed to natural logarithm. This variable is a proxy for market size of the country	Positive	
$\Delta (\ln RGDPY)$	The first difference of real GDP per capita		Positive
$\ln CPI_t$	It is the natural logarithm of consumer price index and transformed to natural logarithm. This variable is a proxy for inflation rate or macroeconomic instability in the country. It is collected from NBE (2022)	Negative	
$\Delta (\ln CPI_t)$	The first difference of inflation rate		Negative
$VACT_t$	It is an index used as a measure of voice and accountability in the country	Positive	
$\Delta (VACT_t)$	The first difference of VACT		Positive
$PSAV_t$	It is an index used as a measure of political stability and absence of violence in the country	Positive	
$\Delta (PSAV_t)$	The first difference of PSAV		Negative
$RUOL_t$	It is an index that measure the rules of law in the country	Positive	
$\Delta (RUOL_t)$	The first difference of RUOL		Positive
$CCRT_t$	It is an index that measure control of corruption and bureaucratic red tape or delays in the country	Negative	
$\Delta (CCRT_t)$	The first difference of CCRT		Negative
$GEFF_t$	It is an index used to measure Government effectiveness	Negative	
$D (GEFF_t)$	The first difference of GEFF		Negative
$REQU_t$	This variable is an index used as a measure of regulatory quality	Positive	
$\Delta (REQU_t)$	The first difference of regulatory quality index		Negative

Note: All the six institutional environment variables are collected from World Bank (2022) World Governance indicators database.

To ensure the validity of the ARDL regression models utilized in this work, several crucial residual diagnostic tests were conducted in the fifth phase. These tests included assessing autocorrelation or residuals independence, homoscedasticity, normality, and absence of model misspecification. To assess the stability of the regression equation overtime, two model stability tests, specifically the Recursive Residuals (CUSUM) test and the Recursive Residuals Square (CUSUM Q) graphic test, were conducted, as recommended by Pesaran et al. (2001). Stability tests are seen suitable in empirical investigations employing time series data, particularly in situations where there exists uncertainty regarding the timing of potential structural shifts. The determination of the stability tests was contingent upon the placement of the plot in relation to the 5% critical bound. All estimations in this investigation were conducted utilizing Eviews 12 statistical software.

Results and Discussion

The time series properties of the underlying data were estimated in their original level and first difference forms using the conventional Augmented Dickey—Fuller (ADF) and Phillips—Perron (PP) tests (Phillips, Perron, 1988). Initially, the tests were run with the inclusion of solely the constant term, followed by the inclusion of both the constant term and time trend. The results of the unit root tests are displayed in Table 2. The analysis of the unit root results for the dependent variable and two control variables in Table 2 is based on ADF tests, as recommended by (Greene, 2003) due to the absence of missing observations and structural breaks in the dataset. The ADF unit root test results indicate that the t-statistics for the level of the variables were lower than the critical values for ADF test, except for the dependent variable, $\ln MSFDI_t$. Therefore, we reject the null hypothesis that the series, representing FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia, has a unit root at a significance level of 5 percent. This suggests that the variable is integrated of order zero, or $I(0)$. However, it is worth noting that the two control variables were found to be integrated of order one, or $I(1)$.

Nevertheless, the findings of the PP unit root test reveal that all the six institutional environment variables, which have missing observations for the years 1997, 1999, and 2001, and exhibit structural discontinuities in the dataset, were non-stationary in their level. In contrast, the results of both the ADF and PP tests for the change or first difference of the six institutional environment variables indicate that the null hypothesis of a unit root or non-stationary is rejected at a significance level of 5 percent, suggesting that they are $I(1)$ variables. Therefore, the variables included in the ARDL model are a combination of $I(0)$ and $I(1)$.

Moreover, the ADF and PP tests results in Table 2 revealed that adding the time trend does not improve the stochastic nature of the data (see column 3 and 5). For example, the level PSAV was stationary at 10% level significance when only constant term included in the ADF and PP test but becomes non-stationary when constant and time trend were included. Moreover, the first difference of $\ln RGDPI_t$, $\ln VACT_t$, $\ln PSAV_t$, and

CCRT were stationary at higher significance level when only constant term included compared to with constant and time trend. Therefore, based on the ADF and PP unit root test results, it can be inferred that only a constant term should be included in the estimation of ARDL model (2).

Table 2

Unit Root Test Results based on ADF and PP Test

Variables	ADF Unit root Test statistics		PP Unit root Test statistics		Order of Integration
	Only Intercept	With Trend & Intercept	Only Intercept	With Trend & Intercept	
lnMSFDI	-4.4403***	-4.4580***	-4.5879***,	-4.5809***	I (0)
Δ (lnMSFDI)	-9.0754***	-8.8720***	-13.2445***	-13.3643***	
LnRGDPY	1.0935	-4.5905**	0.9383	1.4616	I (1)
Δ (LnRGDPY)	-3.8368***	-4.2337**	-3.8956***	-4.2215**	
LnCPI	2.2761	-1.1781	1.8352	-1.2247	I (1)
Δ (LnCPI)	-3.2952**	-2.2777**	-3.2877**	-4.0791**	
VACT	-1.2987	-1.0600	-1.6451	-1.0169	I (1)
Δ (VACT)	-4.1756***	-4.0008**	-4.1747***	-4.7309***	
PSAV	-2.8770*	-2.7935	-3.0182*	-2.8731	I (1)
Δ (PSAV)	-3.4760**	-0.6753	-2.4696**	-2.9918	
RUoL	-1.0578	-3.0015	-0.6964	-2.9793	I (1)
Δ (RUoL)	-4.8451***	-4.6853***	-7.8225***	-7.2526***	
CCRT	-0.6381	-2.7377	-0.8525	-2.7888	I (1)
Δ (CCRT)	-3.3944**	-3.5773*	-3.3490**	-3.5453*	
GEFF	-2.0502	-1.8872	-1.9753	-1.7623	I (1)
Δ (GEFF)	-5.6143***	-5.7801***	-5.5770***	-5.7801***	
REQU	-4.3344***	-4.0723**	-2.3356	-2.2355	I (1)
Δ (REQU)	-5.7189***	-5.6128***	-5.7047***	-5.6122***	

Source: Authors calculation.

Note: Δ shows the variable is differenced once. MacKinnon (1996) critical values ADF unit root test statistics are used here; *shows significant at 1 percent; ** significant at 5%; and *** significance at 1%.

Given the small sample size, specifically 23 years for institutional environment variables, an ARDL model was applied to the dependent variable and eight independent variables. This was done by imposing one period lag in the

estimation of the ARDL (p, q_1, q_2, \dots, q_8) model (2). In doing so, we obtained the optimal lag length for selected ARDL model, long-run coefficients, and bound cointegration test results. That is, as can be seen from the graph depicting for the AIC results for 20 top ARDL models in Appendix (1), the optimal lag length for the selected ARDL model shown in the first line is ARDL (1,1,1,1,0,1,1,0,1) specification. Further, the estimation of ECM model provides evidence that the lag length for selected ARDL model minimizes the Akaike Information Criterion (AIC) confirming the appropriateness of the optimal lag of the variables.

The Bound cointegration test results and long-run coefficients obtained from the regression of ARDL model (2) are summarized in Tables 3 and 4, respectively. The results in Table 3 below rejects the null hypothesis of no cointegration among variables is rejected since the F-statistic of 6.9624 is greater than the upper bound critical value of I (1) series at 10 % (2.85), at 5 % (3.15), at 2.5 % (3.42), and 1 % (3.77) level of significance. Therefore, we conclude that there is long run relationships among the variables included in the ARDL model (2).

Table 3

Results of Bound cointegration in ARDL

F-Bound Test	F-statistics	Significance Levels	Critical Values	
			I (0)	I (1)
F-statistics	6.9624	10 %	1.85	2.85
	8	5 %	2.11	3.15
Number of explanatory variables k		2.5 %	2.33	3.42
		1 %	2.62	3.77

Source: Authors calculation.

Table 4 presents long-run coefficients for selected ARDL Model (1,1,1,1,0,1,1,0,1), obtained after estimation of ARDL model (2). The results indicate that both Real GDP per capita (lnRGDPY) and inflation rate (lnCPI) have the expected signs. The long-run results indicate that the estimated elasticity of real GDP per capita income for FDI inflow to the manufacturing sector is statistically significant at 5 % level significance with magnitude greater than unity, indicating that it is highly elastic to changes in real GDP per capita income. Similar to ours, previous studies reported that FDI respond positively and significantly to changes in market size, proxy by real GDP per capita income of the host country. On the other hand, the estimated elasticity of inflation (macroeconomic stability) is negative and statistically significant with magnitude greater than unity, indicating that the FDI inflow to the manufacturing sector is highly sensitive to changes in inflation in the long-run. These findings are consistence with that of Haile and Assefa (Haile, Assefa, 2006), Sunday and Lydie (2006), and Gharaibeh (2015) who concluded that increase in the market size is conducive for attracting FDI to the host countries but increase in inflation is regressive.

Table 4

Long-run coefficients for Selected ARDL Model (1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 1)

Variables	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	p-value
lnRGDPY	8.4324	1.4974	5.6311	0.0111**
lnCPI	-3.5592	0.6692	-5.3185	0.0130**
VACT	3.3757	0.7378	4.5752	0.0196**
PSAV	1.7462	0.3183	5.4864	0.0119**
RUoL	2.2840	1.0168	2.2463	0.1103
CCRT	-1.5594	1.1420	-1.3655	0.2655
GEFF	-1.6073	0.4763	-3.3742	0.0433**
REQU	1.6507	1.0668	1.5472	0.2198
C	-53.2165	10.9915	-4.8416	0.0168**

Source: Authors calculation

Note: Values in table above are rounded into 2 decimal places. *, **, and *** under p-value refer significance at 10 %, 5 %, and 1 %, respectively.

Though one period lag was used in the estimation of ARDL model (2), the estimation result and the AIC determined that the lag length of variables for the selected ARDL model is (1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 1) specification. That is, in the estimation of the short-run ECM model, the optimum lag for the dependent variable (FDI inflow to the manufacturing sector) as well as real GDP per capita, inflation rate, voice and accountability, rules of law, control of corruption, and regulatory quality was one while that of political stability and government effectiveness variables was zero.

The long run results in Table 4 above indicate that the impact of voice and accountability of the government as well as political stability and absence of violence on FDI inflow to the manufacturing sector was positive and statistically significant at 5 % level significance. On the other hand, the long run impact of government effectiveness FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia was negative and significant at 5 % level significance. The result implies that public services provided by the government in Ethiopia are not conducive to attract FDI inflows to the manufacturing sector. The long run coefficients of rules of law and regulatory quality were positive but statistically insignificant. The implication is that, though not to the extent of discouraging foreign investors from taking risks, the legal structures in the country pertaining to property rights protection and enforcing contracts failed to encourage FDI inflow to manufacturing sector significantly in the long-run. Moreover, the positive coefficient of regulatory quality also indicates that a stable government guarantees policy continuity; hence, regulatory quality and FDI inflows are positively correlated. On the other hand, the impact of corruption on FDI inflow to the manufacturing sector was negative and insignificant in the long run. This finding supports Görgülü and Akcay (2015) and Bayar and Alakbarov (Alakbarov, Bayar, 2021) show that control of corruption has no statistically significant impact on FDI flow to less developed countries. Further, the insignificant negative impact of control of corruption on FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia is not surprising because it supports the report of UNCATD (2022) that corruption in Ethiopia is relatively low compared to the regional level.

The error correction representation (short run dynamics) model results of the selected ARDL model is presented in Table 5. It is interesting to note that there is no remarkable directional difference between the long run and ECM models results on the impact of real GDP per capita and inflation on FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia, though more elastic in the short-run. For example, the first difference of real GDP per capita affected FDI inflow to the manufacturing sector positively and significantly at 1 % level significance, denoting that a 1 % increase in real GDP per capita resulted in about 28 % increase in FDI inflow to the sector in the short-run. Moreover, in line with the long run results, inflation rate (macroeconomic instability) affected FDI inflow to the manufacturing sector negatively and significantly at 1 % level significance. That is, a unit increase in consumer price index of the country (In natural logarithm) reduced FDI inflow in the manufacturing sector in the short run by about 4.6 percentage point.

Table 5

Short-run parameters of Selected ARDL Model (1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 1)

Variables	Coefficient	Std. Error	t-Statistics	p-value
$\Delta(\ln\text{RGDPY})$	27.9656	1.6118	17.3508	0.0004***
$\Delta(\ln\text{CPI})$	-4.6278	0.3138	-14.7494	0.0007***
$\Delta(\text{VACT})$	0.5707	0.4033	1.4149	0.2520
$\Delta(\text{RUoL})$	10.5297	0.7358	14.3100	0.0007***
$\Delta(\text{CCRT})$	-12.6952	0.9897	-12.8166	0.0010***
$\Delta(\text{REQU})$	-2.4144	0.4677	-5.1621	0.0141**
ECT (-1)	-2.5947	0.1555	-16.6882	0.0005***
R-squared	0.9695	Mean dependent variable		0.0404
Adjusted R-squ.	0.9542	S.D. dependent variable		0.6038
S.E. Regression	0.1293	Akaike information criterion		-0.9767
Sum squared resid.	0.2005	Schwarz information criterion		-0.6288
Log likelihood	16.2787	Hannan—Quinn criterion		-0.9178
Derbin-Watson-stat.	3.1824			

Source: Authors calculation.

Note: ECM (-1) is the lagged error correction term. Δ denotes difference operator.

Table 5 also indicate that Contrary to the long run, the impact of voice and accountability on FDI inflow to the manufacturing sector was found to be positive but insignificant in the short-run. The results also indicate that rule of law (RUoL) is the

only institutional factor that significantly increase FDI inflows into the manufacturing sector in Ethiopia at 1 % level significance. This finding is consistent with that of Alemu (Alemu, 2012) and Hossain and Rahman’s (Hossain, Rahman, 2017) findings for developing countries. Unlike the long-run, however, control of corruption (CCRT) and government regulatory quality (REQU) affected FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia negatively and significantly at 1 and 5 % level significance, respectively. The impact of corruption confirmed that the “grabbing hand” hypothesis holds true in the short-run. This finding is in harmony with the findings of Benammou (Bouchoucha, Benammou, 2018) that corruption tends to impede FDI flow to the sample African countries. Nevertheless, our findings on the impact of regulatory quality on FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia contradicts the findings of Hossain and Rahman’s (2017) that all institutional quality variables, including regulatory quality, had positive and significant impact on foreign direct investment inflow to the sample developing nations.

The coefficient of error correction term (ECT_{t-1}) in its first lag obtained from the short-term model has the expected negative sign and its magnitude is $-2,5947$, which is infinitesimally low. The low coefficient implies that the speed of adjustment after shock to equilibrium is low. Furthermore, it can be inferred that the speed of adjustment from the preceding year’s disequilibrium in FDI inflow to the manufacturing sector to current year’s equilibrium can be achieved but at a lower speed. Furthermore, the coefficient of determination (adjusted R-Square) indicates that about 95,4% of the variation in FDI inflow to the manufacturing sector model has been explained by the combination of macroeconomic control and institutional environment explanatory variables included in the short run model. Thus, the explanatory power of the variables included in the short run model is regarded as very high. The value of Akaike information criterion (AIC) is lower than that of Schwarz criterion (SC) and Hannan — Quinn criteria (HQC) confirmed that one period lag is an optimal length for the dependent variable in ARDL models used in this study. Moreover, the Durbin — Watson statistics of autocorrelation is 3,18, suggesting that the model is free from autocorrelation problem (Table 6).

Table 6

Summary of Diagnostic Test Results

Test	Null Hypothesis	F-stat	Prob.	Decision
Serial correlation (BG LM TEST)	Residuals are not serially correlated	11.2081	0.0788	Fail to reject
Hetrokedasticity (BPG)	Residuals are homoscedastic	1.7176	0.3648	Fail to reject
Normality (JB)	Residuals a are normality distributed	0.3728	0.8299	Fail to reject
RESET (Ramsey functional form)	No miss specification in the model	1.3058	0.3707	Fail to reject

Source: Authors Calculation

Note: BPG—Breusch—Pagan—Godfrey, BPG—Breusch & Godfrey, JB—Jarque Bera.

The results of numerous diagnostic tests performed to find the potential errors in the ARDL models is shown in Table 6 above. The Breusch—Godfrey serial correlation LM test performed to identify the existence of serial autocorrelation between the current value of the regression residuals and lagged values signify absence of serial autocorrelation among the residuals in the ARDL models. Furthermore, the Breusch—Pagan—Godfrey (BPG) test confirmed the assumption that the errors are homoscedastic and independent of the regressors. Further, the Jarque—Bera (JB) test of normality proves normality of the residuals. Finally, Ramsey’s RESET test fails to reject the assumption that the model has no omitted variables. In general, the diagnostic tests performed revealed that the ARDL models used in this study have passed all the exhaustive post-estimation diagnostic tests successfully.

In order to evaluate the stability of the long-run coefficients together with short-run dynamics, the cumulative sum (CUSUM) and cumulative sum of squares (CUSUM Q) graphic tests were applied to plot the residual of ECM (see Appendix 2). As can be seen in the graphs in Appendix 2, the plots of both CUSUM and CUSUMSQ statistics moved between the critical bounds at the 5% significance level and did not cross the lower and upper critical limits. Particularly, the latter stability test indicates that the estimated the long-run and short-run coefficients are stable overtime.

Summary and Conclusions

It’s an indisputable reality that nations with stronger institutional systems are more likely to attract foreign direct investment. This is because savvy investors are discerning when choosing where to allocate their resources. They seek out stable and secure environments where their investments can thrive. Accordingly, they prefer to steer clear of countries where corruption is rampant, rules and regulations are poorly upheld, and administrative processes are overly complex and burdensome. In order to feel confident in their investment decisions, individuals and companies need assurance that the laws and regulations in place are consistently and fairly enforced. They do not want to fall victim to corrupt practices that impede their business endeavors. Additionally, they strive to avoid bureaucratic red tape that disrupts their operations and drives up costs. If a country fails to meet these basic requirements, investors will ultimately look elsewhere to grow their Financial portfolio. The primary objective of this research was to examine the impact of the institutional environment on the influx of foreign direct investment (FDI) in Ethiopia’s manufacturing sector. To fulfill this goal, the study utilized key macroeconomic factors over a period of 1992 to 2021, namely market size (measured by GDP per capita income) and the inflation rate. Furthermore, six institutional environment indices were assessed, namely voice and accountability, political stability and absence of violence, rule of law, control of corruption and bureaucratic delays, government effectiveness, and regulatory quality. These variables were selected based on their relevance and availability of data. Additionally, the study aimed to test the hypothesis that a conducive institutional framework has a positive impact on FDI.

The ARDL bound test for cointegration confirms the existence of long-term relationship among the variables included in the ARDL model for FDI inflow to the manufacturing sector. The estimation results of selected ARDL model indicate that better macroeconomic conditions such as higher market size (real GDP per capita) and lower macroeconomic instability (inflation rate) were detrimental for attracting FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia both in the long run and short run. The findings from both the long-run and short-run estimations present contrasting perspectives about the influence of institutional environment variables on FDI inflows into Ethiopia's manufacturing sector. The findings from the long-term regression reveal that three key institutional environment variables, namely government accountability and transparency, political stability and absence of violence, and government effectiveness, have significant role in attracting FDI into Ethiopia's manufacturing sector. The findings shown here align with the research conducted by Ahmed et al. (Ahmad, Ahmed, Atiq, 2018), which suggests that the quality of institutions plays a crucial role in attracting FDI in the manufacturing sector over an extended period. Additionally, these findings are consistent with the conclusions drawn by Buchanan et al. (2012), who give empirical evidence supporting the notion that favorable institutional quality has a positive and substantial impact on FDI. In contrast, the enduring adverse influence of government effectiveness on FDI inflow towards the manufacturing industry implies that there is a need for enhancements in the current inefficiencies of government policy development and execution. These improvements are necessary to foster greater FDI attraction overall, with a specific focus on the manufacturing sector in the long term.

In the short run, the institutional environment variables of rule of law, control of corruption, and regulatory quality had a negative impact on FDI inflow to the manufacturing sector in Ethiopia. Hence, it is imperative for the government to prioritize the enhancement of the legal system to guarantee the efficacy of contract enforcement, safeguard property rights, bolster law enforcement agencies and judicial institutions, and foster increased trust and compliance among economic actors. This strategic emphasis is crucial for attracting greater FDI to the manufacturing sector within a limited timeframe. An area of attention that should be considered is the implementation of an efficient anti-corruption policy that is conducive to enhancing the extent to which public power is utilized for private gain and fostering investor trust. Furthermore, it is imperative to establish effective regulatory mechanisms that can effectively eradicate market-unfriendly policies, such as government intervention and limitations on capital mobility. Additionally, there is a pressing need to address the prevailing regulatory inefficiencies within the nation, specifically those pertaining to customs clearance for imports and exports. By doing so, it will be possible to cultivate a conducive business and investment climate, stimulate private sector investment, and attract a greater influx of foreign direct investment in the short run.

The findings of this study suggest that the inflow of FDI into Ethiopia's manufacturing sector is contingent upon the implementation of sound macroeconomic

policies and the establishment of supportive institutional frameworks. These frameworks are characterized by enhanced transparency and accountability within the government, political stability, the absence of violence, a robust legal system, efficient measures to combat corruption, effective governance, and improved regulatory standards. This assertion aligns with the findings of Alemu (Alemu, 2012), Nguyen and Cao (2015), Ullah and Khan (2017), and Hossain and Rahman (2017), who have provided robust evidence supporting the notion that various indices of governance or institutional quality significantly influence the entrance of FDI into the host nation. However, the results presented in this study are in contrast to the findings of Nondo et al. (Nondo, Kahsai, Hailu, 2016), who concluded that variables related to institutional quality do not have a substantial impact on FDI inflows in countries in Sub-Saharan Africa (SSA). Hence, the results of this study unequivocally affirm our hypothesis that a favorable institutional environment positively impacts FDI inflows to the manufacturing sector in Ethiopia, both in the short run and long run.

It's crucial for Ethiopia to focus on improving its institutional environment to effectively attract more foreign direct investment (FDI) into the manufacturing sector. This includes addressing issues such as ethnic conflict, political violence, and instability to improve the political landscape. Enhancing the quality of government institutions is also important. Efforts should also be made to improve the legal system and strengthen internal laws and legislation. The government should take sincere steps to increase transparency, combat corruption among government officials, and promote accountability. Addressing government ineffectiveness in providing public services and improving civil service and regulatory mechanisms of institutions are also key areas that need attention. It's worth noting that Ethiopia has a lot of potential for attracting FDI due to its abundant and low-cost trainable labor and strategic location in the Horn of Africa. By making these improvements, Ethiopia can attract more FDI from various developed and emerging economies to its manufacturing sector.

The authors acknowledge two limitations in this study. The first is the limited availability of short time series data, which may hamper the reliability of econometric analysis. Particularly, the data for six institutional environment indicators — voice and accountability, political stability and reduction of violence, rule of law, control of corruption, government effectiveness, and regulatory quality — were obtained from the World Bank governance indicators database. However, these data exhibit missing values not only for the years 1992–1995 but also for 1997, 1999, and 2001. Despite having time series data spanning 23 years, the estimation of ARDL models only considers data from 2002 onwards, covering a 20-year period. The second is the use of aggregate FDI inflow data for five manufacturing industries — metal and energy, chemical and construction inputs, textile, leather, and food and beverage — rather than analyzing data for each major industries separately. Hence, the use of aggregate FDI data as a dependent variable may not accurately reflect the impact of individual institutional environment variables on FDI inflows within the five key manufacturing sectors.

Therefore, it is recommended that future research employ scientific forecasting techniques to address the issue of missing values in institutional environment variables over a 7-year span. This would allow for the estimation of the influence of each institutional environment variable on FDI inflow within the five key sub-sectors of the manufacturing sector.

References

- Ahmad, M.H., Ahmed, Q.M., & Atiq, Z. (2018). The Impact of Quality of Institutions on Sectoral FDI: Evidence from Pakistan. *Foreign Trade Review*, 53(3), 174–188. <https://doi.org/10.1177/0015732517734757>
- Alakbarov, N., & Bayar, Y. (2021). International financial market integration and the Feldstein–Horioka Puzzle: Evidence from emerging market economies. *Romanian Journal of Economic Forecasting*, 24(1), 143.
- Alemu, A.M. (2012). Effects of corruption on FDI inflow in Asian economies. *Seoul Journal of Economics*, 25(4), 387–412.
- Ali, F.A., Fiess, N., & MacDonald, R., (2010). Do Institutions Matter for Foreign Direct Investment? *Open Economies Review*, 21, 201–219.
- Asian economies. *Asia Pacific Business Review*, 17(3), 281–299.
- Awadhi, M., James, M., & Byaro, M. (2022). Does institutional development attract foreign direct investments in Sub-Saharan Africa? A dynamic panel analysis. *African Journal of Economic Review*, 10(1), 117–129.
- Bouchoucha, N., & Benammou, S. (2018). Does Institutional Quality Matter Foreign Direct Investment? Evidence from African Countries. *Journal of the Knowledge Economy*, 11, 390–404.
- Buchanan, B.G., Le, Q.V., & Rishi, M. (2012). Foreign direct investment and institutional quality: Some empirical evidence. *International Review of financial analysis*, 21, 81–89.
- Castro, C., & Nunes, P. (2013). Does corruption inhibit foreign direct investment?. *Politica. Revista de Ciencia Política*, 51(1), 61–83.
- Cole, M.A., Elliott, R.J., & Zhang, J. (2009). Corruption, governance and FDI location in China: A province-level analysis. *The Journal of Development Studies*, 45(9), 1494–1512.
- De Gregorio, J. (2005). The role of foreign direct investment and natural resources in economic development. In *Multinationals and Foreign Investment in Economic Development* (pp. 179–197). London: Palgrave Macmillan UK.
- Dunning, J. (2002). Determinants of foreign direct investment globalization-induced changes and the roles of FDI policies. *Paper presented at the Annual World Bank Conference on Development Economics, Europe 2002–2003: Toward Pro-Poor Policies-Aid*. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/10135541-0d46-5d05-983d-1e9def09dff2>
- Deresse, D. (2020). Determinants of Foreign Direct Investment Inflow to Ethiopia: Time Series Evidence (ARDL Approach), *International Affairs and Global Strategy*, 85.
- Dickey, D. & Fuller, W., (1981). Likelihood ratio statistics for autoregressive time series with a unit root, *Econometrica*, 49, 1057–1072.
- Dritsaki, C., & Stiakakis, E. (2014). Foreign direct investments, exports, and economic growth in Croatia: A time series analysis. *Procedia economics and finance*, 14, 181–190.
- Dunning, J.H., & Lundan, S.M. (2008). Institutions and the OLI paradigm of the multinational enterprise. *Asia Pacific journal of management*, 25, 573–593.
- Egger, P., & Winner, H. (2005). Evidence on corruption as an incentive for foreign direct investment. *European journal of political economy*, 21(4), 932–952.

- Engle, R.F., & Granger, C.W. (1987). Co-integration and error correction: representation, estimation, and testing. *Econometrica: journal of the Econometric Society*, 251–276.
- Ergano, D., & Rambabu, K. (2020). Ethiopia's FDI inflow from India and China: analysis of trends and determinants. *Journal of Economic Structures*, 9, 1–20. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00211-7>
- Fan, J.P., Morck, R., Xu, L.C., & Yeung, B. (2009). Institutions and foreign direct investment: China versus the rest of the world. *World development*, 37(4), 852–865.
- Fantaye, Y. (2016). Macroeconomic Determinants of Foreign Direct Investment in Ethiopia: (A Time Series Analysis).
- Getnet, A., and Hirut, A. (2006). Determinants of FDI in Ethiopia, time series analysis.
- Gharaibeh, A. (2015). The determinants of foreign direct investment-empirical evidence from Bahrain. *International Journal of Business and Social Science*, 6(8), 94–106.
- Globerman, S., & Shapiro, D., (2002). Global Foreign Direct Investment Flows: The Role of Governance Infrastructure. *World Development*, 30, 1899–1919.
- Globerman, S., Shapiro, D., & Tang, Y. (2004). *Governance and Foreign Direct Investment in Emerging and Transition European Countries*.
- Görgülü, M.E., & Akcay, S. (2015). The Effects of Foreign Direct Investments on Developing Countries. *Eurasian Studies, Republic of Turkey Prime Ministry Turkish Cooperation and Coordination Agency*, 47(1), 7–36.
- Greene, W.H. (2003). *Econometric Analysis. Fifth Edition*. Prentice Hall, N.J.
- Habib, M., & Zurawicki, L. (2002). Corruption and foreign direct investment. *Journal of International Business Studies*, 33(2), 291–307.
- Haile, G. A., & H. Assefa (2006). Determinants of Foreign Direct Investment in Ethiopia: A time-series analysis. p. 26
- Hakimi, A., & Hamdi, H. (2017). Does corruption limit FDI and economic growth? Evidence from MENA countries. *International Journal of Emerging Markets*, 12(3), 550–571.
- UNIDO (2018). Industrial development report.
- Hossain, M.S., & Rahman, M.Z. (2017). Does governance facilitate foreign direct investment in developing countries? *International Journal of Economics and Financial Issues*, 7(1), 164–177.
- Harris, R. (1995). *Cointegration Analysis in Econometric Modeling*. London: University of Portsmouth, Prentice Hall.
- Henisz, W.J. (2000). The institutional environment for multinational investment. *Journal of Law, Economics and Organization*, 16(2), 334–364.
- Hossain, M.S., & Rahman, M.Z. (2017). Does governance facilitate foreign direct investment in developing countries?. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 7(1), 164–177.
- Hout, W. (2007). *The Politics of Aid Selectivity: Good Governance Criteria in World Bank, US and Dutch Development Assistance*. Routledge: Abingdon-on-Thames.
- Johansen, S. (1988). Statistical analysis of cointegration vectors. *Journal of economic dynamics and control*, 12(2–3), 231–254.
- Kraja, Y.B., & Osmani, E. (2015). Importance of external and internal environment in creation of competitive advantage to SMEs. (Case of SMEs, in the Northern Region of Albania). *European Scientific Journal*, 11(13), 120–130.
- La, Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., & Shleifer, A. (1999). Corporate Ownership around the World. *The Journal of Finance*, 54, 471–517.
- Li, S. (2005). Why a poor governance environment does not deter foreign direct investment: The case of China and its implication for investment protection. *Business Horizon*, 48, 297–302.
- Liya, T. (2016). *The determinants and trend of foreign direct investment in Ethiopia: A Co-Integrated VAR Approach*. Addis Ababa University.

- Lim, E. (2001). Determinants of and the Relation Between, Foreign Direct Investment and Growth: A Summary of Recent Literature. *IMF Working Papers*, 01(175).
- Mengistu, A.A., & Adhikary, B.K. (2011). Does good governance matter for FDI inflows? Evidence from Asian economies. *Asia Pacific business review*, 17(3), 281–299.
- Mitiku, G. (2013). Foreign Direct Investment and Ethiopian Economy: *A Trend, Determinant, and Impact Analyses*. Mekelle University, Ethiopia.
- Moustafa, E. (2021). The relationship between perceived corruption and FDI: a longitudinal study in the context of Egypt. *Transnational Corporations Journal*, 28(2).
- Moskalev, S. (2007). Governance and Foreign Direct Investment. New York: Mimeo, Adelphi University, School of Business.
- Navickas, V., Navickas, M., & Kordoš, M. (2016). Corruption effect on foreign direct investments in European Union countries. *Business: Theory and Practice*, 17(4), 299–306.
- Nguyen, T.V.H., & Cao, T.H.V. (2015). The impact of institutional quality on foreign direct investment (FDI) inflows to Vietnam. *EADN Working Pap*, 86(28).
- Nondo, C., Kahsai, M.S., & Hailu, Y.G. (2016). Does institutional quality matter in foreign direct investment?: Evidence from Sub-Saharan African countries. *African Journal of Economic and Sustainable Development*, 5(1), 12–30.
- Nunnenkamp, P., & Spatz, J. (2003). Foreign Direct Investment and Economic Growth in Developing Countries: How Relevant are Host-country and Industry characteristics? *Kiel working paper*, No. 1176.
- OECD (2002). A comprehensive report on OECD activities in 2001–2002.
- Ogundipe, M.S., & Aworinfe, O.B. (2011). An analysis of causality between Economic and Foreign Direct Investment in pre- and post-deregulated Nigerian economy (1970–2007). *European Journal of Scientific Research*, 53(3), 317–325.
- Oxley, J. (1999). Institutional environment and the governance mechanisms: The impact of intellectual property protection on the structure of inter-firm alliances. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 38(3).
- Peres, M., Ameer, W., & Xu, H. (2018). The Impact of Institutional Quality on Foreign Direct Investment Inflows: Evidence for Developed and Developing Countries. *Economic Research-Ekonomska istraživanja*, 31, 626–644.
- Pesaran, M.H., & Smith, R.J., (1996). *Testing for the Existence of a Long-run Relationship*.
- Pesaran, M.H., & Smith, R.J., (1999). *Pooled Mean Group Estimation of Dynamic Heterogeneous Panels*.
- Pesaran, M.H., Shin, Y., & Smith, R.J. (2001). Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3), 289–326.
- Pettersson, J., & Roine, J. (2007). Resource Curse or Not: A Question of Bosch Appropriability. *Scandinavian Journal of Economics*, 109, 593–617.
- Phillips, P.C., & Perron, P. (1988). Testing for a unit root in time series regression. *Biometrika*, 75(2), 335–346.
- Raza, S.A., Shah, N., & Arif, I. (2021). Relationship between FDI and economic growth in the presence of good governance system: Evidence from OECD Countries. *Global Business Review*, 22(6), 1471–1489. <https://doi.org/10.1177/0972150919833484>
- Richards, D.C., & Nwankwo, S. (2005). Reforming the Legal Environment of Business in Sub-Saharan Africa: Moderating Effects on Foreign Direct Investment. *Managerial Law*, 47, 154–163.
- Saidi, Y., Ochi, A., & Ghadri, H. (2013). Governance and FDI attractiveness: Some evidence from developing and developed countries. *Global Journal of Management and Business Research Finance*, 13(6), 14–24.
- Solomon, M. (2008). *Determinants of Foreign Direct Investment in Ethiopia*. Maastricht School of Governance, The Netherlands.

- Su, D., & Yao, Y. (2017). Manufacturing as the key engine of economic growth for middle-income economies. *Journal of the Asia Pacific Economy*, 22(1), 47–70.
- Subasat, T., & Bellos, S. (2013). Governance and foreign direct investment in Latin America: A panel gravity model approach. *Latin american journal of economics*, 50(1), 107–131.
- Sunday, K., & Lydie, B. (2006). Foreign Direct Investment flows in Cameroon. In Ajayi S (Ed.), *Foreign Direct Investment in sub-Saharan Africa: Origins, Targets, Impacts and Potentials*. Kenya: African Economic Research Consortium (AERC).
- Ullah, I., & Khan, M.A. (2017). Institutional quality and foreign direct investment inflows: evidence from Asian countries. *Journal of Economic Studies*, 44(6), 1030–1050. <https://doi.org/10.1108/JES-10-2016-0215>
- Wei, S.J., & Shleifer, A. (2000). Local corruption and global capital flows. *Brookings papers on economic activity*, 2000(2), 303–354.
- Wilhelms, K. (1998). Institutional FDI fitness: Determinants of foreign direct investment to emerging economies. Fletcher School of Law and Diplomacy, Medford.
- World Bank's (2021). Doing Business Report. Ease of Doing Business Index.
- Yonas, F. (2016). Macroeconomic Determinants of Foreign Direct Investment in Ethiopia: A Time Series Analysis. Addis Ababa University. Ethiopia.

Bio notes / Сведения об авторах

Mengistu Walelegn Worku, PhD Candidate, University of South Africa, Graduate School of Business Leadership. ORCID: 0009-0009-4501-3992. E-mail: newplc34@gmail.com

Ворку Менгисто Валелей, аспирант, Высшая школа бизнес-лидерства Университета Южной Африки. ORCID: 0009-0009-4501-3992. E-mail: newplc34@gmail.com

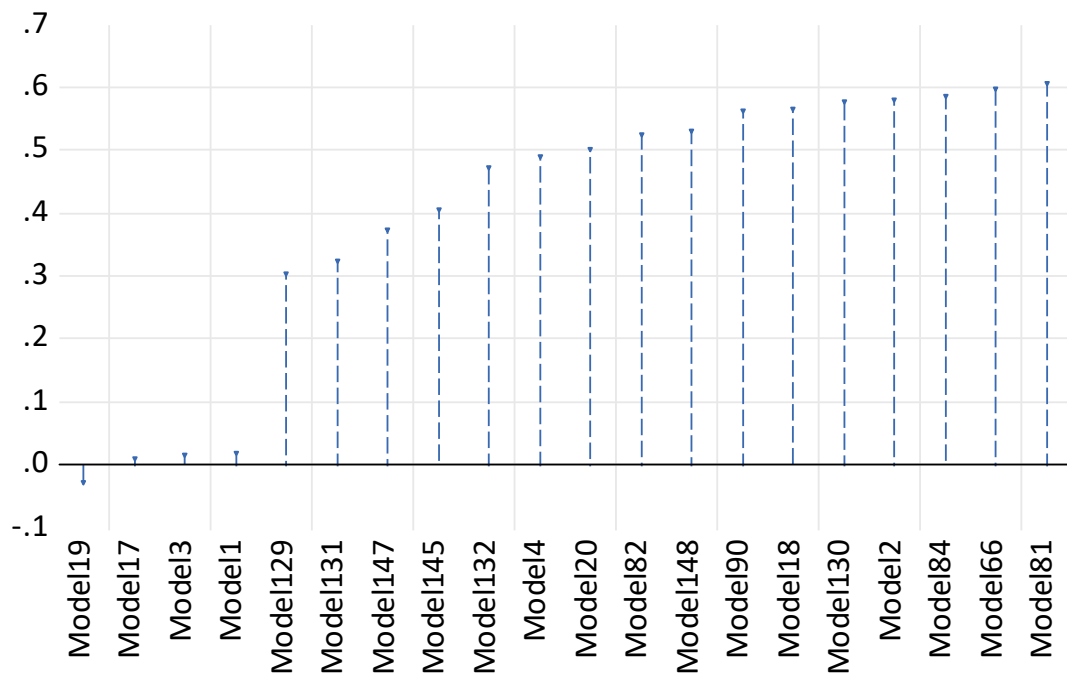
Binganidzo Muchara, Head of Quality Assurance & Enhancement; Senior Lecturer (Economics), University of South Africa, Graduate School of Business Leadership. ORCID: 0000-0003-0578-576X. E-mail: Muchab@unisa.ac.za

Мухара Бинганидзо, доктор наук, руководитель отдела обеспечения и повышения качества; старший преподаватель (экономика), Высшая школа бизнес-лидерства Университета Южной Африки. ORCID: 0000-0003-0578-576X. E-mail: Muchab@unisa.ac.za

Appendix 1. Akaike Information Criterion for ARDL Model lag selection

The Akaike information criterion (AIC) used in this study to determine the optimal lag length indicates that the optimal lag for ARDL 20 models begin with 1, suggesting that the optimal number of lags for variable lnMSFDI is one.

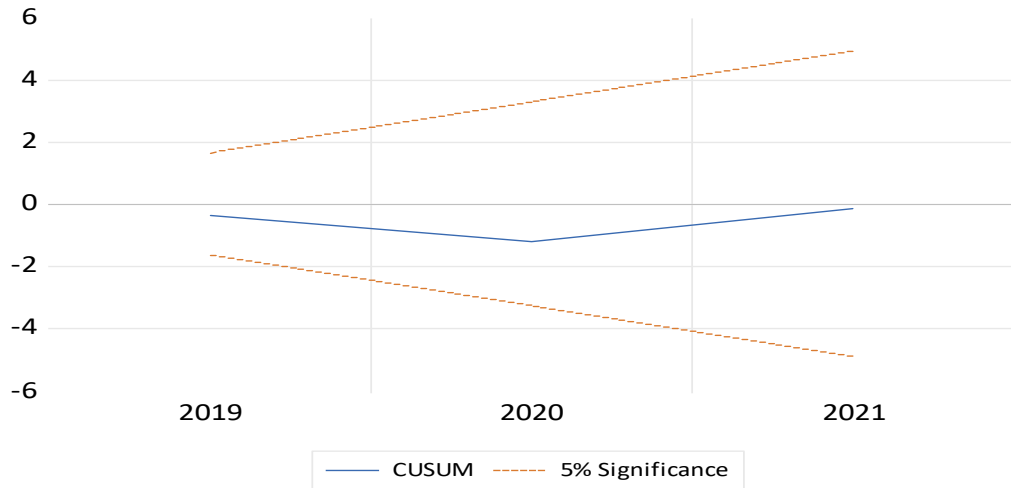
Akaike Information Criteria (top 20 models)

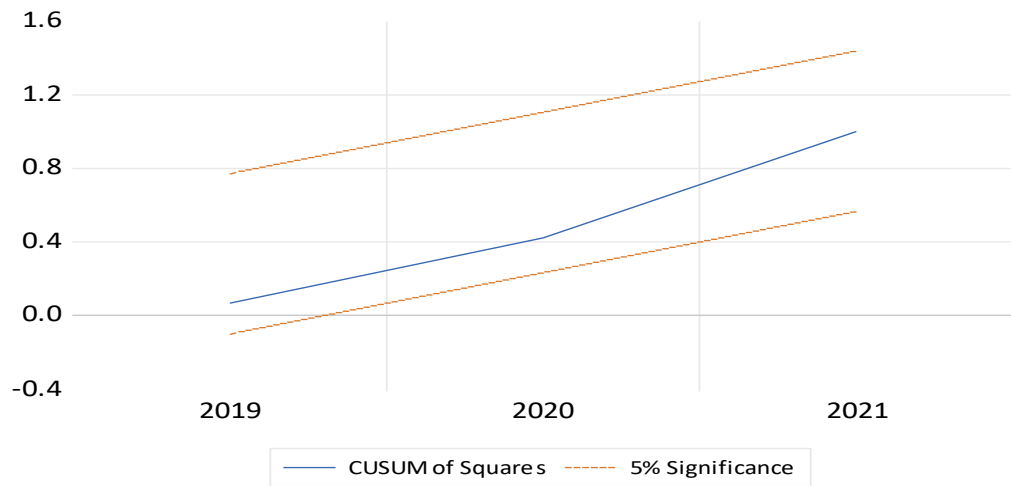
- Model19: ARDL(1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 1)
- Model17: ARDL(1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 1, 1)
- Model3: ARDL(1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 0, 1)
- Model1: ARDL(1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1)
- Model129: ARDL(1, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1)
- Model131: ARDL(1, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 0, 1)
- Model147: ARDL(1, 0, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 1)
- Model145: ARDL(1, 0, 1, 1, 0, 1, 1, 1, 1)
- Model132: ARDL(1, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 0, 0)
- Model4: ARDL(1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 0, 0)
- Model20: ARDL(1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 0)
- Model82: ARDL(1, 1, 0, 1, 0, 1, 1, 1, 0)
- Model148: ARDL(1, 0, 1, 1, 0, 1, 1, 0, 0)
- Model90: ARDL(1, 1, 0, 1, 0, 0, 1, 1, 0)
- Model18: ARDL(1, 1, 1, 1, 0, 1, 1, 1, 0)
- Model130: ARDL(1, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 0)
- Model2: ARDL(1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 0)
- Model84: ARDL(1, 1, 0, 1, 0, 1, 1, 0, 0)
- Model66: ARDL(1, 1, 0, 1, 1, 1, 1, 1, 0)
- Model81: ARDL(1, 1, 0, 1, 0, 1, 1, 1, 1)

Appendix 2. Model Stability tests, 2019–2021

CUSUM test for stability

CUSUMQ test for stability

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-113-134

EDN: RNIZUM

УДК 339.5

Научная статья / Research article

Современные научные подходы к установлению и развитию международных торгово-экономических отношений

Г.А. Хмелева , М.С. Гусева

*Самарский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141*

 galina.a.khmeleva@yandex.ru

Аннотация. Эволюция международной торговли и торговой политики прошла долгий путь от меркантилизма, теории абсолютных преимуществ А. Смита, относительных преимуществ Д. Рикардо. В настоящее время не подвергается сомнению, что страны выбирают различные модели исходя из объективных условий стоимости ресурсов, достигнутого уровня конкурентоспособности товаров и услуг и прочих факторов. Многократно доказано, что страны, следуя выводам Хекшера — Олина, экспортируют товары, для производства которых располагают избыточными ресурсами, и импортируют товары с дефицитными ресурсами. Однако в последние 30–40 лет появились новые теоретические концепции и взгляды, которые, на наш взгляд, способствуют пониманию факторов развития международных торгово-экономических отношений. Цель исследования — систематизировать и дополнить научную базу торгово-экономических отношений современными взглядами ученых, не всегда напрямую связанными с международной торговлей, но объясняющими отдельные ее аспекты и отражающими современные условия мировой экономики. Проводится обобщение современных теоретических подходов и концепций, дополняющих классические представления о развитии торгово-экономических отношений. Выделены две группы научных подходов: выполняющие функцию формирования каркаса системы торгово-экономических отношений и функцию «тонкой настройки». Показано, что в настоящее время особое место занимает институциональный подход. В частности, специальные двусторонние и многосторонние институты способны выступить мощным инструментом развития торгово-экономических связей, влияние которого в современной экономике нельзя недооценивать. Показано, что санкции

© Хмелева Г.А., Гусева М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

наносят серьезный ущерб России, выдавливая из многосторонних институтов развития торгово-экономических связей. Но при этом усугубляются противоречия глобализации, способствуя дальнейшей фрагментации глобального мира. Исследование вносит вклад в объяснение построения устойчивой системы экономических отношений между странами с позиции современных научных теорий.

Ключевые слова: современные научные подходы, торгово-экономические отношения, теория торгово-экономических отношений, институты, санкции, Россия

История статьи: поступила в редакцию 5 сентября 2023 г.; проверена 18 октября 2023 г.; принята к публикации 11 ноября 2023 г.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме № 123101700401–0 (шифр FSSR-2023-0003) «Разработка инструментов сопряжения перспективных видов экономической деятельности российских регионов для обеспечения устойчивого развития экспорта и импорта со странами Азии, Африки, Латинской Америки».

Для цитирования: *Хмелева Г.А., Гусева М.С.* Современные научные подходы к установлению и развитию международных торгово-экономических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 113–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-113-134>

Current scientific approaches to the establishment and development of international trade and economic relations

Galina A. Khmeleva , Maria S. Guseva

*Samara State University of Economics,
141 Sovetskaya Armiya St, Samara, 443090, Russian Federation*

 galina.a.khmeleva@yandex.ru

Abstract. The evolution of international trade and trade policy has come a long way from mercantilism, A. Smith's theory of absolute advantage, D. Ricardo's comparative advantage. At present, there is no doubt that countries choose different models based on objective conditions of the cost of resources, the level of competitiveness achieved in goods and services and other factors. It has been proven many times that countries, following Heckscher—Ohlin's model, export goods for which there are surplus resources and import goods with scarce resources. However, in the last 30–40 years, new theoretical concepts and views have emerged that, in our view, contribute to an understanding of the development of international trade and economic relations. The study is aimed at systematizing and supplementing the scientific base of trade and economic relations with modern views of scientists, not always directly related to international trade, but explaining its individual aspects, adequate to the current conditions of the world economy. The authors have generalized current theoretical approaches and concepts complementing classical ideas on the development of trade and economic relations. Two groups of scientific approaches have been identified: those that perform the function of forming the framework of the system of trade and economic relations

and the function of «fine tuning». It is shown that at present the institutional approach occupies a special place. In particular, specialized bilateral and multilateral institutions can be a powerful tool for the development of trade and economic ties, the impact of which in modern economies cannot be underestimated. It is shown that sanctions cause serious damage to Russia by squeezing out of multilateral institutions of development of trade and economic relations. However, globalization continues to deepen its contradictions, contributing to the further fragmentation of the global world. The study contributes to the explanation of what is a sustainable system of economic relations between countries from the standpoint of modern scientific theories.

Keywords: current scientific approaches, trade and economic relations, theory of trade and economic relations, institutions, sanctions, Russia

Article history: received September 5, 2023; revised October 18, 2023; accepted November 11, 2023.

Funding: The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme № 123101700401–0 (FSSR-2023-0003) «The development of instruments for linking promising economic activities of the Russian regions with the Asian, African and Latin American countries for ensuring sustainable development of exports and imports».

For citation: Khmeleva, G.A., & Guseva, M.S. (2024). Current scientific approaches to the establishment and development of international trade and economic relations. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 113–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-113-134>

Введение

Мировой опыт показывает, что развитие международных торгово-экономических отношений является основой роста национальной экономики стран за счет дополнительного спроса на ресурсы, конкурентоспособную продукцию, притока внешних инвестиций и выручки от экспорта. Для увеличения внешнего товарооборота страны необходимо формирование эффективной национальной системы, способствующей не только производству и выводу на рынки конкурентоспособной продукции, но и создание условий, факторов, институтов, способствующих укреплению торгово-экономических связей с зарубежными партнерами.

За последние десятилетия мировая экономика неоднократно переживала шоки: финансовый кризис 2008–2009 гг., COVID-19, геополитический кризис 2022 г. В докладе Всемирной торговой организации за 2023 г. отмечена тенденция процесса фрагментации в условиях возросших опасений, связанных с геополитической напряженностью, растущим неравенством и изменениями климата, что приводит к ослаблению мировой торговли¹. После COVID-19 в связи с разрывом глобальных цепочек усилились дис-

¹ World Trade Report 2023. Re-globalization for a secure, inclusive and sustainable future. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_e.pdf (accessed: 05.11.2023).

куссии об исчерпании идей глобализации. В 2022 г. волна санкций серьезно задела не только Россию, выступающую целевой страной по Хофбауэру (Hufbauer, 2009), но и многие другие страны, спровоцировав инфляцию в них. Возможно, мир стоит на пути переосмысления роли сотрудничества во имя общего процветания. Для повторной глобализации (в терминологии Всемирной торговой организации)² необходимо переосмысление научных теорий и концепций, объясняющих построение эффективных торгово-экономических отношений между странами. **Целью исследования** является развитие научных подходов к установлению и развитию международных торгово-экономических отношений на основе современных представлений и взглядов.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели приводится обзор современных научных подходов, теорий, концепций, в рамках которых можно найти объяснение тем или иным аспектам торгово-экономических отношений, выстраиваемых в многообразной и сложной глобальной среде. Представлено обобщение и дается обоснование авторской позиции на основе критического анализа фактов, кейсов, данных статистики. Ввиду особой значимости институционального подхода в развитии торгово-экономических отношений авторы посчитали необходимым глубже развить эту тему, предложив классификацию институтов развития международного торгово-экономического сотрудничества по признакам функциональности, виду оказываемых услуг, масштабу. В развитие темы представлена оценка современного состояния участия Российской Федерации в деятельности институтов развития на современном этапе. Материалами исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых по теме, данные официальных сайтов организаций — институтов развития, послуживших полигоном данного исследования.

Обобщение современных научных подходов к установлению и развитию международных торгово-экономических отношений

Анализ работ, в которых изложены современные взгляды, теории, концепции, затрагивающие проблемы развития международной торговли, деятельности экономических субъектов, повышения конкурентоспособности на мировом рынке, глобализации, экономической безопасности в международном контексте, позволил провести обобщение современных научных подходов к развитию торгово-экономических отношений (табл. 1).

² World Trade Report 2023. Re-globalization for a secure, inclusive and sustainable future. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_e.pdf (accessed: 05.11.2023).

Современные научные подходы к развитию торгово-экономических отношений

№	Авторы	Научные подходы	Содержание, результат, факторы успеха мировой торговли
Каркасная функция			
1	Садовский В.Н. (Садовский, 1974) Клейнер Г.Б. (Клейнер, 2013)	Системный подход	Международная торговля представляет собой комплексную систему, состоящую из субъектов и обслуживающих торговлю элементов товарно-денежных отношений национальных хозяйств на мировом рынке
2	Хмелева Г.А. (Хмелева, Чертопьятов, 2021)	Процессный подход	Процессы доставки товаров от производителей к потребителям, глобальные цепочки создания стоимости, благоприятная инновационная среда для создания конкурентоспособной на мировом рынке продукции
Функция тонкой настройки			
3	Портер М. (Портер, 2007)	Теория конкурентоспособности	Национальная конкурентоспособность определяет успешность мировой торговли Результат: в стране формируется комплексная архитектура факторов обеспечения международной конкурентоспособности
4	Хамел Г., Прахалад К.К. (Хамел, Прахалад, 2014)	Теория интеллектуального лидерства	Выйти и закрепиться на международном рынке позволяет интеллектуальное лидерство — долгосрочная конкурентоспособность компании. Результат: долгосрочная конкурентоспособность Факторы успеха: компетенции, соответствующие мировым требованиям
5	Валлерстайн И. (Валлерстайн, 2004) Бек У. (Бек, 2001) Делягин М.Г. (Делягин, 2003), Кондратьев В.Б. (Кондратьев 2018)	Концепция глобализации, интернационализации, НТП	Появление, затем усложнение и виртуализация глобальных цепочек создания стоимости, процессов политического и экономического сотрудничества. Возрастают противоречия между западным и восточным полюсами мира. Результат: появление электронной торговли, расширение применения санкций Факторы успеха: учет интересов участников внешнеэкономической деятельности, внедрение цифровых технологий, введение альтернативных способов международных платежей
6	Мур Дж. (Moore, 1996), Королев В.И (Королев, 2019). Брандербургер А., Нейлбафф Б. (Brandenburger, Nalebuff, 2021)	Теория сотрудничества конкурентов	Совместное созидание, компенсация слабых сторон за счет использования достижений других участников
7	Коуз Р. (Коуз, 1993), Веблен Т. (Веблен, 2007), Норт Д. (Норт, 2010), Хелпман Э. (Хелпман, 2011) Ходжсон Дж. (Ходжсон, 2003)	Институциональный подход	Современная мировая торговля опирается на систему институтов, сформировавшихся столетиями. Международные институты (правила, союзы, наднациональные организации) формируют систему обмена товарами, ресурсами и оплаты за них. Институты формируют базис мирового рынка
8	Кругман П. (Krugman 1998)	Затратный подход	Международная торговля порождается экономией от масштаба
9	Гусаков Н.П., Андропова И.В. (Гусаков, Андропова, 2014)	Концепция экономической безопасности	Для обеспечения экономической безопасности необходимо учитывать взаимосвязь экономической политики и геополитики ведущих держав мира
10	Цуркан М.В. (Цуркан, 2018)	Проектный подход	В 21 веке проекты как основная форма реализации международной внешнеэкономической политики страны

Источник: составлено авторами.

Current scientific approaches to the development of trade and economic relations

No	Authors	Scientific approaches	Content, result, success factors of world trade
Frame function			
1	Sadovsky V.N. (Sadovsky, 1974) Kleiner G.B. (Kleiner, 2013)	Systems approach	International trade is an integrated system consisting of entities that service the trade of elements of national production and monetary relations in the world market
2	Khmeleva G.A. (Khmeleva, Tchertopyatov, 2021)	Process approach	International trade is an integrated system consisting of entities that service the trade of elements of national production and monetary relations in the world market. Processes of goods delivery from producers to consumers, global value chains, favorable innovation environment for the creation of products that are competitive in the world market
Fine tuning function			
3	Porter M. (Porter, 2007)	The theory of competitiveness	The competitiveness of a country determines the success of world trade Result: a complex architecture of factors of ensuring international competitiveness is formed in the country
4	Hamel G., Prahalad K.K. (Hamel, Prahalad, 2014)	Intellectual leadership theory	Intellectual leadership allows to get out and gain a foothold in the international market — long-term competitiveness of the company Result: Long-term competitiveness Success factors: competences that meet world requirements
5	Wallerstein I. (Wallerstein, 2004) Beck U. (Beck, 2001) Delyagin M.G. (Delyagin, 2003), Kondratiev V.B. (Kondratiev 2018)	The concept of globalization, internationalization, scientific and technical progress	The emergence, then complexity and virtualization of global value chains, processes of political and economic cooperation. The contradictions between the western and eastern poles of the world are growing. Result: Introduction of e-commerce, increased application of sanctions Success factors: consideration of interests of participants of foreign economic activity, introduction of digital technologies, introduction of alternative ways of international payments
6	Moore J. (Moore, 1996), Korolev V.I. (Korolev, 2019), Branderburger A. and Nailbuff B. (Branderburger, Nailbuff, 2021)	The co-opetition theory	Co-creation, compensating for weaknesses by leveraging the achievements of others
7	Coase R. (Coase, 1993), Veblen T. (Veblen, 2007), North D. (North, 2010), Helpman E. (Helpman, 2011) Hodgson J. (Hodgson, 2003)	The institutional approach	Today's world trade relies on a system of institutions built over centuries. International institutions (rules, unions, supranational organizations) form a system for the exchange of goods, resources and payment for them. Institutions form the basis of the world market
8	Krugman P. (Krugman, 1998)	The cost approach	International trade results from economies of scale
9	Gusakov N.P., Andronova I.V. (Gusakov, Andronova, 2014)	The economic security concept	In order to ensure economic security, the interrelationship between economic policy and the geopolitics of the world's major powers must be taken into account
10	Tsurkan M.V. (Tsurkan, 2018)	The project approach	In the 21st century, projects are the main form of implementing a country's international foreign economic policy

Source: worked out by the authors.

Системный подход основан на идее теории систем, в которой экономические отношения строятся на базе совокупности взаимодействующих между собой элементов. Основной спецификой системы международной торговли является участие субъектов, представителей разных стран с различными политическими, экономическими условиями, а также условиями вывода товаров и услуг на рынок, что в целом усложняет процессы налаживания торговых и политических связей и реализации торговой политики.

Системный и процессный подходы несут в себе своего рода базисную функцию и позволяют сформировать общий каркас системы международной торговли. Все остальные теоретические подходы, теории и концепции служат, на наш взгляд, своего рода «тонкой настройкой» для того, чтобы извлечь максимальный эффект от взаимных международных торгово-экономических связей.

В теории конкурентоспособности введено понятие национальной конкурентоспособности и выделены ключевые меры для ее поддержки: выявление и влияние государства в широком смысле на факторы конкурентоспособности, стимулирование условий спроса. Хотя принято считать, что факторы не создаются, а выявляются и используются, в теории конкурентоспособности М. Портер говорит именно о создании факторов, о факторах как условиях и о том, что они являются искусственными (Портер, 2007). Необходимо знание о ключевых факторах конкурентоспособности. Тогда государство может повлиять на то, чтобы эти факторы создать и последовательно развивать их положительное влияние на рост конкурентоспособности страны на мировом рынке. Так, в Китае именно целенаправленная политика и комплекс программ с конкретными мерами, нацеленность на создание продукта с потенциалом торговли на международном рынке позволили этой стране в короткие сроки достигнуть лидерских позиций в мировой торговле автомобилями. В 1-м квартале 2023 г. Китай поставил на мировой рынок 1,07 млн автомобилей, заняв первое место по экспорту и опередив Японию³.

Нелишним будет упомянуть следующие факторы и условия:

- дешевые, уникальные или высококачественные факторы, ресурсы (например, трудовые, уникальное сырье и прочее);
- эффективное использование факторов (ресурсов);
- создание искусственных факторов, способствующих росту конкурентоспособности (например, меры поддержки инноваторов, экспортеров, стимулирование спроса внутреннего для роста масштабов производства).

Новым этапом в мировой торговле выступает развитие глобализации. В широком понимании глобализация определяется как всеобъемлющий процесс экономической, политической, культурной интеграции. При этом эта интеграция наблюдается уже длительное время, является постепенной, «означает уничтожение границ повседневной деятельности в разных сферах хозяйствования, информации, экологии, техники, культуре» (Бек, 2001).

³ China on track to become world's leading automobile exporter. Xinhua. URL: <https://english.news.cn/20230629/a1b30c4f47834550a6327117da349d62/c.html> (accessed: 26.10.2023).

К началу 2000 гг. получила распространение модель мировой экономики, базирующаяся на следующих постулатах:

- глобализация — основной фактор экономического роста и благосостояния;
- технологии — источник прогресса и трансформации условий жизни, труда, экономики;
- акционерный капитал является вкладом бизнеса в общее благосостояние.

Благодаря современным средствам коммуникации деньги, товары, технологии с легкостью перемещаются через границы, словно стирая их. Новая глобальная реальность не признает границ, открывая новые возможности людям и компаниям. За период с 2005 по 2017 г. число ежегодно пересекающих границы лиц увеличилось наполовину и достигло 1,2 трлн человек (Кондратьев, 2018). Цифровые технологии, цифровизация вызвали к жизни новые способы торговли, такие как электронная коммерция. Цифровизация широко закрепились в хозяйственной и повседневной жизни.

В условиях глобализации, развития кооперационных связей для повышения устойчивости торгово-экономических связей многократно возрастает роль концепции экономической безопасности и учета потенциальных угроз со стороны влиятельных стран мира. Под ударом волны санкций 2014 г. Россия была вынуждена «резко, без подготовки, изменять политику страны» (Гусаков, 2014).

Начиная с 2018 г. ученые стали отмечать тенденцию деглобализации. Ведущие международные организации (Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд), оказавшись под господствующим влиянием развитых стран, не справляются с задачей предоставления равных возможностей для свободной торговли. Зачастую принятые решения подвергаются критике, а сами наднациональные организации с большим количеством участников сталкиваются с проблемами недостаточной эффективности (низкая скорость принятия решений), недостаточной легитимности принимаемых решений (их принимают в узком кругу) и, наконец, соблюдения суверенитета ее членов (Goldin, 2013). Вопреки первоначальным ожиданиям глобализация не способствовала росту мировой торговли. Тенденции деглобализации впоследствии усилились в условиях COVID-2019, мировая экономика подверглась в определенной степени дефрагментации (Хмелева, 2021). Впоследствии российско-украинский и палестино-израильские конфликты способствовали дальнейшему расколу мирового сообщества. И в настоящее время можно с уверенностью констатировать переустройство мирового порядка в пользу азиатско-африканского блока группы развивающихся стран с участием России. Страны, чувствующие себя обиженными, объединяются в новые блоки.

Говорить о разрушении идеи глобализации, на наш взгляд, преждевременно. Способность сотрудничать по-прежнему имеет решающее значение для экономического роста и процветания народов. Как убедительно показывает Иэн Голдин в своей книге «Разделенные нации», мировая политика зашла в тупик (Goldin, 2013). Правомочно выделить новую модель глобализованного мира, опирающуюся на многополярный фрагментированный рост с возрастающим значением стран Азии и Африки и снижением влияния мирового господства

США и европейских стран. В поиске собственного пути развития развивающиеся страны, прежде всего страны БРИКС, уже сегодня стремятся найти альтернативные пути суверенного развития. Здесь важная роль отводится институтам развития, о которых будет изложено ниже.

Важные выводы для развития международного торгово-экономического сотрудничества предоставляет теория интеллектуального лидерства Г. Хамела и К.К. Прахалада (Хамел, Прахалад, 2014). Согласно данной теории, компания должна целенаправленно развивать ключевые компетенции, фокусируясь на конкретных рынках, развивать новые компетенции и ставить стратегические цели выхода на новые рынки. Стратегическая архитектура дает понимание того, какое партнерство необходимо для привлечения недостающих технологий и компетенций. Такой подход позволяет обеспечить долгосрочную конкурентоспособность на мировом рынке.

В конце XX в. все чаще ученые стали отмечать новый тренд, когда конкурирующие компании и создают друг для друга, и заполняют новые ниши на рынке, новые альянсы. Наиболее ярко такая тенденция проявилась именно на международном рынке (Королев, 2019). Мотивы максимизации прибыли заставляют компании искать пути снижения издержек. Один из способов заключается в создании партнерств с лидерами рынка с целью использования их достижений в бизнесе и нивелировании собственных узких мест. В наиболее развернутом виде позитивную роль сотрудничества конкурентов в своей теории представили А. Брандербургер и Б. Нейлбафф (Brandenburger, Nalebuff, 2021), выделив взаимосвязи двух видов деятельности. Сотрудничество позволяет создать ценность для рынка, но в конкуренции компания забирает свою часть рынка. Наряду с обычными категориями участников рынка — потребителей, поставщиков и конкурентов — создатели теории сотрудничества конкурентов выделяют «комплементоров» рыночных, участвующих в создании инновации. Используя приемы теории игр, авторы рассуждали так. Если потребитель будет больше ценить продукцию после вовлечения конкурента, то он становится комплементом. В противном случае — это чистый конкурент. Широко описан кейс «Майкрософт» и «Интел» по созданию совместных программ и процессов. Возможности использования стратегии дополнения как вытекающей из положений теории сотрудничества конкурентов описаны нами в работе (Хмелева, Курникова, Мекин, 2022). Положения теории сотрудничества конкурентов хорошо объясняют явление кобрендинга — объединение брендов из разных стран с целью увеличения доли рынка, увеличения скорости проникновения на новый незнакомый рынок, запоминаемости. Так, например, российский бренд «Твое» выпустил совместную коллекцию модной одежды с компанией Coca-Cola, что, конечно же, позволило молодой компании закрепиться на рынке молодежной одежды.

Институциональный подход как теоретическая основа призван объяснять и формировать благоприятные условия для построения международных экономических отношений, осуществления мировой торговли. Для этого соз-

даются институты (нормы, правила, обычаи, специальные структуры), формирующие наднациональные механизмы в системе глобального и регионального регулирования.

В настоящее время уже очевидно, что без создания институтов развития невозможно решать задачи торгово-экономического развития. Более того, от эффективности институтов развития во многом зависит объем товарооборота. Институты развития способствуют повышению экспорта, скорости адаптации бизнеса в сложные геополитической ситуации. Предложим классификацию институтов развития торгово-экономического сотрудничества (табл. 2).

Таблица 2

Классификация институтов развития международного торгово-экономического сотрудничества (МТЭС)

Признак классификации	Виды	Содержание
По функциональности	Субъекты государства	Государства, - устанавливающие правовые основы деятельности институтов развития МТЭС - заключающие межгосударственные соглашения с целью закрепления нормативно-правового поля деятельности институтов развития МТЭС
	Субъекты инфраструктуры	Организации (инфраструктура), созданные для предоставления специализированных услуг финансового и нефинансового характера (информационно-консультационных, посреднических, предоставление кредитов, гарантий, субсидий, компенсаций и т.д.)
По виду оказываемых услуг	Финансовые	Оказывают финансовую поддержку для продвижения товаров и услуг на зарубежные рынки: кредитование, гарантии, расчетно-кассовые операции, лизинг и т.д.
	Страховые	Страхование коммерческих (предпринимательских), политических рисков
	Информационно-образовательные	Подготовка аналитических исследований и обзоров, обучение и повышение квалификации по вопросам внешней торговли
	Экспертно-аналитические	Консультации по вопросам внешней торговли, услуги сопровождения и консалтинга на этапах внешнеэкономического проекта
По масштабу	Транспортно-логистическая и таможенная	Организации, вовлеченные в процесс развития транспортно-логистической и таможенной инфраструктуры
	Национальные	Институты развития, созданные в рамках одного государства
	Наднациональные	Институты развития, созданные несколькими государствами с целью создания преференциальных условий на территории стран-участниц

Источник: составлено авторами.

Classification of international trade and economic cooperation (ITEC) development institutions

Classification feature	Types	Description
Functionality	State entities	States that - establish the legal framework for the ITEC development institutions - conclude inter-state agreements to consolidate the legal and regulatory framework of the ITEC development institutions
	Infrastructure subjects	Organizations (infrastructure) established to provide specialized services of a financial and non-financial nature (information-advisory, intermediary, credit, guarantee, subsidy, compensation, etc.)
Type of service	Finance	Provide financial support for the promotion of goods and services to foreign markets: credit, guarantees, cash transactions, leasing, etc.
	Insurance	Insurance of commercial (entrepreneurial), political risks
	Information and education	Preparation of analytical studies and surveys, training and capacity-building on foreign trade issues
	Expertise	Consultations on foreign trade issues, support and consulting services at the stages of a foreign economic project
	Transport, logistics and customs	Organizations involved in transport, logistics and customs infrastructure development
Scope	National	Single-state development institutions
	Supranational	Development institutions established by several states to create preferential conditions in the territories of participating countries

Source: worked out by the authors.

Институты развития можно классифицировать по трем основным признакам: функциональность, вид оказываемых услуг, масштаб.

В качестве институтов развития наряду с коммерческими и некоммерческими организациями выступает государство. Причем роль государства в создании благоприятных условий в развитии международного торгово-экономического сотрудничества особо велика, так как именно на уровне государств задается вектор дальнейшего развития (укрепление, ослабление) и его правила, законодательные нормы.

Собственно, вся организация деятельности ООН, ВТО, Афросоюза, Европейского союза, ЕАЭС, ШОС опирается на схожие правила к созданию наднациональных систем регулирования в рамках институционального подхода.

В развитии торговых связей целесообразно выделить два ключевых типа институтов развития: финансовые и нефинансовые. Оба типа тесно связаны между собой, так как нефинансовые институты для практической реализации мер развития должны быть подкреплены финансовой поддержкой.

Многосторонние институты развития торгово-экономических связей: влияние санкций на участие России

Международные институты в современной мировой политике представлены широким спектром объединений, выполняющих как информационно-коммуникативные, так и регулятивные функции (Прохоренко, 2022).

На официальном сайте Министерства финансов России институты развития определяются как международные организации, призванные содействовать социально-экономическому развитию стран-участниц. Институты развития имеют для этого соответствующий мандат, у них закреплены цели, задачи и стратегии деятельности⁴.

Практическая реализация деятельности институтов развития осуществляется посредством проектного подхода. Многосторонние институты развития осуществляют экспертную поддержку и финансирование проектов.

Основные принципы финансирования проектов развития следующие:

Дополнение (англ. — *Additionality*) — вклад многостороннего института развития должен обеспечивать приращение рыночного предложения, не замещать, но дополнять рыночное предложение.

Привлечение (англ. — *Crowding-in*) — стимулирование привлечения ресурсов частного сектора и в конечном итоге стимулирование развития общего рынка.

Коммерческая устойчивость (англ. — *Commercial Sustainability*) — благотворное влияние на устойчивость и жизнеспособность клиентов коммерческих организаций.

Укрепление рынков (англ. — *Reinforcing Markets*) — эффективное устранение «провалов рынка», предотвращение вытеснения частного финансирования.

Внедрение высоких стандартов (англ. — *Promoting High Standards*) — нацеленность на внедрение высоких стандартов.

Как следует из официальных данных, Россия в настоящее время является участницей 15 институтов развития (табл. 3), хотя финансовые возможности использования этого ресурса существенно сократились.

⁴ Институты развития с участием Российской Федерации // Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development_institutions_participation_rf/# (дата обращения: 30.10.2023).

**Участие Российской Федерации в деятельности институтов развития
на современном этапе**

Наименование института развития	Механизмы	Штаб-квартира	Участие России (донор/получатель)	Состояние сотрудничества на 01.11.2023
Группа Всемирного банка	Помощь для Международной ассоциации развития (МАР), финансирование трастовых фондов	Вашингтон, США	Получатель (1992–2014 гг.) Донор с 2004 г.	Приостановлено
Европейский банк реконструкции и развития	Финансирование проектов	Лондон, Великобритания	Получатель с 1996 по 2014 г.	Приостановлено
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	Финансирование проектов инфраструктуры	Пекин, Китай	Доля в уставном капитале 6,5 %	Приостановлено
Новый банк развития (БРИКС)	Финансирование проектов	Шанхай, Китай	Доля в уставном капитале 18,98 %	Транзакции с Россией приостановлены
Евразийский банк развития (ЕБР)	Финансирование проектов в рамках страновой стратегии ЕБР	Алматы, Казахстан	Доля в уставном капитале 44,8 %	Действующее
Черноморский банк торговли и развития	Кредитование торговли, проектное финансирование, долевое участие в предприятиях	Салоники, Греция	Доля в уставном капитале 16,5 %	Приостановлено
Международный инвестиционный банк	Поддержка малого и среднего предпринимательства	Будапешт, Венгрия. Заявлено о переносе штаб-квартиры в Москву	Более 50 % (оценочно)	Действующее
Международный банк экономического развития	Поддержка экспортно-импортных компаний	Москва, Россия	51,59% (по состоянию на конец 2022 года)	Действующее
Межгосударственный банк	Платежи в национальных валютах на пространстве СНГ и ЕАЭС	Москва, Россия	н/д	Действующее
Российско-Кыргызский фонд развития	Прямое кредитование, кредитование через банки-партнеры, техническое содействие	Бишкек, Кыргызстан	н/д	Действующее

Источник: составлено авторами по данным Минфина России и информации на сайтах банков и фондов: Институты развития с участием Российской Федерации // Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development_institutions_participation_rf/# (дата обращения: 30.10.2023).

**Participation of the Russian Federation in the activities
of current development institutions**

Development institute	Mechanisms	Headquarters	Participation of Russia (donor/recipient)	Status of cooperation as of 01.11.2023
World Bank Group	Assistance to the International Development Association (IDA), trust fund financing	Washington, USA	Recipient (1992–2014) Donor since 2004	On hold
European Bank for Reconstruction and Development	Project funding	London, UK	Recipient from 1996 to 2014	On hold
Asian Infrastructure Investment Bank	Infrastructure financing	Beijing, China	6,5 per cent of the share capital	On hold
New Development Bank (BRICS)	Project funding	Shanghai, China	18,98 per cent of the share capital	Russian transactions suspended
Eurasian Development Bank (EDB)	Project funding under the EDB country strategy	Almaty, Kazakhstan	44,8 per cent of the share capital	Active
Black Sea Trade and Development Bank	Trade credit, project finance, enterprise equity	Thessaloniki, Greece	16,5 per cent of the share capital	On hold
International Investment Bank	Support for small and medium-sized enterprises	Budapest, Hungary	More than 50 per cent of the share capital (estimated)	Active
International Bank for Economic Development	Support for export-import companies	It was announced that the headquarters would be moved to Moscow	51,59 per cent of the share capital (end of 2022)	Active
Interstate bank	Payments in national currencies in CIS and EAEU area	Moscow, Russia	No data	Active
Russian-Kyrgyz Development Fund	Direct lending, lending through partner banks, technical assistance	Moscow, Russia	No data	Active

Source: compiled by the authors based on data from the Ministry of Finance of the Russian Federation. Development institutions with the participation of the Russian Federation. Retrieved October 30, 2023, from https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development_institutions_participation_rf/#

С 1992 получила поддержку 77 проектов Всемирного банка, последний из которых датируется 2013 годом⁵. Вместе с тем Россия по линии Всемирного банка сама выступала активным участником процесса содействия международному развитию. Объем ежегодной российской официальной двусторонней и многосторонней помощи за период с 2004 г. увеличился более чем в 10 раз и достиг в 2017 г. 1188 млн долл. США⁶.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, основанный китайскими властями в 2016 г., оказывает финансовую поддержку проектов развития инфраструктуры (дороги, связь, аэропорты, жилье эконом класса и др.) и насчитывает в настоящее время более 80 стран-участниц. Хотя Россия входит в число крупнейших акционеров с долей 6,5 %, проектов нашей страны в портфеле банка не было. Основные инвестиции сосредоточены в Индии, Индонезии, Турции, Азербайджане, Египте и Китае⁷.

Новый банк развития (НБР), созданный в 2015 г. как финансовый институт стран БРИКС. В выступлении на Третьем форуме международного сотрудничества «Один пояс и один путь» в Пекине 18 октября 2023 г. Президент НБР Дилма Руссефф отметила, что в условиях возрастающих рисков фрагментации и поляризации глобальной экономики перед НБР стоят масштабные задачи обеспечить достаточными ресурсами для «финансирования логистической инфраструктуры, социальных проектов, направленных на реализацию мер по борьбе с изменениями климата, инвестируя в экологически чистую энергию, водоснабжение и санитарии и предотвращая стихийные бедствия». Для этого планируется диверсификация валют для расчета, введение механизмов платежей в национальных валютах. Важнейшей задачей является расширение капитала за счет привлечения все большего числа развивающихся стран в качестве акционеров без выдвигания дополнительных условий, что служит важным фактором привлекательности БРИКС.

НБР поддерживает проекты развития инфраструктуры и устойчивого развития. По состоянию на август 2023 г. за весь период деятельности НБР поддержано 98 проектов на общую сумму 32 млрд долл. Наибольшую долю в портфеле проектов составляли инвестиции в Китай (26 %) и Индию (24 %). Для России за период 2016–2021 гг. было поддержано 12 инфраструктурных проектов с долей в портфеле 15 % на сумму более 3 млрд долл. Все это значимые для российской экономики проекты, наиболее крупные из них включали обновление локомотивного парка АО «РЖД», обеспечение доступного жилья и городского развития АО «ДОМ.РФ», расширение сети сотовой связи и облачных сервисов

⁵ Список проектов Российской Федерации // Официальный сайт Всемирного банка. URL: https://projects.vsemirnyjbank.org/ru/projects-operations/projects-list?countrycode_exact=RU&os=20 (дата обращения: 30.10.2023).

⁶ Россия и Всемирный банк: международная помощь на цели развития // Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/brief/international-development> (дата обращения: 30.10.2023).

⁷ Asian Infrastructure Investment Bank. Our Projects. URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/Argentina/sector/All/financing_type/All/status/Approved (accessed: 30.10.2023).

ПАО «Мобильные телесистемы», развитие сети платных дорог в России, малых исторических городов и др.

Несмотря на крепкие дружественные отношения со странами-участницами, Новый банк развития не готов на себя брать риски, связанные с Россией. Транзакции с нашей страной приостановлены, общая сумма непогашенной задолженности по состоянию на 31 марта 2023 г. составила эквивалент 1,8 млрд долл. США, что менее 6,7 % от активов НБР⁸. Данный долг номинирован в швейцарских франках, долларах США и евро. Как следует из данных НБР, банк уже заработал на них порядка 5,5 %⁹.

Важной особенностью НБР является невозможность наложить вето со стороны участников, установление преференциального режима для членов в странах — участницах БРИКС.

БРИКС представляет собой заслуживающий внимания феномен новой глобальной экономики. Страны-участницы объединили свои усилия не по географическому признаку, как это часто бывает в истории создания фрагментированных союзов, но их, судя по всему, привлекает именно идея суверенной экономической политики, возможности торговли товарами с использованием национальной валюты.

Участие в БРИКС крупнейших развивающихся экономик мира: Китая, Индии, Бразилии, позиционирование независимой позиции БРИКС, перспектива расчетов в национальных валютах, несомненно, обуславливают особую привлекательность этого союза для новых членов как стратегию на перспективу. Время от времени становится известно о новых кандидатах на вступление в БРИКС. На 3 ноября 2023 г. порядка 25 новых стран обозначили свое желание вступить в БРИКС¹⁰.

Евразийский банк развития был создан в 2006 г. как финансовый механизм содействия экономическому росту и укрепления торгово-экономического сотрудничества стран — участниц банка Российской Федерации и Казахстана. В настоящее время евразийский банк развития является эффективным инструментом поддержки развития стран ЕАЭС.

Динамика инвестиций Евразийского банка с уставным капиталом 7 млрд долл. США впечатляет. За пять лет финансирование увеличилось в 2,5 раза и достигло в августе 2023 г. 13,7 млрд долл. Доля России в 2023 г. составляла 31,9 %, больше только у Казахстана — 46,4 %¹¹. Заслуживает

⁸ Презентация инвестора. Новый банк развития. Август 2013 г. // Официальный сайт Нового банка развития. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2023/04/Investor-Presentation_2023.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

⁹ Презентация инвестора. Новый банк развития. Август 2013 г. // Официальный сайт Нового банка развития. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2023/04/Investor-Presentation_2023.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁰ Желание сотрудничать с БРИКС изъявили еще 25 государств // Агентство Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/929175> (дата обращения: 04.11.2023).

¹¹ Цифры и факты по состоянию на 1 августа 2023 г. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> (дата обращения: 04.11.2023).

внимания опыт банка индивидуального странового подхода к финансированию. Так, для каждой страны разработана и реализуется индивидуальная стратегия, в которой закреплены наиболее актуальные для нее направления финансирования¹².

В 2023 г. Россия снизила свою долю участия в Евразийском банке развития с 66 до 44,8 %, перераспределив свою долю между остальными участниками банка. Как предполагается, это позволяет снизить санкционные риски для банка¹³.

Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР) создан в 1999 г. с целью поддержать торгово-экономическое сотрудничество стран Черноморского региона. Его учредителями выступили Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Россия, Турция и Украина. Банк финансирует торговлю, предоставляет гарантии, обеспечивает участие в частных предприятиях. После обострения российско-украинского конфликта рейтинг банка был понижен¹⁴. Очевидно, что перспективы участия России в финансировании Черноморского банка торговли и развития (ЧБТР) являются мало реализуемыми по причине развивающегося российско-украинского конфликта.

Международный инвестиционный банк (МИБ) образован в 1970 г., объявленный капитал составляет 2 млрд евро. После начала специальной военной операции Республика Болгария, Чешская Республика, Словацкая Республика и Румыния заявили о выходе из состава акционеров МИБ. Венгрия также вышла из состава акционеров в апреле 2023 г. после включения банка властями США в санкционный список, начата процедура переноса штаб-квартиры банка из Будапешта в Москву¹⁵. Введенные против МИБ санкции делают невозможными международные финансовые расчеты.

Международный банк экономического сотрудничества в 2023 г. остается действующей площадкой для реализации международных проектов, хотя география деятельности в связи с выходом членов банка из числа европейских стран существенно ограничена. По данным информационной справки банка на август 2023 г. совокупный объем инвестиций в страны — члены банка с 2018 г. составил 1,45 млрд евро. Ключевые проекты охватывали такие направления, как поддержка здравоохранения в России, поддержка импорта оборудования для солнечных электростанций, раз-

¹² Страновая стратегия Евразийского банка развития. URL: <https://cabr.org/about/states-participants/armeniya/> (дата обращения: 04.11.2023).

¹³ Российская доля в капитале ЕАБР снизилась с 66 % до 44,8 %. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6081964> URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6081964> (дата обращения: 04.11.2023).

¹⁴ Who we are // Официальный сайт The Black Sea Trade and Development Bank (B TDB). URL: <https://www.bstdb.org/who-we-are> (accessed: 04.11.2023).

¹⁵ Обращение Международного Инвестиционного Банка // Официальный сайт Международного инвестиционного банка. URL: <https://iib.int/ru/articles/address-of-international-investment-bank> (дата обращения: 04.11.2023).

вития логистической инфраструктуры во Вьетнаме, содействие развитию химической отрасли в России, развитию транспортной инфраструктуры в Монголии, поддержка российских МСП в торговле с Китаем, содействие интеграции ЕАЭС¹⁶.

Межгосударственный банк, созданный в январе 1993 г., является участником платежных систем стран — участниц банка: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан. Учредительные документы зарегистрированы ООН, что позволяет банку иметь наднациональный статус. В 2022 г. обязательства банка составили 47 млрд долл., собственные средства — 11,8 млрд долл. Приоритетным направлением деятельности Межгосударственного банка являются расчеты в национальных валютах¹⁷.

Российско-Кыргызский фонд является ключевым инструментом интеграции Кыргызстана в ЕАЭС посредством поддержки двусторонних торгово-экономических отношений. На конец 2022 г. совокупный капитал составил 536 млн долл., объем кредитно-инвестиционного портфеля 211 млн долл. Через программы финансирования в экономику Республики Кыргызстан вложено 480 млн долл. США¹⁸. Деятельность фонда нацелена на модернизацию и обновление киргизской экономики посредством прямого кредитования организаций, зарегистрированных в Республике Кыргызстан, участия в капитале и финансирования лизинга.

Обсуждение

В данной статье авторы систематизируют теоретическую базу исследования торгово-экономических отношений, дополняя выводами современных теорий и концепций, фокусируя внимание на функциях двух типов: каркасной и функции «тонкой настройки».

Так, теория конкурентных преимуществ хорошо сочетается с теорией систем и процессным подходом. Для развития внешнеэкономической деятельности, особенно экспортной, критически важную роль имеет целостная система, обеспечивающая поддержку производителей на всех этапах вывода продукции на рынок. Процессный подход перекликается с теорией жизненного цикла и служит основанием для формирования необходимого комплекса бизнес-процессов по разработке и выводу товаров на зарубежные рынки.

¹⁶ Рост в интересах стабильности: информационная справка Международного банка экономического развития. URL: https://ibec.int/upload/custom/359/2ojfnh5saophxpk6sq2u2mzzfz42ea6/2023_08_23_IBEC_Key%20Facts_2023_RUS.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

¹⁷ Годовой отчет межгосударственного банка за 2022 г. // Официальный сайт Межгосударственного банка. URL: https://isbnk.org/upload/File/Annual%20Report-2022_ru.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

¹⁸ Стратегия российско-кыргызского фонда развития на 2023–2027 гг. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/strategiya-rkfr-na-2023-2027-gg.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

Способствует решению проблемы повышения экспорта теория сотрудничества конкурентов, поскольку позволяет расширить понимание границ рынка, еще раз подчеркивает значимость инновационной деятельности при создании конкурентоспособного продукта. Авторы считают, что предлагаемая классификация и дополнение научных подходов позволит углубить и систематизировать многообразие теорий и концепций, которые каждая в отдельности уже вносит важный вклад в объяснение принципов и закономерностей построения эффективной системы торгово-экономических отношений между странами.

Заключение

Обобщая исследование о научных подходах к развитию торгово-экономического сотрудничества, целесообразно сделать следующие выводы.

Учитывая сложность и многоаспектность явления, теоретический базис торгово-экономического сотрудничества опирается на целый ряд научных подходов, теорий и концепций.

Каркасную функцию выполняет системный и процессный подходы, задавая общий контур системы продвижения товаров и услуг на внешние рынки, наиболее полно используя конкурентные преимущества. В рамках указанных подходов определены ключевые взаимодействующие элементы и процессы между ними, формируя общий вид и наполнение системы международного торгово-экономического сотрудничества.

Функцию тонкой настройки выполняют теория конкурентоспособности, теория интеллектуального лидерства, концепция глобализации, интернационализации, НТП, теория сотрудничества конкурентов, институциональный, затратный подходы и методология проектного управления. Разработка научно-методического обеспечения с учетом указанных подходов позволяет «настроить» систему международного торгово-экономического сотрудничества под конкретные условия внутренней и внешней среды (геополитической ситуации).

В практическом плане в статье проведен анализ современного состояния участия Российской Федерации в деятельности институтов развития. Институты остаются ключевым системообразующим элементом торгово-экономического сотрудничества. Для России санкции существенно снизили уровень вовлеченности в международное сотрудничество и ограничили возможности привлечения внешнего финансирования от участия в финансовых институтах развития. Конечно, это не только накладывает определенные трудности для России, но и усугубляет противоречия глобализации, способствуя дальнейшей фрагментации глобального мира, поскольку появились новые кейсы для стран — потенциальных «нарушителей» правил, которые заставляют задуматься о том, как играть на опережение и обойти правила «недостаточно эффективной, недостаточно эффективной» международной организации, далеко не всегда соблюдающей суверенитет ее членов.

Список литературы

- Бек У. Что такое глобализация?: монография: М., 2001. 281 с.
- Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000–2050 гг. // Синтез цивилизации и культуры. 2004. № 2.
- Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007. 288 с.
- Гусаков Н.П., Андропова И.В. Концептуальные подходы к разработке новой Стратегии экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 45. С. 2–14.
- Деягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>
- Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития: монография / предисловие академика В.Л. Макарова. Изд. дом «Научная библиотека», 2021. 746 с.
- Кондратьев В.Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 5–17. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17>
- Королев В.И. Предпосылки и проблемы сотрудничества фирм-конкурентов на внешнем рынке // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 69–79.
- Коуз Р. Фирма. Рынок. Право. М.: Дело, 1993. 108 с.
- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ Высшая школа экономики, 2010. 256 с.
- Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 453 с.
- Прохоренко И. Международные институты в современной мировой политике // Аналитические статьи. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-instituty-v-sovremennoy-mirovoy-politike/> (дата обращения: 30.10.2023) Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 280 с.
- Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня. М.: Олимп-Бизнес, 2014. 288 с.
- Хеллман Э. Загадка экономического роста. М.: Издательство Института Е.Т. Гайдара, 2011. 240 с.
- Хмелева Г.А. Феномен постковидного синдрома в мировой и российской экономике (на примере инноваций отраслей образования и медицинских услуг) // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 3. С. 603–618. <https://doi.org/10.18334/eo.11.3.112805>
- Хмелева Г.А., Курникова М.В., Мекин М.А. Трансграничное взаимодействие приграничных регионов с позиции теории конкурентного сотрудничества // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 8. С. 2949–2962. <https://doi.org/10.18334/ce.16.8.115250>
- Хмелева Г.А., Чертопятов Д.А. Новые подходы к развитию инновационной среды в условиях «новой экономической эры» // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. С. 897–910. <https://doi.org/10.18334/vines.11.3.112324>
- Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с.
- Цуркан М.В. Проектный подход как метод реализации Согласованной экономической политики между странами ЕАЭС // Гипотеза. 2018. № 3 (4). С. 147–157.
- Brandenburger A., Nalebuff B. The rules of co-opetition // Harvard Business Review. 2021. Vol. 99. № 1. P. 48–57.
- Goldin I. Divided Nations: Why global governance is failing, and what we can do about it. Oxford University Press, 2013. 200 p.

- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd edition. Washington: DC. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
- Krugman P.R. *Strategic Trade Policy and the New International Economics*. MIT Press, 1998.
- Moore J.F. *The Death of Competition*. N.Y.: Harper Business, 1996.

References

- Beck, U. (2001). *What is globalization?* Monograph: Moscow. 281 p. (In Russ.).
- Brandenburger, A., & Nalebuff, B. (2021). The rules of co-opetition. *Harvard Business Review*, 99(1), 48–57.
- Coase, R. (1993). *Firm. Market. Right*. Moscow: Case. 108 p. (In Russ.).
- Delyagin, M.G. (2003). *World crisis. The general theory of globalization*. (3rd edition, revised and expanded). Moscow. (In Russ.).
- Goldin, I. (2013). *Divided Nations: Why global governance is failing, and what we can do about it*. Oxford University Press, 200 p.
- Gusakov, N.P., & Andronova, I.V. (2014). Conceptual approaches to the development of a new strategy of economic security *National interests: priorities and security*, (45), 2–14. (In Russ.).
- Hamel, G., & Prahalad, K.K. (2014). *Competing for the future. Creation of tomorrow's markets*. Moscow: Olymp-Business. 288 p.
- Helpman, E. (2011). *The riddle of economic growth*. Publishing House of the E.T. Gaidar Institute. 240 p. (In Russ.).
- Hodgson, J. (2003). *Economic theory and institutions*. Moscow: Case. 464 p. (In Russ.).
- Hufbauer, G.C., Schott, J.J., Elliott, K.A., & Oegg, B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered*, (3rd Edition). Washington: DC. Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Khmeleva, G.A. (2021). The phenomenon of postcovid syndrome in the world and Russian economy (on the example of innovations in education and medical services). *Economic relations*, 11(3), 603–618. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.11.3.112805>
- Khmeleva, G.A., Kournikova, M.V., & Mekin, M.A. (2022). Cross-border interaction of border regions from the perspective of the theory of competitive cooperation. *Creative Economy*, 16(8), 2949–2962. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.16.8.115250>
- Khmeleva, G.A., & Tchertopyatov, D.A. (2021). New approaches to the development of the innovation environment in the conditions of the “new economic era”. *Issues of innovative economics*, 11(3), 897–910. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.112324>
- Kleiner, G. (2013). System Economics as a Platform for development of modern Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki*, (6), 4–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28> (In Russ.).
- Kleiner, G.B. (2021). *System economy: development steps*. Publishing house “Scientific library”. 746 p. (In Russ.).
- Kondratiev, V.B. (2018). A new stage of globalization: features and prospects. *World economy and international relations*, 62(6), 5–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17>.
- Korolev, V.I. (2019). Prerequisites and problems of cooperation of competing firms in the foreign market. *Russian Foreign Economic Bulletin*, (9), 69–79. (In Russ.).
- Krugman, P. (1979). *Increasing returns, monopolistic competition and international trade*.
- Krugman, P.R. (1998). *Strategic Trade Policy and the New International Economics*. MIT Press.
- Moore, J.F. (1996). *The Death of Competition*. N.Y.: Harper Business.
- North, D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Publishing House of the Higher School of Economics, 256 p. (In Russ.).

- Porter, M. (2007). *Competitive strategy: Methods of analyzing industries and competitors*. (3rd ed.). 453 p. (In Russ.).
- Prokhorenko, I. International Institutions in Contemporary Global Politics. *Analytical articles. RIAC*. (In Russ.). Retrieved October 30, 2023, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-instituty-v-sovremennoy-mirovoy-politike/>
- Sadovsky, V.N. (1974). *Foundations of the general theory of systems*. Moscow: Science. 280 p.
- Tsurkan, M.V. (2018). Project approach as a method of implementing a coordinated economic policy between the EAEU countries. *Hypothesis*, 3(4), 147–157. (In Russ.).
- Veblen, T. (2007). *Theory of a business enterprise*. Moscow: Case. 288 p. (In Russ.).
- Wallerstein, I. (2001). The world we are entering: 2000–2050. *RSM* (1). (In Russ.).

Сведения об авторах / Bio notes

Хмелева Галина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения стран Азии, Африки и Латинской Америки Самарского государственного экономического университета. ORCID: 0000-0003-4953-95. E-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru

Galina A. Khmeleva, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher at the Center for the Study of Asia, Africa and Latin America, Samara State University of Economics. ORCID: 0000-0003-4953-95. E-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru

Гусева Мария Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Азии, Африки и Латинской Америки Самарского государственного экономического университета. ORCID: 0000-0002-1910-8869. E-mail: gusevams@yandex.ru

Maria S. Guseva, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for the Study of Asia, Africa and Latin America, Samara State University of Economics. ORCID: 0000-0002-1910-8869. E-mail: gusevams@yandex.ru

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

GLOBAL LABOUR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-135-153

EDN: PNPPOI

УДК 331.91

Научная статья / Research article

Миграционные процессы и управление ими в странах Южной Азии на примере Индии, Бангладеш и Пакистана

Я.А. Глухов¹✉, М.Б. Иванова²

¹Институт Африки Российской академии наук,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15

✉ yaroslav.glukhov@yandex.ru

Аннотация. Южная Азия — субрегион мира, для которого характерна высокая миграционная подвижность населения. Количество эмигрантов из этого региона составляет более 43 млн чел., а иммигрантов — почти 14 млн чел. Большинство из них приходится на три крупнейших по численности населения страны субрегиона: Индию, Бангладеш и Пакистан. Целью исследования является изучение управления миграционными процессами в Южной Азии. Для этого были решены задачи: территориальный анализ направления миграционных процессов крупнейших государств Южной Азии; изучение особенностей нормативно-правовой базы в области миграционной политики региона; анализ подходов и методов управления миграционными процессами в Индии, Бангладеш и Пакистане. Изучены направления миграционных процессов посредством территориального анализа: в разрезе эмиграции и иммиграции. Составлены авторские картосхемы по актуальным миграционным данным. Проанализирована нормативно-правовая база, относящаяся к реализации миграционной политики в Индии, Бангладеш и Пакистане. Выявлены особенности подходов и методов, которые применяются в каждой из трех стран по отношению к регулированию миграционных процессов как внутри Южной Азии, так и за ее пределами. Можно отметить следующую территориальную специфику миграционных процессов в Южной Азии: субрегион является

© Глухов Я.А., Иванова М.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

в большей степени донором международных мигрантов (более 43 млн чел.), чем реципиентом (почти 14 млн чел.); эмиграция растет стремительнее всего в Индии, при этом в Бангладеш и Пакистане она больше регулируется государством и используется как фактор социально-экономического развития; иммиграционные процессы протекают в Индии, Бангладеш и Пакистане совершенно по-разному. Для Индии характерна концентрация международных потоков, особенно из соседних стран, в то время как Бангладеш и Пакистан становятся новым домом для беженцев из Мьянмы и Афганистана соответственно. Миграционные процессы в странах Южной Азии характеризуются интенсивным и разнонаправленным характером. Большее количество эмигрантов приходится на другие субрегионы мира, в то время как иммиграционные процессы затрагивают ближайшие страны. Если говорить о внутрирегиональных миграционных процессах, то Индия является страной, которая принимает наибольшее количество иммигрантов из соседних южноазиатских государств. Миграционная политика является важной частью динамичного развития любого современного государства, на текущий момент Индия, Бангладеш и Пакистан прикладывают усилия для формализации и институционализации данного процесса.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, миграциология, Южная Азия, Индия, Бангладеш, Пакистан

История статьи: поступила в редакцию 2 октября 2023 г.; проверена 18 ноября 2023 г.; принята к публикации 11 декабря 2023 г.

Благодарности: Исследование выполнено в Институте Африки РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00123/> и в ПГНИУ по теме государственного задания. Методика исследования разработана в ИАФР РАН в рамках гранта РНФ; расчеты произведены в ПГНИУ.

Для цитирования: Глухов Я.А., Иванова М.Б. Миграционные процессы и управление ими в странах Южной Азии на примере Индии, Бангладеш и Пакистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 135–153. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-135-153>

Migration processes and their management in South Asian countries on the example of India, Bangladesh and Pakistan

Yaroslav A. Glukhov¹✉ , Mariya B. Ivanova²

¹*Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Spiridonovka St, 30/1, 123001, Russian Federation*

²*Perm State University,
15 Bukireeva St, Perm, 614990, Russian Federation*

✉ yaroslav.glukhov@yandex.ru

Abstract. South Asia is a subregion of the world characterized by high migration mobility of the population. The number of emigrants from this region is more than 43 million people, and the number of immigrants is almost 14 million people. Most of them occur in the country's three largest subregions by population: India, Bangladesh and Pakistan. The purpose of the study is to study the management of migration processes in South Asia. For this purpose,

the following tasks were solved: territorial analysis of the direction of migration processes in the largest states of South Asia; studying the features of the regulatory framework in the field of migration policy in the region; analysis of approaches and methods for managing migration processes in India, Bangladesh and Pakistan. The directions of migration processes have been studied through territorial analysis: in the context of emigration and immigration. The author's maps were compiled based on current migration data. The regulatory framework related to the implementation of migration policies in India, Bangladesh and Pakistan is analyzed. The features of the approaches and methods that are used in each of the three countries in relation to the regulation of migration processes both within South Asia and beyond its borders are identified. The following territorial specificity of migration processes in South Asia can be noted: the subregion is more a donor of international migrants (more than 43 million people) than a recipient (almost 14 million people); emigration is growing most rapidly in India, while in Bangladesh and Pakistan it is more regulated by the state and used as a factor in socio-economic development; Immigration processes are completely different in India, Bangladesh and Pakistan. India is characterized by a concentration of international flows, especially from neighboring countries, while Bangladesh and Pakistan are becoming new homes for refugees from Myanmar and Afghanistan, respectively. Migration processes in the countries of South Asia are characterized by intensive and multidirectional nature. Larger numbers of emigrants come from other subregions of the world, while immigration processes affect nearby countries. If we talk about intraregional migration processes, then India is the country that receives the largest number of immigrants from neighboring South Asian countries. Migration policy is an important part of the dynamic development of any modern state; currently India, Bangladesh and Pakistan are making efforts to formalize and institutionalize this process.

Keywords: migration, migration policy, migration studies, South Asia, India, Bangladesh, Pakistan

Article history: received October 2, 2023; revised November 18, 2023; accepted December 11, 2023.

Acknowledgements: The study was carried out at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences at the expense of the Russian Science Foundation grant No 22-18-00123. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00123/> and at the PSU on the topic of the state task. The research methodology was developed at the IAfr RAS within the framework of a grant from the Russian Science Foundation; The calculations were made in PSU.

For citation: Glukhov, Ya.A., & Ivanova, M.B. (2024). Migration processes and their management in South Asian countries on the example of India, Bangladesh and Pakistan. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 135–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-135-153>

Введение

Южная Азия является одним из тех субрегионов мира, для которого характерна высокая миграционная подвижность населения как внутри субрегиона, так и за его пределами. В связи с этим необходимо изучать управление миграционными процессами и их территориальную специфику в трех крупнейших странах Южной Азии: Индии, Бангладеш и Пакистане.

Целью исследования является изучение управления миграционными процессами в Южной Азии. Для этого были поставлены и последовательно решены задачи:

- 1) территориальный анализ направления миграционных процессов крупнейших государств Южной Азии;
- 2) изучение особенностей нормативно-правовой базы в области миграционной политики региона;
- 3) анализ подходов и методов управления миграционными процессами в Индии, Бангладеш и Пакистане.

В ходе работы систематизируются ключевые понятия, подходы и методы изучения миграционных процессов. Выявляются причины формирования трансграничных перемещений граждан и последствия данных процессов. Анализируются механизмы внутренней и внешней миграционной политики Индии, Бангладеш и Пакистана.

Методы исследования

Исследования в области миграции находят отклик как среди российских, так и зарубежных исследователей в разных научных дисциплинах. В то же время в русскоязычной научной литературе наблюдается относительный дефицит страноведческих исследований, посвященных вопросам миграционной подвижности населения в Южной Азии.

Миграционные процессы являются объектом изучения ряда дисциплин (Рязанцев, 2021). В данной работе они рассматриваются с позиций экономики, политологии и географии (Глухов, Иванова, 2020; Глухов, Иванова, 2022; Глухов, Иванова, 2023).

Эмпирической базой исследования послужили открытые статистические данные и доклады Международной организации по миграции Организации Объединенных Наций¹. В основу исследования положена информация о структуре миграционных процессов Индии, Бангладеш и Пакистана в абсолютных показателях. Были отобраны необходимые статистические данные по странам. Наиболее свежими являются показатели по эмиграции и иммиграции из отчета 2022 г.², т.е. за 1990–2020 гг. Были созданы картосхемы, отражающие специфику международных миграций. Определены факторы формирования миграционных процессов.

При изучении миграционной политики мы опирались на открытые источники государственных учреждений Индии, Бангладеш и Пакистана. В Индии миграционной политикой занимаются Индийский центр по миграции Министерства иностранных дел³ и Национальный институт трансформации Индии (NITI Aayog)⁴. Для изучения миграционной политики Бангладеш были использованы следующие источники: Министерство социального обе-

¹ Union Nations. URL: <http://www.un.org> (accessed: 01.04.2023).

² Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

³ India Ministry of External Affairs. URL: <http://www.mea.gov.in/> (accessed: 01.04.2023).

⁴ National Institution for Transforming India. URL: <https://niti.gov.in/> (accessed: 01.04.2023).

спечения экспатриантов и трудоустройства за рубежом⁵, Министерство внутренних дел⁶, Министерство иностранных дел⁷, Министерство финансов⁸, Министерство гражданской авиации и туризма⁹. В Пакистане миграционная политика реализуется такими ведомствами, как Министерство по делам зарубежных пакистанцев и развития человеческого капитала¹⁰, Министерство иностранных дел¹¹ и Бюро эмиграции и трудоустройства за рубежом Пакистана¹².

Результаты исследования

Миграционные процессы характеризуются двумя направлениями: эмиграцией и иммиграцией. Под первым подразумевается выезд из страны, а под вторым — въезд в страну (Фитуни, 2020). Оба этих процесса связаны со сменой места жительства вследствие тех или иных причин и как правило, имеют безвозвратный характер.

Южная Азия характеризуется наличием разнонаправленных миграционных процессов, что способствует развитию региона как одного из крупнейших узлов транснациональных перемещений населения. В эти процессы вовлекаются не только жители Индии, Бангладеш и Пакистана, но и других государств региона, перемещающихся по миру через эту триаду стран¹³.

Количество эмигрантов из Южной Азии в 2020 г. — 43 394 045 чел. За последние 30 лет оно выросло вдвое. Отметим, что в Индии, Пакистане и Бангладеш их количество росло ежегодно. После 2005 г. отмечались более высокие темпы увеличения количества эмигрантов из Индии, а в Пакистане и Бангладеш этот показатель был ниже (Saxena et al., 2020). На эти три страны приходилось 72,8 % эмигрантов из Южной Азии (рис. 1).

⁵ Ministry of Expatriates' Welfare and Overseas Employment of the People's Republic of Bangladesh. URL: <https://probashi.gov.bd/> (accessed: 01.04.2023).

⁶ Ministry of Home Affairs of the People's Republic of Bangladesh. URL: <http://www.mha.gov.bd/> (accessed: 01.04.2023).

⁷ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of Bangladesh. URL: <http://www.mofa.gov.bd/> (accessed: 01.04.2023).

⁸ Ministry of Finance of the People's Republic of Bangladesh. URL: <http://mof.gov.bd/> (accessed: 01.04.2023).

⁹ Ministry of Civil Aviation and Tourism of the People's Republic of Bangladesh. URL: <http://www.mocat.gov.bd/en> (accessed: 01.04.2023).

¹⁰ Ministry of Overseas Pakistanis and Human Resource Development of the Islamic Republic of Pakistan. URL: <http://ophrd.gov.pk> (accessed: 01.04.2023).

¹¹ Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Pakistan. URL: <https://mofa.gov.pk/mous-agreements/> (accessed: 01.04.2023).

¹² Bureau of Emigration & Overseas Employment of the Islamic Republic of Pakistan. URL: <https://beoe.gov.pk> (accessed: 01.04.2023).

¹³ Shanahan D. (2017). Disaster response regional architectures: assessing future possibilities. Nanyang Technological University. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/10356/82371/1/Disaster%20response%20regional%20architectures%20assessing%20future%20possibilities.pdf> (accessed: 01.04.2023)

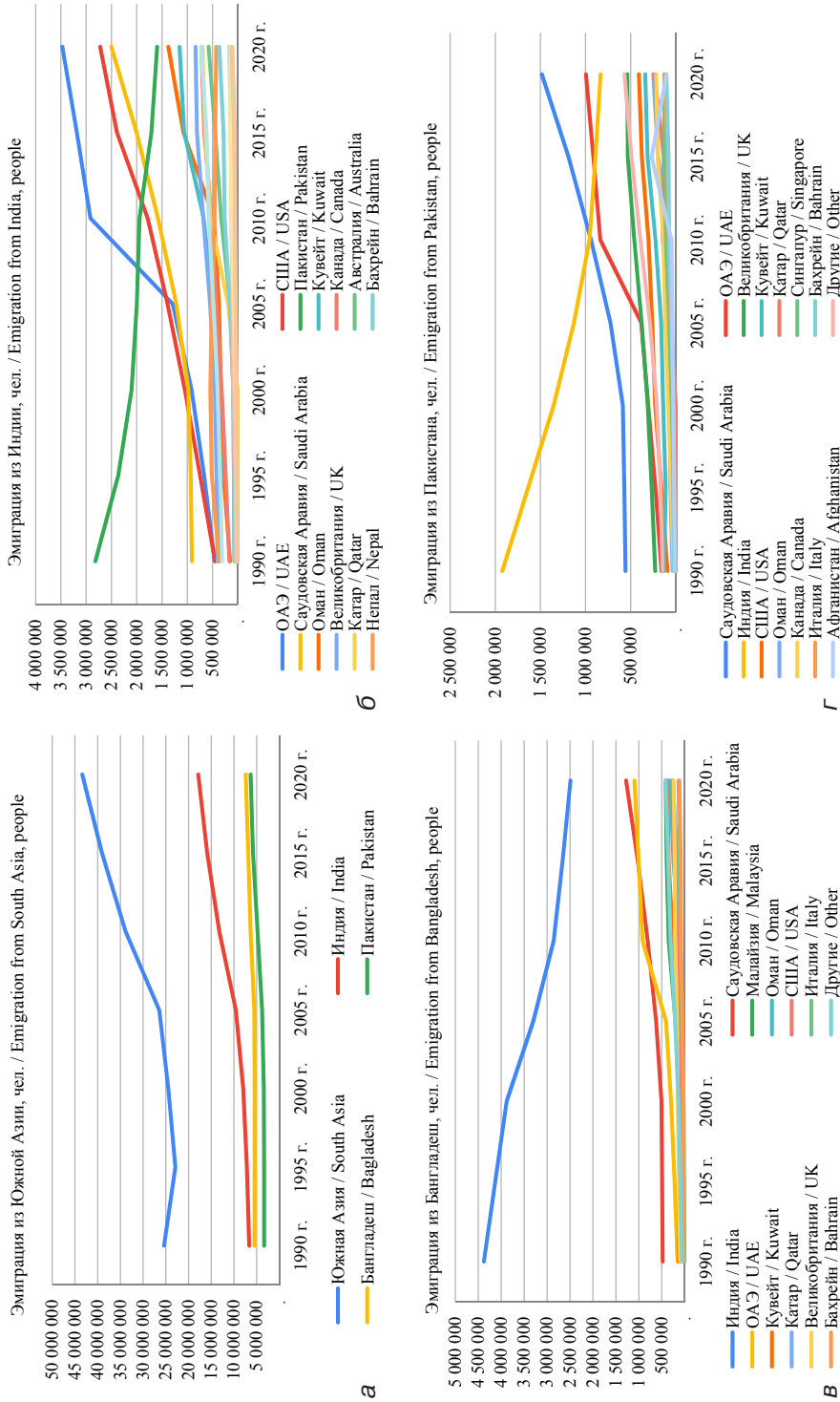

Рис. 1. Эмиграция в 2020 г.: а — из Южной Азии; б — Индия; в — Бангладеш; г — Пакистана

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 1. Emigration in 2020: а — from South Asia; б — India; в — Bangladesh; г — Pakistan

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>.

С начала XXI в. в Индии увеличился миграционный отток. Страна является мировым лидером по количеству эмигрантов — 17 869 492 чел., а индийская диаспора насчитывает более 25 млн чел.

Основным фактором индийской эмиграции является экономический, что связано с дефицитом рабочих мест и низкой оплатой труда (Sharma, 2011). Индийцы уезжают в страны Персидского залива, Европу, Северную Америку, Австралию и некоторые страны Юго-Восточной Азии. Также Индия имеет исторические связи с Великобританией, что вносит вклад в эмиграционные потоки в бывшую метрополию и страны Содружества (рис. 2).

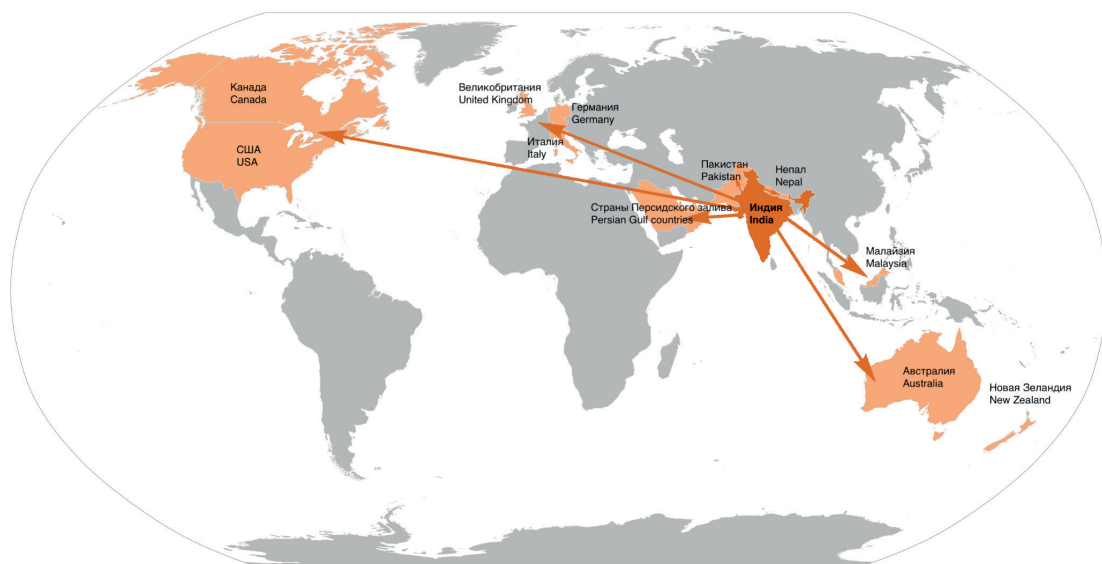

Рис. 2. Эмиграция из Индии в 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 2. Emigration from India in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

Индийско-пакистанские миграционные процессы остаются существенными. Это связано со сложными взаимоотношениями между двумя странами и этноконфессиональной структурой приграничных территорий. Индийцы используют Пакистан как транзитную страну на пути в Европу, т.к. через него идет один из основных маршрутов из Азии в Европу (Глухов, Иванова, 2023).

Эмиграция из Бангладеш ежегодно растет, при этом меняется структура выезжающих граждан (Basit et al., 2019). Наибольшее количество бангладешцев выезжает в Индию, однако их количество в Индии снижается (Егорова, 2016). Заметен значительный рост эмиграции в страны Персидского залива, Европы, Северной Америки и некоторые государства Юго-Восточной Азии (рис. 3).

Выезд граждан Бангладеш в другие страны связан с его трудоизбыточным рынком труда. При этом эмигранты могут как переселяться в страну назначения, так и использовать транзитные маршруты (Назарова, 2000).

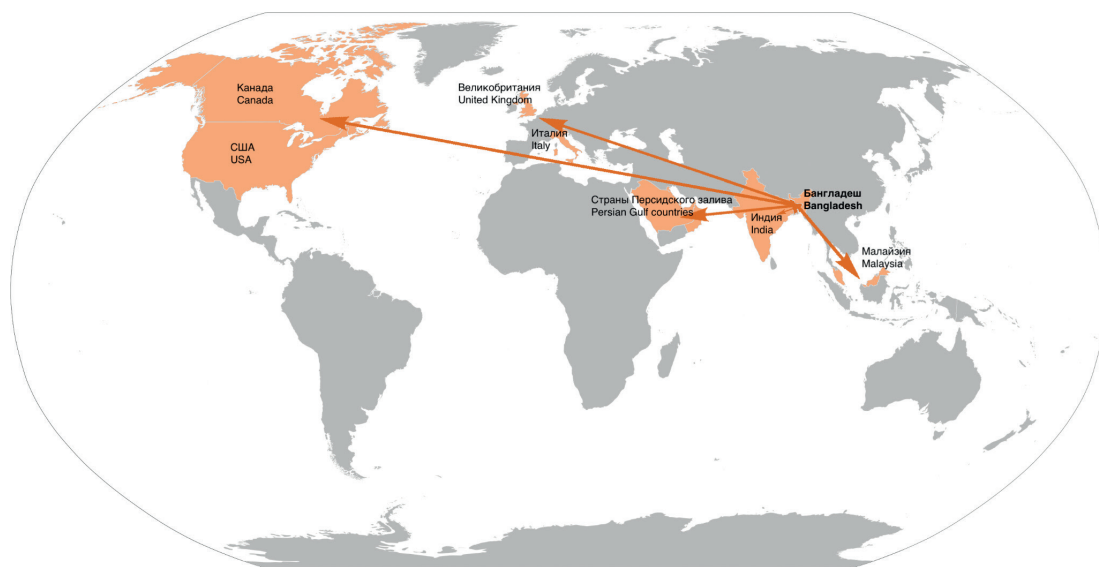

Рис. 3. Эмиграция из Бангладеш в 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 3. Emigration from bangladesh in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN. Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

Власти Бангладеш называют эмиграцию одним из способов социально-экономического развития государства за счет поступления денежных переводов на родину.

Пакистанская эмиграция характеризуется увеличением количества переселенцев и изменением ее направления. Количество пакистанских эмигрантов в Индии уменьшается, а в странах Персидского залива существенно возрастает¹⁴.

Пакистанцы покидают родину по причинам, аналогичным для Индии и Бангладеш (Нестерчук, 2015). Государство уделяет внимание эмиграционной ситуации в стране через профильные министерства, налаживающие взаимодействие с пакистанцами вне родины (рис. 4).

Начиная с 1990 г. наблюдается снижение иммиграции в Южную Азию (Володин, 2018). Пакистан в целом повторяет тенденции Южной Азии, для Индии характерно равномерное снижение количества иммигрантов, а для Бангладеш — небольшой рост иммигрантов (Глухов, Иванова, 2022). Индия лидирует по количеству иммигрантов, за ней следуют Пакистан и Бангладеш (Khadria, Kumar, 2015). Однако в 2010-е гг. происходит их выравнивание (рис. 5)

¹⁴ Ayres A. Human Rights and Democracy in South Asia. Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/report/human-rights-and-democracy-south-asia> (accessed: 01.04.2023)

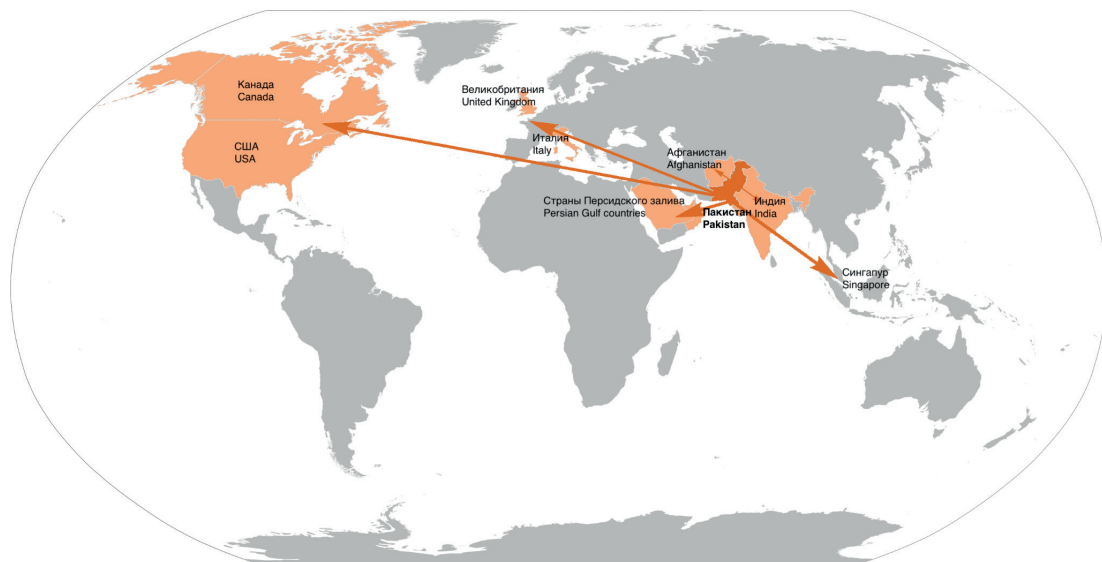

Рис. 4. Эмиграция из Пакистана в 2020 г

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 4. Emigration from Pakistan in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

В настоящее время в Индию преобладают иммигранты из соседних стран: Бангладеш (2 488 471 чел.), Пакистана (833 314 чел.), Непала (733 734 чел.), Шри-Ланки (184 780 чел.) и Китая (108 008 чел.). Общее количество иммигрантов в стране — 4 878 704 чел.

Анализируя иммиграционную динамику за последние 30 лет, можем сделать выводы о том, что структура иммиграции изменяется несильно, однако интенсивность снижается (Горохов, Дмитриев, 2011). Следует отметить, что на иммигрантов из Бангладеш в начале 2020-х гг. приходится более половины (51 %). Это объясняется двумя причинами: либо трудовой миграцией в соседние с Бангладеш индийские штаты, либо транзитной миграцией через Индию в Европу и страны Персидского залива (рис. 6).

Относительно привлекательности Индии для соседних азиатских стран можно выделить несколько аспектов: государство значительно превосходит своих соседей по экономическому потенциалу и политическому влиянию в мире, что делает ее лидером (Дмитриев, 2014).

В Бангладеш количество иммигрантов составляет 2 115 408 чел. Наибольшее количество людей въезжает из азиатских стран: Мьянмы (907 426 чел.), Малайзии (199 618 чел.), Китая (159 619 чел.), Индонезии (149 901 чел.) и Лаоса (86 447 чел.). Необходимо подчеркнуть, что иммигранты из Мьянмы являются беженцами вследствие нестабильной политической обстановки в стране в последние десятилетия (рис. 7).

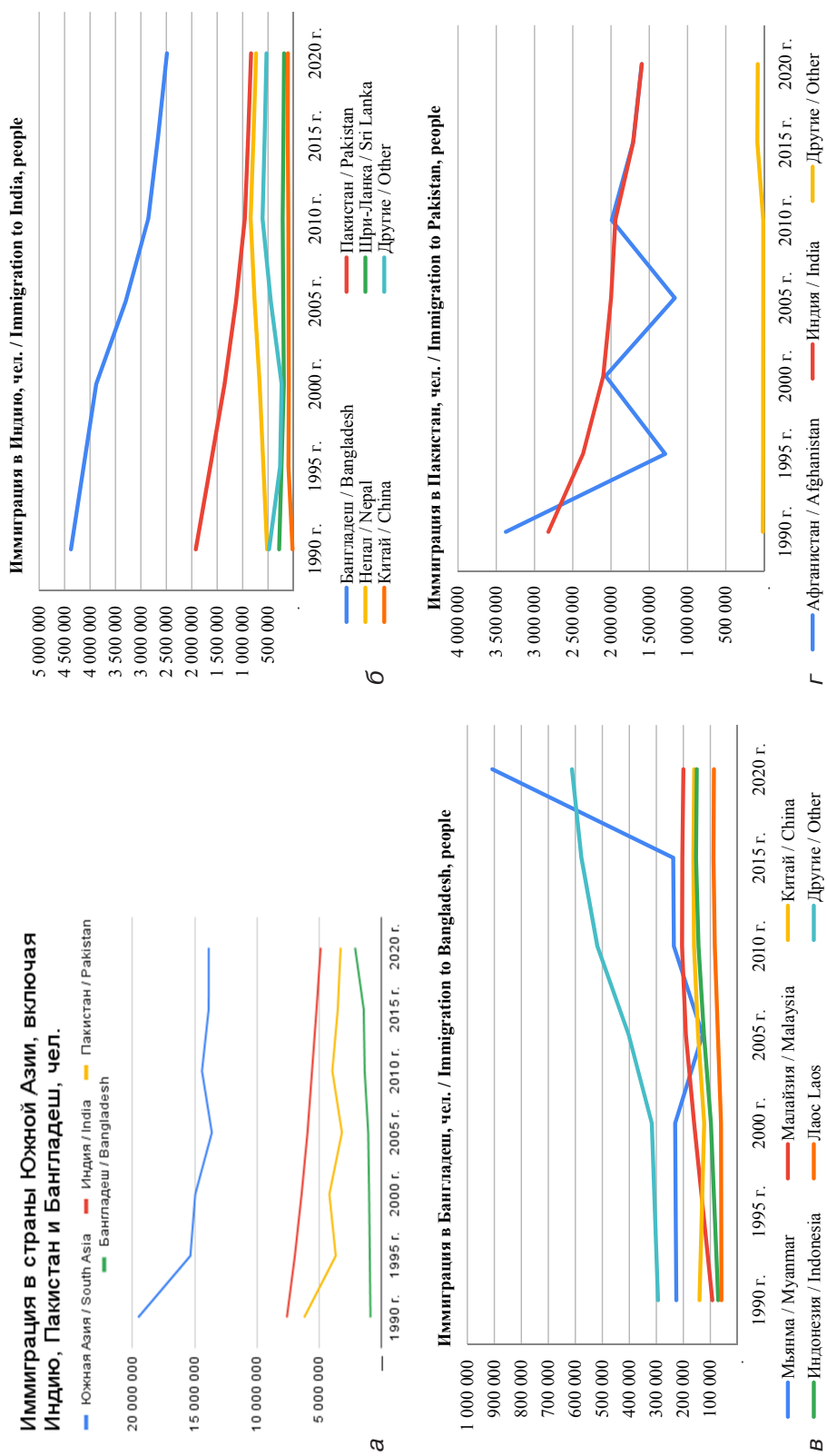

Рис. 5. Иммиграция Иммиграция в 1990–2020 гг.: а — в Южную Азию; б — Индию; в — Бангладеш; г — Пакистан
 Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 5. Immigration in 990–2020: а — to South Asia; б — India; в — Bangladesh; г — Pakistan
 Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

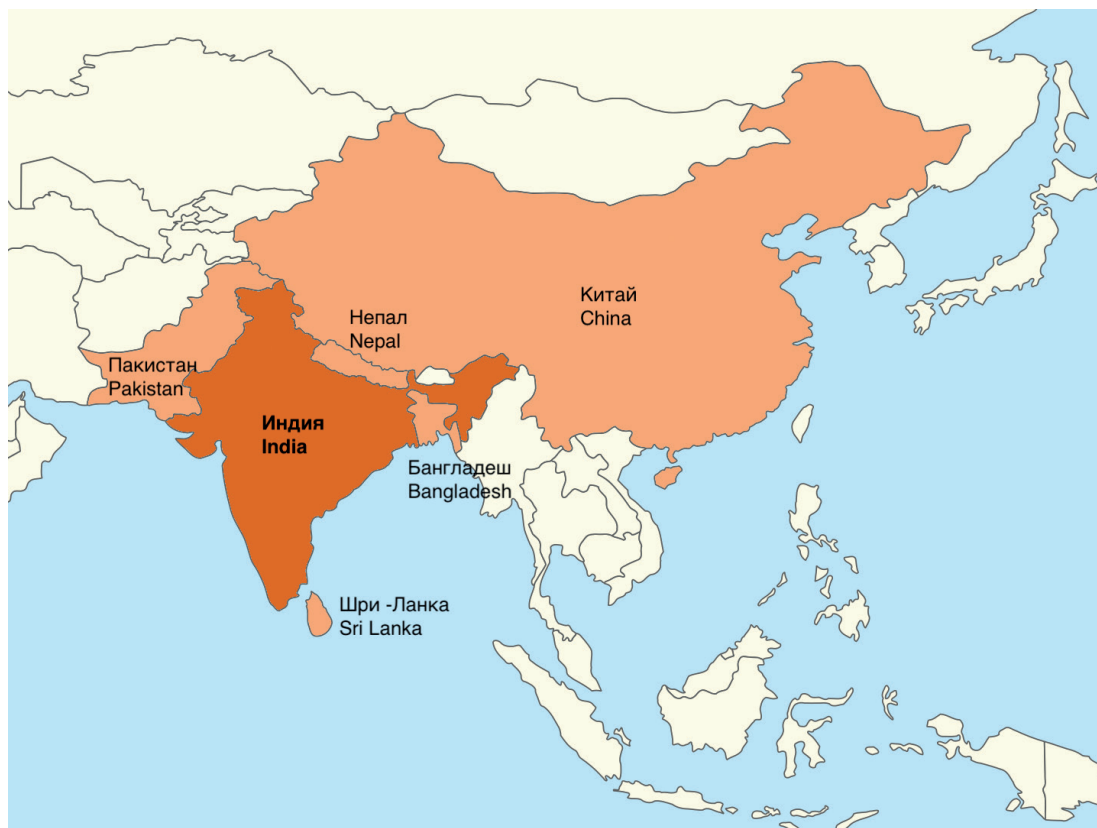

Рис. 6. Иммиграция в Индию в 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 6. Immigration to India in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

В Пакистане на 2020 г. количество иммигрантов составляло 3 276 580 чел. Большинство из них — граждане двух стран-соседей: Афганистана (1 598 223 чел.) и Индии (1 597 134 чел.). Граждане Афганистана, мигрирующие в Пакистан, как правило, являются беженцами. Колебание количества афганских иммигрантов в Бангладеш в период 1990–2020 гг. обусловлено политической обстановкой в стране выхода. Индийцы же могут переселяться в Пакистан по этноконфессиональным причинам либо же использовать его в качестве транзитной страны на пути в Европу (рис. 8).

Подводя итог, можно отметить следующую территориальную специфику миграционных процессов в Южной Азии:

1. Субрегион является в большей степени донором международных мигрантов (более 43 млн чел.), чем реципиентом (почти 14 млн чел.).
2. Эмиграция растет стремительнее всего в Индии, при этом в Бангладеш и Пакистане она больше регулируется государством и используется как фактор социально-экономического развития.

3. Иммиграционные процессы протекают в Индии, Бангладеш и Пакистане совершенно по-разному. Для Индии характерна концентрация международных потоков, особенно из соседних стран, в то время как Бангладеш и Пакистан становятся новым домом для беженцев из Мьянмы и Афганистана соответственно.

Рис. 7. Иммиграция в Бангладеш в 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 7. Immigration to Bangladesh in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 4, 2023, from <https://www.iom.int>

Для управления миграционными процессами многие государства разрабатывают собственную миграционную политику, которая направлена на институционализацию данного процесса. В Индии, Бангладеш и Пакистане, несмотря на общее прошлое, сформировались разные подходы к этой сфере управления общественными процессами.

Миграционная политика Индии в широком смысле имеет более чем столетнюю историю (Володин, 2021). В 1920 г. был принят первый документ в этой сфере — Закон о паспортах.

Рис. 8. Иммиграция в Пакистан в 2020 г

Источник: составлено авторами по данным МОМ ООН: Union Nations International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (accessed: 01.04.2023).

Figure 8. Immigration to Pakistan in 2020

Source: compiled by the authors based on IOM UN: Union Nations International Organization for Migration. Retrieved April 1, 2023, from: <https://www.iom.int>

Разработки по эмиграционной политике продолжились в 1922 г. — был принят Закон об эмиграции, регулирующий набор и эмиграцию низкоквалифицированных сельскохозяйственных рабочих, но его рамки были довольно размытыми, однако он запрещал эмиграцию неквалифицированных индийских рабочих в страны, не одобренные генерал-губернатором (Mazumdar и др., 2013). И только спустя десятилетия после обретения независимости Индии в 1983 г. был принят новый Закон об эмиграции, в котором были прояснены такие важные аспекты, как защита индийцев-эмигрантов, в первую очередь трудовая.

Иммиграционная политика в государстве регулярно пополнялась и изменялась. В 1939 г. был принят Закон о регистрации иностранцев, в 1946 г. — Статус об иностранцах и далее в 1992 г. — Правила регистрации иностранцев. Все они дополняют друг друга и направлены на юридическое закрепление иммигрантов на территории Индии (Полежаева, 2022).

Формирование общей миграционной политики — серьезный вызов для властей страны, поскольку нельзя однозначно ответить на вопрос поощрения или, наоборот, ограничения эмиграции из Индии и иммиграции в нее (Глухов, Иванова, 2020). Миграционная политика Индии также не может формироваться в отрыве от миграционной политики других стран (Кириченко, Шавлай, 2023). Данный вопрос находится в ведении таких государственных учреждений, как

Индийский центр миграции Министерства иностранных дел и Национальный институт трансформации Индии (NITI Aayog).

Миграционная политика в Бангладеш также имеет столетнюю историю. Первым законом, регулирующим миграцию и найм, был Закон об эмиграции 1922 г., который был заменен Постановлением об эмиграции 1982 г. Основными действующими законами о миграции в Бангладеш на сегодняшний день являются Политика трудоустройства за рубежом 2006 г., Закон о трудоустройстве за рубежом и мигрантах 2013 г. и Седьмой пятилетний план 2016 г.

Политика трудоустройства за границей 2006 г. была разработана для того, чтобы работать над сокращением незаконных потоков и увеличением масштабов легальной миграции (Joseph и др., 2022). Основное внимание уделяется защите прав и безопасности работников во время пребывания за границей, а также социальной защите оставшихся семей. Однако, несмотря на то что политика действовала в течение многих лет, не было разработано никаких всеобъемлющих действий по ее реализации (Tausch, 2019). В результате она была пересмотрена и формализована в 2013 г., что привело к принятию Закона о трудоустройстве за границей и мигрантах, который заключается в правилах подачи заявки на получение лицензии на найм на международном рынке труда.

В Седьмом пятилетнем плане, опубликованном в 2016 г., статус миграции был повышен до основной цели в рамках плана развития сферы услуг Бангладеш. Этот план содержит цели по дальнейшему повышению квалификации бангладешских мигрантов и диверсификации доступа к зарубежным рынкам труда (Barbora et al., 2008). Денежные переводы эмигрантов являются важным вкладом в ВВП Бангладеш и, следовательно, инструментом развития. Более того, они получают за границей знания и навыки, которые могут способствовать развитию Бангладеш в случае их возвращения в страну (Zafar, 1993). Таким образом, диаспора также все больше признается в качестве важной движущей силы и посредника в развитии.

В Бангладеш есть пять министерств, которые занимаются вопросами международной миграции: Министерство социального обеспечения экспатриантов и трудоустройства за рубежом; Министерство внутренних дел; Министерство иностранных дел; Министерство финансов; Министерство гражданской авиации и туризма.

Основы для институционального подхода в миграционной политике Пакистана были заложены в 1971 г., когда было создано Бюро эмиграции и трудоустройства за рубежом для содействия экспорту рабочей силы (Hasan, Raza, 2009). Однако за эти пять десятилетий произошли существенные изменения и с 2013 г. эта сфера находится в юрисдикции Министерства по делам зарубежных пакистанцев и развития человеческого капитала.

Пакистан в целом придерживается проэмиграционной позиции. В 2017 г. была завершена разработка Национальной политики в области эмиграции и социального обеспечения для пакистанцев, живущих за границей, однако эта политика все еще не ратифицирована (Jones et al., 2006).

Пакистан в значительной степени зависит от экспорта своей рабочей силы для денежных переводов и занятости, поэтому государство прикладывает усилия для повышения квалификации работников (Jain, 2005). Большинство этих рабочих сейчас — мужчины, занятые в основном в транспортной и строительной отраслях (Kock, Sun, 2011). Правительство Пакистана прилагает усилия для того, чтобы сделать пакистанскую диаспору стратегическим «партнером в развитии».

Хотя транзитная миграция не является ключевой политической проблемой для Пакистана, часть мигрантов используют Пакистан в качестве транзитного государства (Snedden, 2016). Это в основном актуально с точки зрения нелегальной миграции, когда люди из Мьянмы, Бангладеш и Афганистана используют маршрут Пакистан — Иран — Турция, чтобы добраться до Европы.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы относительно специфики миграционной политики стран Южной Азии:

1. В Индии, Бангладеш и Пакистане выявлены различный подход к управлению миграционными процессами, различный уровень нормативно-правовой реализации и контроля. Однако в каждом государстве есть ведомства, к которым относится миграционное регулирование.
2. Индия находится на пути формулирования собственных целей относительно миграционной политики. Необходима координация государственных ведомств, а также, возможно, международных организаций в сфере миграции для выработки и закрепления всей нормативно-правовой базы. Государство обращает большее внимание на иммиграцию в страну, чем на эмиграцию из нее.
3. Бангладеш ставит эмиграцию своих граждан как фактор социально-экономического развития родины. В связи с этим государство поощряет выезд граждан за рубеж. Характерно преобладание трудовой эмиграции низкоквалифицированных кадров. Вопросам иммиграции уделяется небольшое внимание.
4. Пакистан имеет проэмиграционную позицию, однако, совершив несколько попыток, так и не имеет единой миграционной политики. Пакистанская диаспора рассматривается как важный стратегический партнер в развитии страны. Вопросам иммиграции внимание уделяется в меньшей степени, чем эмиграции, однако в Пакистане существует напряженность относительно этого, так как государство на протяжении последних десятилетий принимало беженцев из Афганистана, а также служит транзитным пунктом миграционных путей из Азии в Европу.

Обсуждение

Миграционные процессы должны быть в поле зрения государства. Управление ими создает условия для более устойчивого общественного развития. В Южной Азии вопрос относительно реализации миграционной политики

стоит серьезно по нескольким причинам. Во-первых, колоссальное количество международных мигрантов. Во-вторых, миграционные процессы подвержены нестабильным политическим факторам, что может приводить к кризисам.

В трех наиболее населенных странах Южной Азии миграционная ситуация и миграционная политика находятся в разном состоянии.

Для Индии характерно преобладание эмиграции над иммиграцией. Однако государство является местом аккумуляции иммигрантов всего субрегиона, в связи с чем большее внимание уделяется въезду в страну, чем выезду из нее.

Для Бангладеш характерно значительное преобладание эмиграции, а иммигрантами являются беженцы из стран-соседей. Миграционная политика реализуется с целью защиты эмигрантов в странах назначения, поощрения этих процессов с целью социально-экономического развития.

Для Пакистана характерно преобладание эмиграции. При этом страна является местом скопления беженцев и пересечения транзитных сухопутных миграционных маршрутов. Управление миграционными процессами посредством политики изменчиво, носит проэмиграционный характер.

Вызовом для государств Южной Азии является упорядочение мер, принимаемых в сфере миграционной политики. Это будет способствовать урегулированию обстановки в субрегионе.

Заключение

Подводя итог, отметим, что субрегион является сложным для изучения в силу исторических особенностей.

Миграционные процессы в странах Южной Азии характеризуются интенсивным и разнонаправленным характером. Больше количество эмигрантов приходится на другие субрегионы мира, в то время как иммиграционные процессы затрагивают ближайшие страны. Если говорить о внутрирегиональных миграционных процессах, то Индия является страной, которая принимает наибольшее количество иммигрантов из соседних южноазиатских государств.

Миграционная политика является важной частью динамичного развития любого современного государства, на текущий момент Индия, Бангладеш и Пакистан прикладывают усилия для формализации и институционализации данного процесса.

Список литературы

- Володин А.Г.* Логика направляемого развития в постколониальной Индии // Вестник РАН. 2018. № 1. С. 79–87. <https://doi.org/10.7868/S0869587318010103>
- Володин А.Г.* Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 28–47. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-2>
- Глухов Я.А., Иванова М.Б.* Миграционная подвижность населения Южной Азии: на примере Индии, Бангладеш, Пакистана и Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. Т. 31. № 1. С. 146–158. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-1-146-158>

- Глухов Я.А., Иванова М.Б. Территориальная дифференциация социально-экономического развития Республики Индия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. № 1. С. 93–109. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-1-93-109>
- Глухов Я.А., Иванова М.Б. Типология штатов и союзных территорий Индии по уровню социально-экономического развития // Инновационная экономика. 2020. № 3. С. 185–199.
- Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Население Индии растет рекордными темпами // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 11–15.
- Дмитриев Р.В. Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. М., 2014. С. 119–125.
- Егорова М.А. Проблема миграции в Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 2. С. 16–72.
- Кириченко И.В., Шавлай Э.П. Индия: международное научно-техническое сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 34–41.
- Назарова Е.А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 116.
- Нестерчук О.А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. 2015. № 2.
- Полежаева Н.А. Принципы корпоративного управления для государственных компаний и их соблюдение в Индии // Азия и Африка сегодня. 2022. № 5. С. 21–28.
- Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. 1(1). С. 7–16. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>
- Фитуни Л.Л. Коронавирус и «конец истории» // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 2 (51). С. 5–13. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-51-2-5-13>
- Barbora S., Thieme S., Siegmann K.A., Menon V., Gurung G. Migration Matters in South Asia: Commonalities and Critiques // Economic and Political Weekly. 2008. No. 43 (24). P. 57–65.
- Basit A., Bashar I., Siyech M.S., Mahmood S., Gunasingham A. SOUTH ASIA: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2019. No. 11 (1). P. 33–64.
- Jain P.C. Indian Migration to the Gulf Countries: Past and Present. India Quarterly. 2005. No. 61 (2). P. 50–81.
- Jones S.G., Oliker O., Chalk P., Fair C.C., Lal R., Dobbins J. Pakistan. In Securing Tyrants or Fostering Reform? // U.S. Internal Security Assistance to Repressive and Transitioning Regimes. 2006. No. 1. P. 125–160.
- Joseph J., Henderson S., Withers M., Shivakoti R. Regulation through responsabilisation: Gendered exit policies and precarious migration from India and Sri Lanka // International Migration. 2022. No. 1. P. 115–124. <https://doi.org/10.1111/imig.13074>
- Khadria B., Kumar P. Immigrants and Immigration in India: A Fresh Approach // Economic and Political Weekly. 2015. Vol. 50, no. 8. P. 65–71.
- Kock U., Sun Y. Remittances in Pakistan: Why They Have Gone Up and Why They Are Not Coming Down // The Pakistan Development Review. 2011. Vol. 50, no. 3. P. 189–208.
- Mazumdar I., Neetha N., Agnihotri I. Migration and Gender in India // Economic and Political Weekly. 2013. Vol. 48, no. 10. P. 54–64.
- Saxena C., Bashar I., Basit A., Siyech M.S., Gunasingham A. South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2020. No. 12 (1). P. 40–69.
- Sharma R. Gender and International Migration: The Profile of Female Migrants from India // Social Scientist. 2011. Vol. 39, no. 3/4. P. 37–63.

- Snedden C.* Shifting Geo-politics in the Greater South Asia Region. *Security Nexus*. 2016. URL: https://dkiapcss.edu/nexus_articles/shifting-geo-politics-in-the-greater-south-asia-region/ (accessed: 01.04.2023).
- Tausch A.* Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects // *Jewish Political Studies Review*. 2019. Vol. 30, no. 1–2. P. 65–225.
- Zafar S.A.* Indo-Bangladesh Relations: Problems and Prospects // *Pakistan Horizon*. 1993. Vol. 46, no. 3/4. P. 89–103.

References

- Barbora, S., Thieme, S., Siegmann, K.A., Menon, V., & Gurung, G. (2008). Migration Matters in South Asia: Commonalities and Critiques. *Economic and Political Weekly*, 43(24), 57–65.
- Basit, A., Bashar, I., Siyech, M.S., Mahmood, S., & Gunasingham, A. (2019). SOUTH ASIA: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 11(1), 33–64.
- Dmitriev, R.V. (2014). The supporting frame of the settlement and economy of modern India, 119–125. (In Russ.).
- Egorova, M.A. (2016). The problem of migration in Southeast Asia. *RUDN Journal of World History*, 2, 16–72. (In Russ.).
- Fituni, L.L. (2020). The Coronavirus and “the End of the History”. *Journal of the Institute for African Studies*, (2), 5–13. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-51-2-5-13>. (In Russ.).
- Glukhov, Y.A., & Ivanova, M.B. (2023). Migration mobility of the population of South Asia: On the example of India, Bangladesh, Pakistan and Afghanistan. *RUDN Journal of Economics*, 31(1), 146–158. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-1-146-158>. (In Russ.).
- Glukhov, Y.A., & Ivanova, M.B. (2022). Territorial differentiation of the socio-economic development of the Republic of India. *RUDN Journal of Economics*, 30(1), 93–109. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-1-93-109>. (In Russ.).
- Glukhov, Y.A., & Ivanova, M.B. (2020). Socio-economic Development Typology of the States and Union Territories of India. *Innovative Economy*, (3), 185–199. (In Russ.).
- Gorokhov, S.A., & Dmitriev, R.V. (2011). India’s population is growing at a record pace. *Asia and Africa today*, 8, 11–15. (In Russ.).
- Jain, P.C. (2005). Indian Migration to the Gulf Countries: Past and Present. *India Quarterly*, 61(2), 50–81.
- Jones, S.G., Oliker, O., Chalk, P., Fair, C.C., Lal, R., & Dobbins, J. (2006). Pakistan. In *Securing Tyrants or Fostering Reform? U.S. Internal Security Assistance to Repressive and Transitioning Regimes* (1st ed., pp. 125–160). RAND Corporation.
- Joseph, J., Henderson, S., Withers, M., & Shivakoti, R. (2022). Regulation through responsabilisation: Gendered exit policies and precarious migration from India and Sri Lanka. *International Migration*. <https://doi.org/10.1111/imig.13074>
- Khadria, B., & Kumar, P. (2015). Immigrants and Immigration in India: A Fresh Approach. *Economic and Political Weekly*, 50(8), 65–71.
- Kirichenko, I., & Shavlay E. (2023). India: International Scientific and Technical Cooperation. *Asia and Africa Today*, 2, 34–41 (In Russ.).
- Kock, U., & Sun, Y. (2011). Remittances in Pakistan: Why They Have Gone Up and Why They Are Not Coming Down. *The Pakistan Development Review*, 50(3), 189–208.
- Mazumdar, I., Neetha, N., & Agnihotri, I. (2013). Migration and Gender in India. *Economic and Political Weekly*, 48(10), 54–64.
- Nazarova, E.A. (2000). Features of modern migration processes. *Sociological research*, 116(7). (In Russ.).
- Nesterchuk, O.A. (2015). Traditional and innovative political technologies in information and psychological confrontation, *PolitBook*, 2. (In Russ.).

- Polezhaeva, N. (2022). Principles of Corporate Governance of State-Owned Enterprises and its compliance in India. *Asia and Africa Today*, 5, 21–28. (In Russ.).
- Ryazantsev, S.V. (2021). Migration crisis: concept and criteria. *DEMIS*, 1(1), 7–16. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>. (In Russ.).
- Saxena, C., Bashar, I., Basit, A., Siyech, M.S., & Gunasingham, A. (2020). South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 12(1), 40–69.
- Sharma, R. (2011). Gender and International Migration: The Profile of Female Migrants from India. *Social Scientist*, 39(3/4), 37–63.
- Snedden C. (2016). Shifting Geo-politics in the Greater South Asia Region. *Security Nexus*. Retrieved April 1, 2023, from https://dkiapcss.edu/nexus_articles/shifting-geo-politics-in-the-greater-south-asia-region/
- Tausch, A. (2019). Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects. *Jewish Political Studies Review*, 30(1/2), 65–225.
- Volodin, A.G. (2018). The Logic of Guided Development in Postcolonial India. *Vestnik RAN*, 1, 79–87. <https://doi.org/10.7868/S0869587318010103>. (In Russ.).
- Volodin, A.G. (2021). Export of direct investments and emigration: the experience of modern India. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 14(2), 28–47. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-2>. (In Russ.).
- Zafar, S.A. (1993). Indo-Bangladesh Relations: Problems and Prospects. *Pakistan Horizon*, 46(3/4), 89–103.

Сведения об авторах / Bio notes

Глухов Ярослав Александрович, младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки Российской академии наук. ORCID: 0000-0001-6356-2447. E-mail: yaroslav.glukhov@yandex.ru

Yaroslav A. Glukhov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6356-2447. E-mail: yaroslav.glukhov@yandex.ru

Иванова Мария Борисовна, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, географический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет. ORCID: 0000-0003-4775-2763. E-mail: ivmary@mail.ru

Mariya B. Ivanova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography, Faculty of Geography, Perm State University. ORCID: 0000-0003-4775-2763. E-mail: ivmary@mail.ru

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMY

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-154-169

EDN: SQACMC

UDC 338.4

Research article / Научная статья

The USA — China robotics competition: Leading the race in innovation and global power

Marina S. Reshetnikova , Svetlana S. Tretyakova

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 reshetnikova_ms@pfur.ru

Abstract. The International Federation of Robots claims that the number of robots being produced today is at an all-time high, particularly in sectors like electronics and the automotive industry. Considering this, as artificial intelligence (AI) becomes more and more popular, it is imperative to study the robotics market, particularly in the nations that are major players in it. Robots are now integrated into all industries, especially automotive and electronics. The need for modernization and increasing competition are pushing countries to automate production and improve business processes; the United States and China have achieved the greatest success in this. According to the authors, it is China that will succeed in the industrial robotics market by introducing “smart manufacturing” and “smart factories.” In addition, there is now a growing trend towards creating robots that interact with people: the development of technology, the emergence of artificial intelligence, as well as human acceptance of the robot — all this contributes to the introduction of robots into our lives. Thus, according to the authors, it is the United States that has achieved the greatest success in the field of introducing service robots responsible for interaction with humans. The evolution of the robotics industry in the two major market participants — China and the United States — is analyzed. The study analyzes the industries in both countries to pinpoint development areas and reviews government initiatives that support business growth in both China and the United States.

Keywords: robotics, USA, China, service robotics, industrial robotics, R&D

Article history: received October 12, 2023; revised November 18, 2023; accepted December 10, 2023.

© Reshetnikova M.S., Tretyakova S.S., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Reshetnikova, M.S., & Tretyakova, S.S. (2024). The USA — China robotics competition: Leading the race in innovation and global power. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 154–169. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-154-169>

Acknowledgements. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program

Глобальное соперничество: США и Китай в борьбе за лидерство в области роботизации и технологий

М.С. Решетникова ✉ , С.С. Третьякова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ reshetnikova_ms@pfur.ru

Аннотация. По данным Международной федерации роботов, на сегодняшний день мы наблюдаем рекордную концентрацию роботов на производстве, в особенности в таких отраслях, как автомобилестроение и электроника. С учётом набирающей популярности искусственного интеллекта очевидна необходимость изучения отрасли робототехники. Роботы интегрированы во все отрасли промышленности, в особенности такие, как автомобилестроение и электроника. Необходимость модернизации и возрастающая конкуренция подталкивают страны к автоматизации производства и совершенствованию бизнес-процессов, наибольших успехов в этом достигли США и Китай. По мнению авторов, именно Китай преуспеет на рынке промышленных роботов, внедрив «умное производство» и «умные заводы». Помимо этого сейчас растёт тренд на создание роботов, взаимодействующих с людьми: развитие технологий, появление искусственного интеллекта, а также принятие человеком робота — все это способствует внедрению роботов в нашу жизнь. Так, по мнению авторов, именно США достигли наибольшего успеха в области внедрения сервисных роботов, отвечающих за взаимодействие с человеком. Приведен анализ отрасли развития отрасли робототехники в странах — ключевых игроках рынка: США и Китая. В работе сделана декомпозиция отрасли в этих странах для определения зон — точек роста, выделены государственные проекты, способствующие росту в Китае и в США.

Ключевые слова: роботизация, США, Китай, промышленная робототехника, сервисная робототехника, НИОКР

История статьи: поступила в редакцию 12 октября 2023 г., проверена 18 ноября 2023 г., принята к публикации 10 декабря 2023 г.

Для цитирования: *Reshetnikova M.S., Tretyakova S.S. The USA — China robotics competition: Leading the race in innovation and global power // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 154–169. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-154-169>*

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке экономического факультета РУДН.

Introduction

Today the word “robot” has come into usage, but it first appeared not so long ago, particularly in 1920 in the book “Rossumovi univerzální roboti (R.U.R)” by the Czech writer Karel Čapek (Čapek, 2023). In the past, a robot was thought of as an artificially formed human whose labor was utilized in heavy industries. As for now, a robot is an automated device that carries out different mechanical tasks in compliance with an embedded software.

The issue of the study is relevant since robots are becoming more and more prevalent in contemporary industry. The International Federation of Robots states that there is a record concentration of robots in production today, particularly in sectors like electronics and automotive.¹ We therefore need to investigate and study this sector, particularly countries that account for a large portion of the market. The study’s objective is to forecast and analyze the robotics markets in China and the United States. Main aspects of the study include the following issues:

1. Describe the robotics industry: review the market, identify its key players, consider the strategies of the United States and China in the industry.
2. Identify factors affecting the industry.

The study employed a variety of research techniques, including mathematical modeling, informational, and analytical techniques.

Results

Top countries in the robotics sector: The USA and China’s relative positions

The number of robot installations has been increasing gradually since 2017 (Figure 1). This indicates that the robotics market is expanding.

From 2016 to 2022, the US robotics industry’s revenue as a percentage of global revenue ranged from 18 to 20 %. It is also important to note that, starting in 2020, the US robotics sector’s growth rate outpaced the global robotics industry.

China’s revenue varies from 15 % in 2016 to 18 % in 2022 as a percentage of the global total; the industry is growing faster than the global average starting in 2018 and continuing until 2021, when the peak was attained (Figure 2).

Consequently, the two economies account for more than 20 % of global income, demonstrating that both the US and China are gradually raising their production levels (Feenstra & Sasahara, 2018). From 2016 to 2022, the robotics industry’s five largest countries by revenue were South Korea, Japan, China, Germany, and the United States. China, meantime, has become the world’s greatest competitor to the United States, which has been leading the world for the past seven years, with a steady growth rate of 7–15 % between 2017 and 2022 (Reshetnikova & Pugacheva, 2022) (Figure 3).

¹ One million robots work in car industry worldwide — New record. *IFR Press Room — 2023*. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/one-million-robots-work-in-car-industry-worldwide-new-record>.

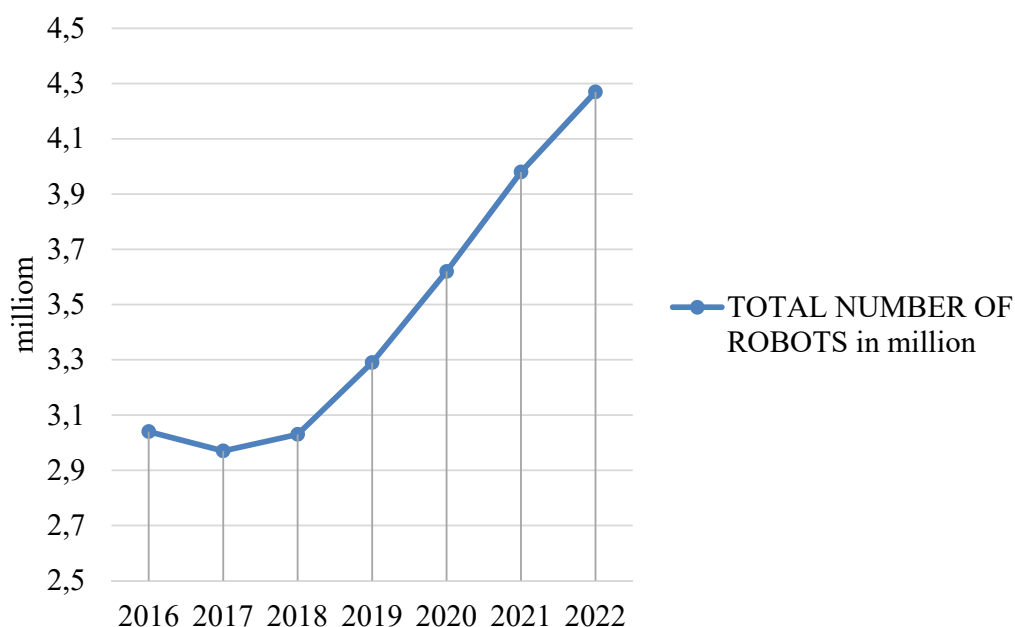

Figure 1. Number of robot installations in the world 2016–2022, million

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

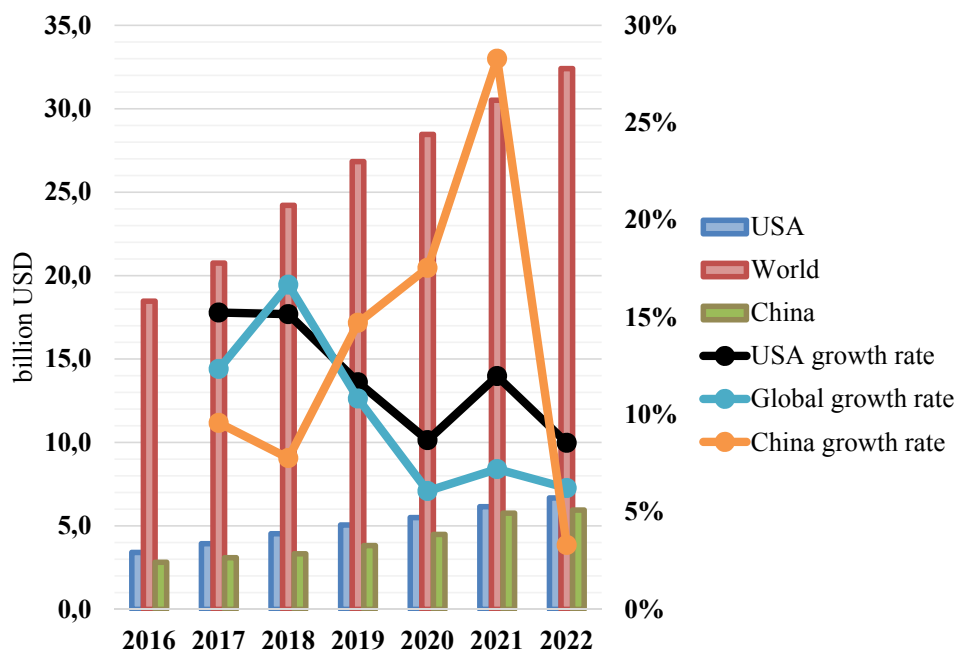

Figure 2. Global robotics industry revenue, broken down by US and Chinese, from 2016 to 2022, expressed in billion USD

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

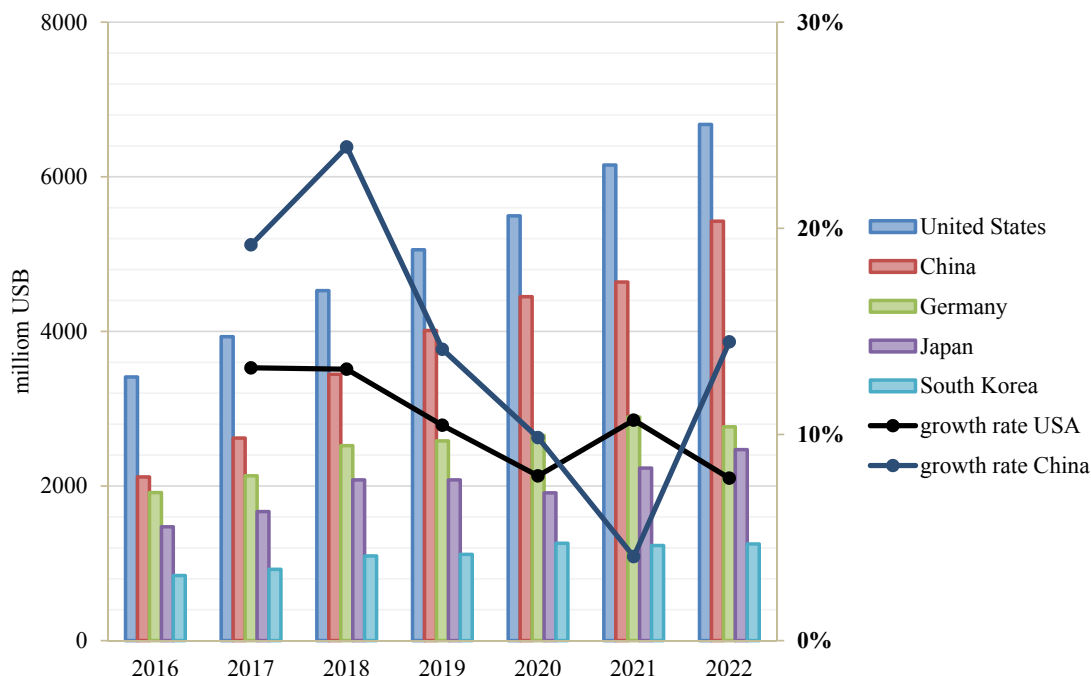

Figure 3. A comparison of the robotics industry's top 5 revenue earners from 2016 to 2022, expressed in US dollars

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

For this reason, the USA and China are actively competing in the robot industry to be deemed “the most technologically advanced country” (Zhao, 2019). Next, we’ll take a closer look at each nation’s areas of expertise and how those helped them to get these results.

Industrial robotics in China and the USA

The field of robotics known as industrial robotics focuses on automating production processes by building robots for use in manufacturing. Industrial robotics is subdivided into robots for the automotive, chemical, food, electronics, and metallurgical industries, among other industries (Hägele et al., 2016).

When we compare the positions of the USA and China in the industrial robotics industry, we can observe that China leads in terms of revenue, while the USA comes in fourth, trailing only Japan and Germany. It is reasonable to conclude that this situation resulted from China’s aggressive industrial modernization (Reshetnikova, 2020) while the US attempted to shift its polluting output to developing countries (Montgomery & Yoshihara, 2022).

It is important to mention that the United States’ share of the global revenue generated by the sale of industrial robots ranges from 14 % (2016) to 8 % (2023), with the growth rate of this revenue nearly matching the global rate. China’s share of global revenue will drop from 28 % in 2016 to 18 % in 2022 (Figure 4).

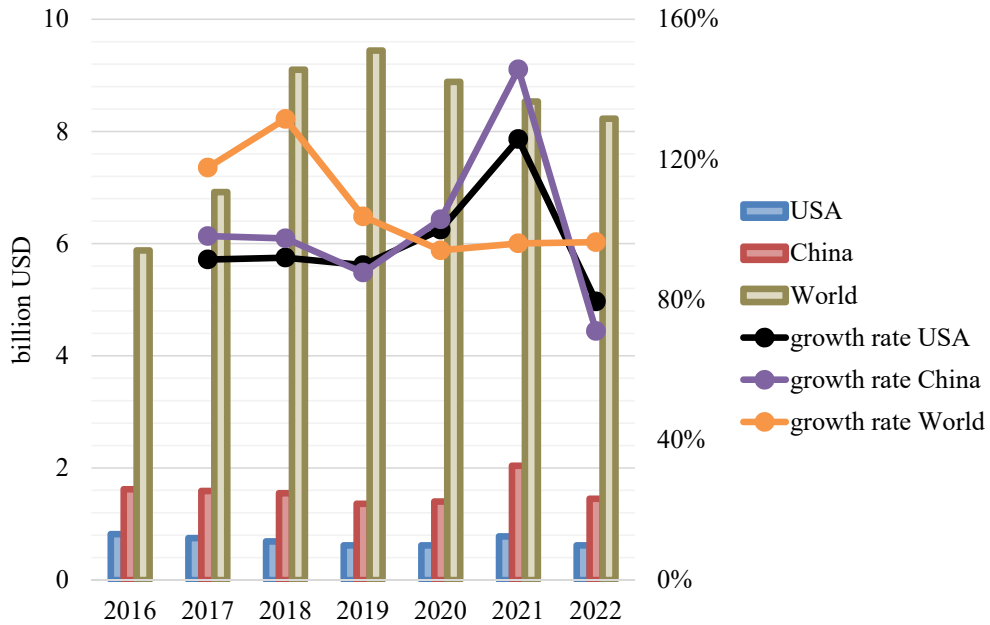

Figure 4. Industrial robotics industry's global revenue from 2016 to 2022 compared to figures from the US and China, US dollars, billion

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Analysis of industrial robot segments in China

The number of installations of new robots in China is not characterized by stable growth, but despite this, it continues to remain at a high level (Figure 5).

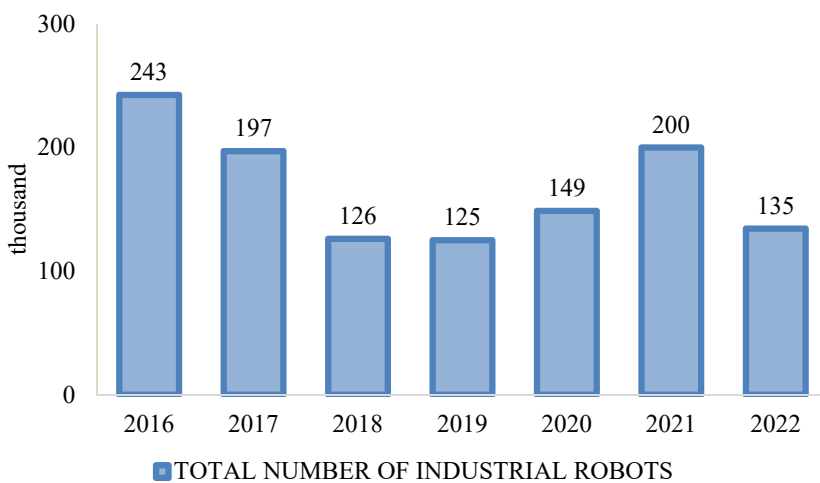

Figure 5. China's industrial robot installations from 2016 to 2022 in thousand

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Considering the most profitable segments of industrial robotics in China, we can highlight the electronics industry, as it is the most profitable, followed by metallurgical, automotive, and chemical industries (Figure 6).

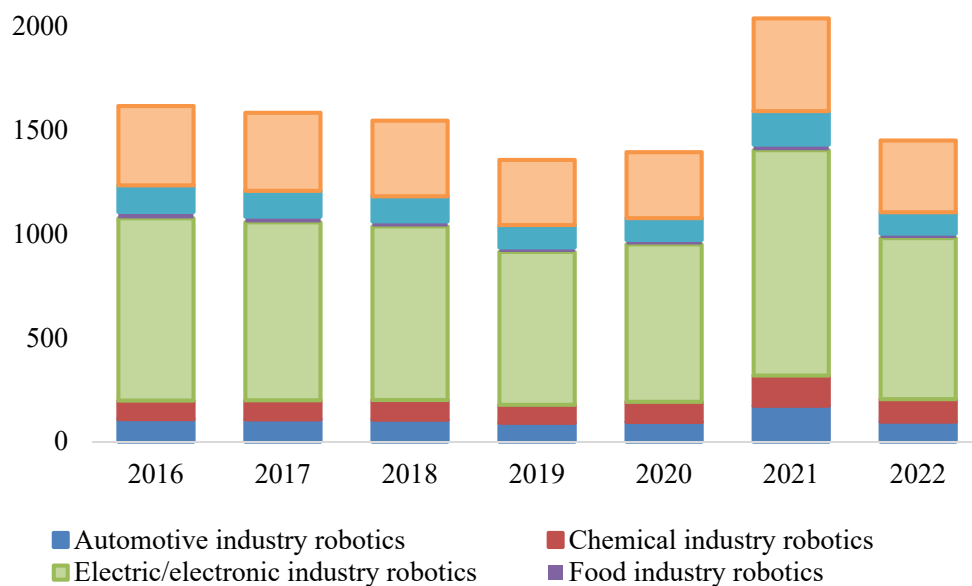

Figure 6. Industrial robotics revenue in China by segment for 2016–2022, USD million

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Considering the dynamics of revenue, it can be noted that all industries repeat the general trend: a decrease from 2017 to 2019, an increase from 2019 to 2021, and a sharp decrease in 2022. But the automobile sector stands out. It soared at an astounding 84% growth rate in 2021, but it is already seeing a significant decrease in 2022 (Cheng et al., 2019).

Thus, China actively receives the greatest income from industrial robotics in the electronics industry sub-industry; the development of the automotive and metallurgical industries also has a significant impact on the development of the industry. Revenue dynamics are unstable, presumably market fluctuations are associated with the COVID-19, which has had an impact on heavy industry; market growth during these periods is associated with the increased need for production automation.

Analysis of industrial robot segments in the USA

Let's take a closer look at the US industrial robotics market. From 2016 to 2022, the industrial robotics market in the United States has seen a slight increase in the number of robot installations; the absolute increase in robots in 2022 compared to 2016 was 1,36 thousand robots (Figure 7).

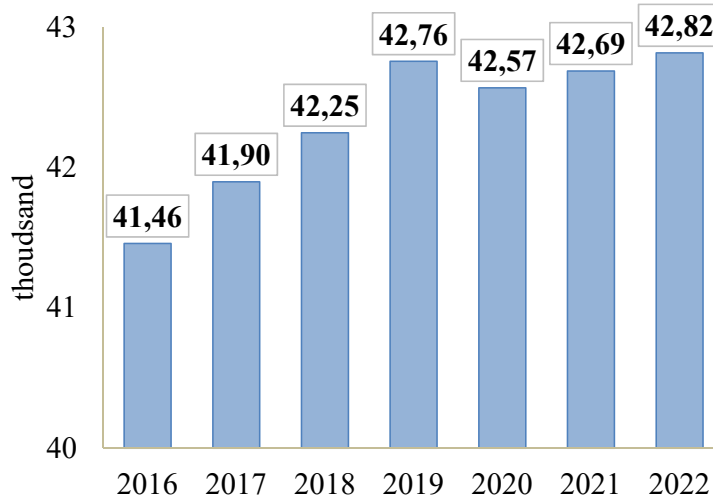

Figure 7. Number of new installations of industrial robots in the US 2016–2022, thousand
 Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics.
 Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

The analysis of US industrial robotics market showed that the highest income in 2016–2022 comes from segments such as the electronic and automotive robotics industries, while the food and metallurgical industries turned out to be the least profitable (Figure 8).

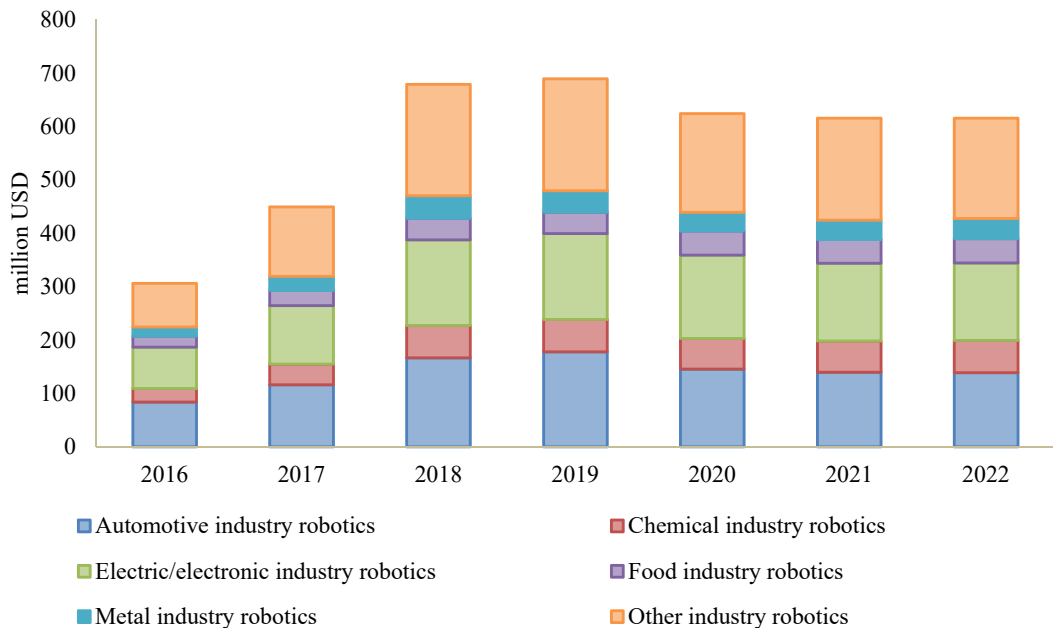

Figure 8. US Industrial Robotics Revenue by Segment, 2016–2022, million US dollars
 Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics.
 Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Nonetheless, a thorough analysis of revenue dynamics in different segments reveals a notable reduction in revenue growth rates since 2018, affecting all business sectors. Industries including the food, chemical, and metallurgical sectors all had negative growth rates in 2019; by 2020, all sectors had negative growth rates, with the food sector having the highest growth rate at 13.2%; by 2022, the food, chemical, and metallurgical sectors had growth rates; growth rates in the electronics and automotive sectors remained negative (Figure 9).

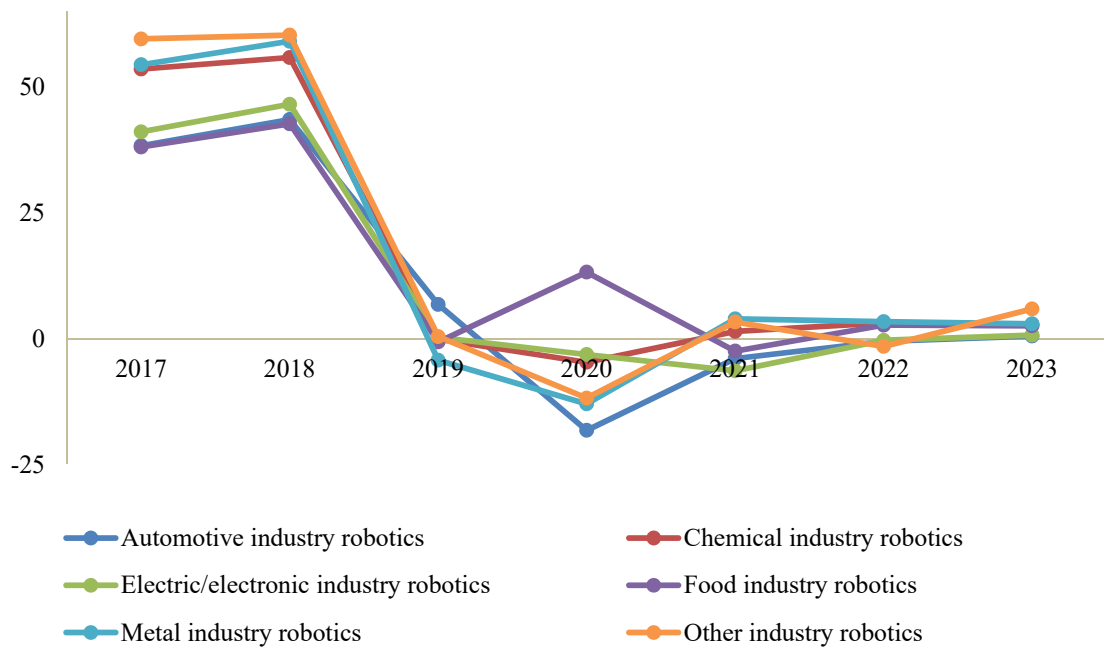

Figure 9. Change in US industrial robotics revenue by segment, percentage, 2017–2022

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

As a result, the US industrial sector is still making significant investments in robotics and automation. The primary driver of this process is the growing trend towards production automation; the use of robots in the manufacturing process can boost US industry's competitiveness internationally, retain domestic production, and even bring back country-outsourced production (Christensen et al., 2021).

Service robotics in the USA and China

From 2016 to 2023, the United States leads the service robotics market, outpacing China, Germany, Japan, and the United Kingdom (Figure 10).

When it comes to the service robotics market, it is important to remember that the US accounts for 25% of the global market volume, the growth rate of revenue from service robotics sales also aligns with the global market, and China's growth rate surpasses that of the USA, but its revenue volume only accounts for 18% of the global market (Figure 11).

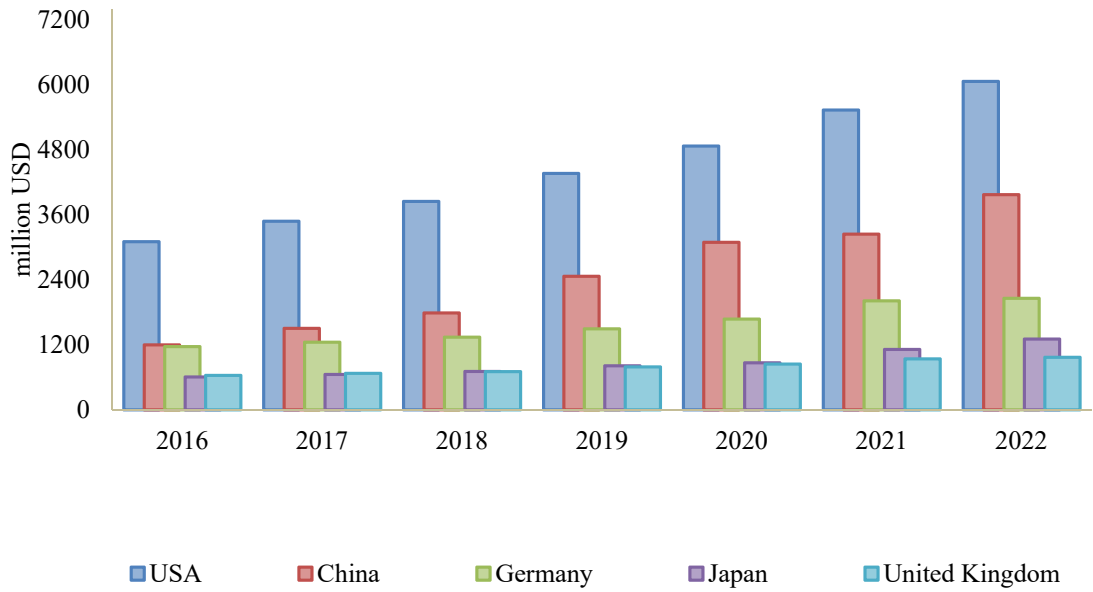

Figure 10. Comparison of the top 5 leaders in terms of revenue in the service robotics sector 2016–2022, million US dollars

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

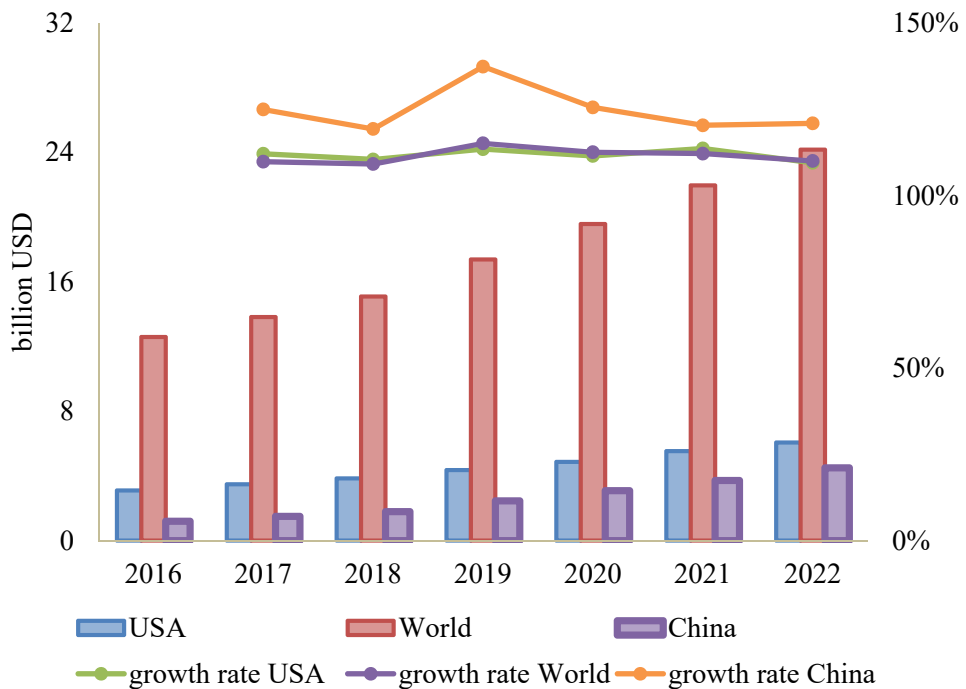

Figure 11. Comparison of global revenue with US and Chinese revenue in the service robotics industry 2016–2022, billion US dollars

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Thus, the absolute leader in the service robotics market is the United States, but China is also among the top 5 leading countries, remaining the main competitor of the United States (Gonzalez-Aguirre et al., 2021).

The US service robotics business is expanding (Merdin-Uygur & Ozturkcan, 2023). The absolute increase from 2016 to 2022 was 0,2 million robots. According to the income generated by the service robotics sectors, the consumer service segment made the most money in 2016, but from 2017 onward, the commercial service robotics segment's revenue took the lead, continuing to do so until 2022.

Considering the dynamics of the segments, it can be noted that the negative growth rate in the consumer service robotics industry in 2021, presumably associated with the COVID-19 epidemic, and on the contrary, the growth rate in the commercial service robotics segment, in 2021 the growth rate was 26,8%, which is almost twice as much as in the previous year (Figure 12).

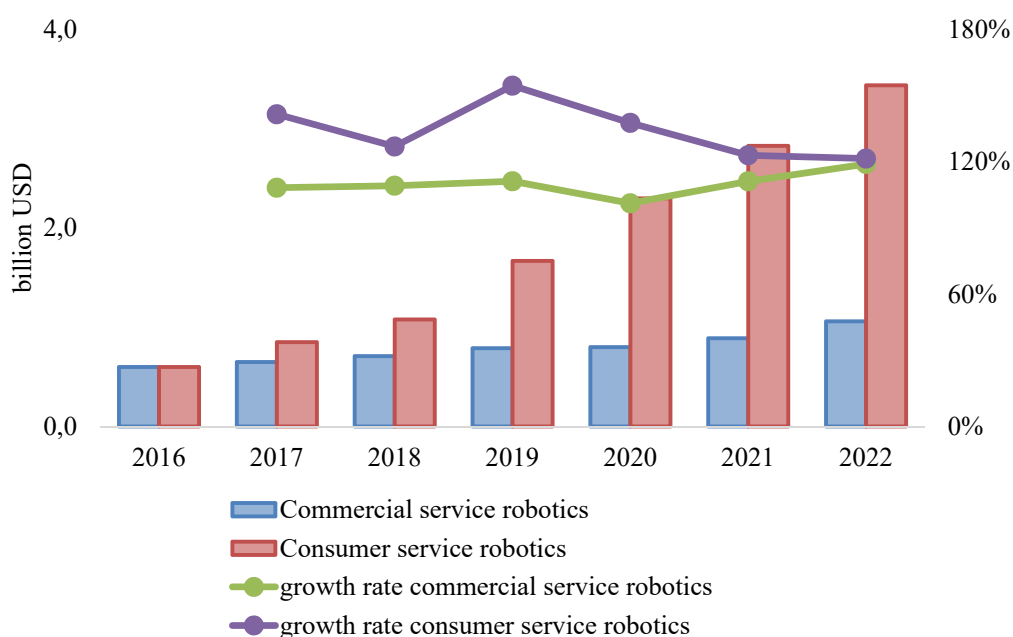

Figure 12. Volume and dynamics of the service robotics industry segment in the USA 2016–2022, billion US dollars

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Analysis of the service robotics market in China

Looking at the number of installations of service robots in China, a steady growth of 13% can be seen, indicating an increasing demand for service robots in China (Figure 13). This situation will certainly lead to an increase in the volume of the market itself, opening up new opportunities for China in this segment (Chi et al., 2023).

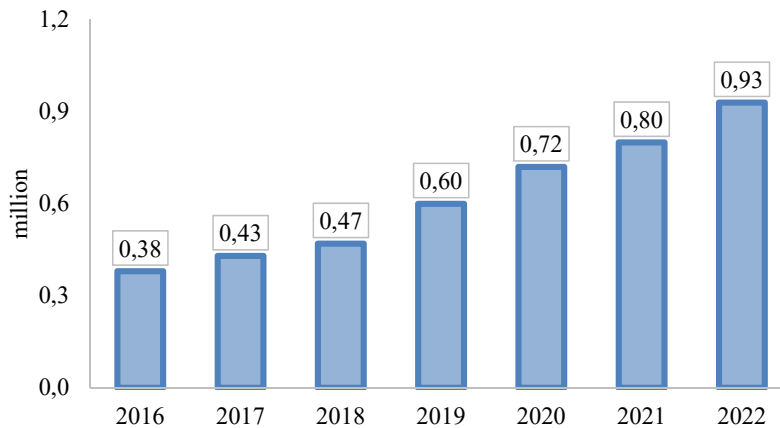

Figure 13. Number of new installations of service robots in China 2016–2022, mln

Source: compiled by the authors based on IFR report: International Federation of Robotics. Retrieved September 9, 2023, from <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-sales-rise-again>

Analyzing the volume and dynamics of revenue from the service robotics segments, we see that the consumer service segment generates the most income, while commercial service robotics is less profitable. However, it should be noted that the growth rate of consumer service robotics is gradually decreasing, in contrast to commercial service, the growth rate of which has been positive since 2020. Thus, the service robotics market is a promising development direction for China. One of the market growth areas is the development of smart cities in China, as well as projects in the healthcare sector (Yu et al., 2023; Reshetnikova et al., 2021). Thanks to the support of the Government, as well as the systematic demand for service robots in the implementation of these projects, service robotics in China will be able to reach a new level.

Factors influencing the development of robotics

The amount of money invested in the robotics technology sector is one of the primary factors driving the robotics market's growth. The US is making significant investments in science, particularly robotics advancement. As a result, almost 40 % of global R&D investment comes from the US; interestingly, the US investment growth rate follows the global trend.

Examining the government's projects in greater detail allows us to identify a number of initiatives, such as:

1. The goal of the DARPA Robotics Challenge program is to create rescue robots that can function in harsh environments, like earthquakes and other calamities (Chung et al., 2023).
2. The NASA Aeronautics Research Mission Directorate program, which carries out studies on unmanned aerial vehicles.
3. The National Robotics Initiative seeks to promote robotics research and development across a range of domains, including industry and medical (Yip et al., 2023).

4. The Advanced Manufacturing Partnership initiative, which focuses on creating new manufacturing technologies, such as robotic systems for process automation (Sunley et al., 2023).

Furthermore, to revive the nation's production of chips and electronic systems, the federal government is investing in businesses, offering tax breaks, assisting with the building of factories, and other measures that will catapult the robotics sector in the United States to unprecedented heights (Isik et al., 2023).

These and other robotics initiatives foster education, commercialization, and innovation in the US robotics industry. It is important to note that several prestigious US colleges, including Stanford, MIT, and Carnegie Mellon, also fund their robotics research projects with government money.

One of the main things affecting the growth of the robotics sector is high-quality education. The US government has boosted annual investments on public schooling over the past 20 years, making the country's educational system among the most advanced in the world. Numerous academic institutions provide robotics curricula that provide students with the necessary knowledge and abilities to pursue careers in the industry (Darmawansah et al., 2023).

The development of the robotics industry is also influenced by factors such as cloud computing and 5G networks; ESG, as well as active robotization of production (Asif et al., 2023); development of the electric automotive industry. Why does the industry need each of these factors?

5G is a generation of mobile Internet with much higher bandwidth. Latency is one of the main concerns of robotics developers as it greatly limits robots. However, it is a reliable mobile network that can make it possible to introduce artificial intelligence into robots, so the robot will navigate much better in space and carry out any activity without special programming (Ness et al., 2023). In general, the development of robotics as an industry is influenced by the telecommunications sector, since the availability of the Internet, the number of cellular subscribers, etc. provide the infrastructure necessary for the functioning of the industry. Thus, over the past 20 years, the average Internet connection speed in the United States has been growing, just as international Internet bandwidth has been increasing.

As a result, the US government is actively encouraging the growth of the robotics sector. It builds the infrastructure required for the industry to operate, enacts legislation that facilitates business dealings in the region by lowering taxes, for example, actively invests in education and research and development, and establishes unique government initiatives to support the industry's growth.

Factors influencing robotics industry in China

China is actively investing in R&D, which amounts to about 30% of the global volume; it should also be noted that the volume of investments is growing annually.

Also, one of the fundamental factors influencing the development of knowledge-intensive industries, including robotics, is the number of patents in the industry

(Santarelli et al., 2023). Chinese companies such as Huawei, Tencent, Alibaba and others regularly occupy leading positions in the number of patents in technology fields.

In China, government programs have an even greater impact on the development of the industry. Thus, among the most famous programs developing robotics in the country are:

- “Made in China 2025” is an initiative pursuing the goal of developing high-tech industries, including robotics, so by the end of 2025 China aims to cover 70 % of the domestic market with domestic developments, including intellectual property rights, and also that domestic companies creating robots enter the top 5 best in the world (Karabegović et al., 2023);
- “New Generation Artificial Intelligence Development Plan” — a project to create an artificial intelligence industry by 2030 so that China begins to lead in this area (Reshetnikova & Mikhaylov, 2023);
- The “One Belt — One Road” initiative, a project aimed at creating a global infrastructure to strengthen economic ties between countries, partially affects robotics specifically in the field of infrastructure solutions (Westphal & Wang, 2023);
- Creation of demonstration zones — cities, which also include robotic systems, among such cities are: Chengdu, Shenzhen and Hangzhou (Lin et al., 2023);

As a result, government initiatives and investments are among the main drivers of the Chinese robot industry’s growth. In addition, the industry’s overall growth will have an impact on the sector’s development, so the expansion of the Chinese economy naturally contributes to the sector’s proliferation.

Conclusion

Based on the research, we can say that the robotics industry is dynamically developing, promising and profitable, and the USA and China are the main players in this market, shaping it, leading it, creating trends and tendencies. As a result, we can say that at the moment the USA and China have occupied their niches. China leads the market for industrial robots, while the United States leads the market for service robots. Both countries invest in the development of the industry, develop government programs that support it, and create infrastructure that facilitates its development.

In conclusion, we would like to note that the situation in the robotics market is not stable, because this is a high-precision industry, much in its development will depend on the further policies of states, TNCs, the spread of the Internet and research in this industry, therefore our main task in further research is monitoring market dynamics in these countries.

References

- Asif, M., Searcy, C., & Castka, P. (2023). ESG and Industry 5.0: The role of technologies in enhancing ESG disclosure. *Technological Forecasting and Social Change*, 195, 122806. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122806>

- Čapek, K. (2023). *RUR (Rossum's Universal Robots): A Fantastic Melodrama in Three Acts and an Epilogue*. Good Press.
- Cheng, H., Jia, R., Li, D., & Li, H. (2019). The rise of robots in China. *Journal of Economic Perspectives*, 33(2), 71–88. <https://doi.org/10.1257/jep.33.2.71>
- Chi, O.H., Chi, C.G., Gursoy, D., & Nunkoo, R. (2023). Customers' acceptance of artificially intelligent service robots: The influence of trust and culture. *International Journal of Information Management*, 70, 102623. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2023.102623>
- Christensen, H., Amato, N., Yanco, H., Mataric, M., Choset, H., Drobnis, A., Goldberg, K., Grizzle, J., Hager, G., Hollerbach, J., Hutchinson, S., Krovi, V., Lee, D., Smart, W.D., Trinkle J., & Sukhatme, G. (2021). A roadmap for us robotics—from internet to robotics 2020 edition. *Foundations and Trends® in Robotics*, 8(4), 307–424. <http://dx.doi.org/10.1561/23000000066>.
- Chung, T.H., Orekhov, V., & Maio, A. (2023). Into the Robotic Depths: Analysis and Insights from the DARPA Subterranean Challenge. *Annual Review of Control, Robotics, and Autonomous Systems*, 6, 477–502. <https://doi.org/10.1146/annurev-control-062722-100728>
- Darmawansah, D., Hwang, G.J., Chen, M.R., A., & Liang, J.C. (2023). Trends and research foci of robotics-based STEM education: a systematic review from diverse angles based on the technology-based learning model. *International Journal of STEM Education*, 10(1), 1–24. <https://doi.org/10.1186/s40594-023-00400-3>
- Feenstra, R.C., & Sasahara, A. (2018). The 'China shock,' exports and US employment: A global input–output analysis. *Review of International Economics*, 26(5), 1053–1083. <https://doi.org/10.1111/roie.12370>
- Gonzalez-Aguirre, J.A., Osorio-Oliveros, R., Rodríguez-Hernández, K.L., Lizárraga-Iturralde, J., Morales Menendez, R., Ramírez-Mendoza, R.A., Ramírez-Moreno, M.A., Lozoya-Santos, J.d.J. (2021). Service robots: Trends and technology. *Applied Sciences*, 11(22), 10702. <https://doi.org/10.3390/app112210702>
- Hägele, M., Nilsson, K., Pires, J.N., & Bischoff, R. (2016). Industrial robotics. *Springer handbook of robotics*, 1385–1422. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32552-1_54
- Isik, O., K. Inadagbo, Y. Bulbul, M. Isik, & C. Dikmen. “International Chip Crisis: Country Approaches.” *Proceedings of IConSES* (2023).
- Karabegović, I., Husak, E., Karabegović, E., & Mahmić, M. (2023, May). Robotic Technology as the Basis of Implementation of Industry 4.0 in Production Processes in China. In *International Conference “New Technologies, Development and Applications”* (pp. 3–18). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-31066-9_1
- Lin, Y., Hu, W., Chen, X., Li, S., & Wang, F.Y. (2023). City 5.0: Towards spatial symbiotic intelligence via DAOs and parallel systems. *IEEE Transactions on Intelligent Vehicles*. <https://doi.org/10.1109/TIV.2023.3298903>
- Merdin-Uygur, E., & Ozturkcan, S. (2023). Consumers and service robots: Power relationships amid COVID-19 pandemic. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 70, 103174. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2022.103174>
- Montgomery, E.B., & Yoshihara, T. (2022). The Real Challenge of China's Nuclear Modernization. *The Washington Quarterly*, 45(4), 45–60. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2022.2148508>
- Ness, S., Shepherd, N.J., & Xuan, T.R. (2023). Synergy Between AI and Robotics: A Comprehensive Integration. *Asian Journal of Research in Computer Science*, 16(4), 80–94. <https://doi.org/10.9734/ajrcos/2023/v16i4372>
- Reshetnikova, M.S., Vasileva, G.A., & Tretyakova, S.S. (2021). China's place in the global smart city market. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 11(4), 1997–2018. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.113971>

- Reshetnikova, M.S., & Mikhaylov, I.A. (2023). Artificial Intelligence Development: Implications for China. *Montenegrin Journal of Economics*, 19(1), 139–152. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2023.19-1.12>
- Reshetnikova, M.S., & Pugacheva, I.A. (2022). The Global Industrial Robotics Market: Development Trends and Volume Forecast. In *Current Problems of the World Economy and International Trade* (pp. 187–195). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S0190-128120220000042018>
- Reshetnikova, M.S. (2020). China's AI experience: Industrial digitalization. *RUDN Journal of Economics*, 28(3), 536–546. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-283-536-546>.
- Santarelli, E., Staccioli, J., & Vivarelli, M. (2023). Automation and related technologies: a mapping of the new knowledge base. *The Journal of Technology Transfer*, 48(2), 779–813. <https://doi.org/10.1007/s10961-021-09914-w>
- Sunley, P., Evenhuis, E., Harris, J., Harris, R., Martin, R., & Pike, A. (2023). Renewing industrial regions? Advanced manufacturing and industrial policy in Britain. *Regional Studies*, 57(6), 1126–1140. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1983163>
- Westphal, T., & Wang, R. (2023). Artificial intelligence with Chinese characteristics: national strategy, security and authoritarian governance. *International Affairs*, 99(1), 410–411. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaac269>
- Yip, M., Salcudean, S., Goldberg, K., Althoefer, K., Menciasci, A., Opfermann, J.D., ..., & Lee, I.C. (2023). Artificial intelligence meets medical robotics. *Science*, 381(6654), 141–146. <https://doi.org/10.1126/science.adj3312>
- Yu, L., Wang, Y., Wei, X., & Zeng, C. (2023). Towards low-carbon development: The role of industrial robots in decarbonization in Chinese cities. *Journal of Environmental Management*, 330, 117216. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.117216>
- Zhao, M. (2019). Is a new Cold War inevitable? Chinese perspectives on US–China strategic competition. *The Chinese Journal of International Politics*, 12(3), 371–394. <https://doi.org/10.1093/cjip/poz010>

Bio notes / Сведения об авторах

Marina S. Reshetnikova, PhD, Assistant Professor of Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0003-2779-5838. E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

Решетникова Марина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-2779-5838. E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

Svetlana S. Tretyakova, student, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032201952@rudn.ru

Третьякова Светлана Сергеевна, студент, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032201952@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-170-186

EDN: RSTYOQ

УДК 330.342.24.

Научная статья / Research article

Духовность в реалиях цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин

Е.Г. Попкова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ 210471@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено определению последствий цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин с позиций духовности. С помощью метода регрессионного анализа осуществляется эконометрическое моделирование влияния распространения искусственного интеллекта (по оценке Tortois) на человеческое развитие (по оценке UNDP) в 2022 г. Полученные количественные результаты дополняются качественным исследованием с опорой на методологию неоинституционализма методом критического анализа для выявления скрытых угроз искусственного интеллекта для духовности, не отражаемых в официальной статистике. В результате сделан вывод о том, что распространение искусственного интеллекта оказывает противоречивое влияние на общество. Количественный анализ официальной статистики показал, что распространение искусственного интеллекта не только не тормозит, но даже ускоряет человеческое развитие. При этом качественный анализ указал на скрытые угрозы цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин для духовности, требующие внимания и нейтрализации посредством управления распространением искусственного интеллекта. Приводится научная трактовка этих потенциальных проблем распространения искусственного интеллекта как «институциональных ловушек». В их числе: 1) «ловушка» перехода от одухотворенного человеком труда к обезличенному производству в процессе автоматизации; 2) «ловушка» духовно-нравственной оценки высвобождения кадров под влиянием автоматизации; 3) «ловушка» устранения духовной компоненты из социальных коммуникаций при их переходе в человеко-машинный формат; 4) «ловушка» искажения духовности в «кривом зеркале» искусственного интеллекта при бездумном копировании социально-нравственных оценок людей; 5) «ловушка» перехода от духовно-нравственного осмысления ситуации к «слепой вере» искусственному интеллекту при интеллектуальной поддержке принятия решений (рациональность = бездушность). Уникальность исследования и его теоретическая значимость состоит в том, что она впервые раскрыла и систематизировала социально-этические аспекты распространения искусственного интеллекта. Практическая значимость полученных новых

© Попкова Е.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

научных результатов связана с тем, что они выявили перспективу совершенствования управления распространением искусственного интеллекта. Чтобы минимизировать риск деградации личности, то есть достичь непротиворечивого всестороннего человеческого развития в эпоху развития интеллектуальных машин, рекомендовано уделять внимание вопросам духовности. Это обеспечит гуманизацию искусственного интеллекта, тем самым оптимизировав его влияние на общество.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация общества, интеллектуальные машины, человеческое развитие, духовность

История статьи: поступила в редакцию 15 октября 2023 г.; проверена 14 ноября 2023 г.; принята к публикации 7 декабря 2023 г.

Для цитирования: Попкова Е.Г. Духовность в реалиях цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 170–186. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-170-186>

Spirituality in the realities of digitalization of society in the era of intelligent machines development

Elena G. Popkova

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ 210471@mail.ru

Abstract. The study is devoted to determining the consequences of the digitalization of society in the era of the development of intelligent machines from the perspective of spirituality. Using the regression analysis method, econometric modeling of the impact of the spread of artificial intelligence (according to Tortois) on human development (according to UNDP) in 2022 is carried out. The obtained quantitative results are complemented by qualitative research based on the methodology of neo-institutionalism using a critical analysis method to identify hidden threats of artificial intelligence for spirituality, not reflected in official statistics. As a result, it was concluded that the spread of artificial intelligence has a contradictory impact on society. A quantitative analysis of official statistics showed that the spread of artificial intelligence not only does not slow down, but even accelerates human development. At the same time, qualitative analysis pointed to hidden threats to the digitalization of society in the era of the development of intelligent machines for spirituality, requiring attention and neutralization by managing the spread of artificial intelligence. A scientific interpretation of these potential problems of the spread of artificial intelligence as “institutional traps” is given. These include: 1) the “trap” of the transition from human-inspired labor to impersonal production in the process of automation; 2) the “trap” of the spiritual and moral assessment of the release of personnel under the influence of automation; 3) the “trap” of eliminating the spiritual component from social communications during their transition to a human-machine format; 4) the “trap” of distortion of spirituality in the “distorting mirror” of artificial intelligence when mindlessly copying people’s social and moral assessments; 5) the “trap” of the transition from spiritual and moral understanding of the situation to “blind faith” in artificial intelligence with intellectual support for decision-making (rationality = soullessness). The uniqueness of the article and its theoretical significance lies in the fact that it was the first to reveal and systematize the socio-ethical aspects of the spread of artificial intelligence. The

practical significance of the new scientific results obtained in the article is due to the fact that they revealed the prospect of improving the management of the spread of artificial intelligence. In order to minimize the risk of personality degradation, that is, to achieve consistent comprehensive human development in the era of the development of intelligent machines, it is recommended to pay attention to issues of spirituality. This will ensure the humanization of artificial intelligence, thereby optimizing its impact on society.

Keywords: artificial intelligence, digitalization of society, intelligent machines, human development, spirituality

Article history: received October 15, 2023; revised November 14, 2023; accepted December 7, 2023.

For citation: Popkova, E.G. (2024). Spirituality in the realities of digitalization of society in the era of intelligent machines development. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 170–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-170-186>

Введение

Четвертая промышленная революция привнесла в технологическое развитие хозяйственных систем прорывную инновацию — средства автоматизации теперь наделены искусственным интеллектом. Став мыслящими по своим машинным алгоритмам, они получили название интеллектуальных машин. Поскольку автоматизация в этом новом ключе повсеместно охватила все области и сферы хозяйственной деятельности и получает все большее распространение, современный период в истории научно-технического прогресса можно назвать эпохой интеллектуальных машин.

Начавшись в экономической сфере, цифровизация распространилась на социальную сферу, что вызвало серьезные трансформации общественного устройства. Проблема заключается в том, что искусственный интеллект (ИИ) возник для преодоления «человеческого фактора» как, в частности, проявления духовно-нравственной оценки окружающей реальности.

В связи с этим вместе с негативными проявлениями человеческого интеллекта, такими как излишняя эмоциональность, усталость и ошибки, замещающий его искусственный интеллект потенциально может устранять и позитивные проявления человеческого интеллекта: ответственность, сочувствие и др., связанные с духовностью. Этим определяется актуальность исследования последствий цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин для духовности. **Цель исследования** — определение последствий цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин с позиций духовности.

Материалы и методы

Социально-этические аспекты распространения искусственного интеллекта достаточно подробно изучены и освещены в существующей литературе. В имеющихся публикациях отмечается опасность искусственного интеллекта для человека с точки зрения этики из-за нарушения границ личного социально-

го пространства (Chen et al., 2023), а также из-за переосмысления возможностей человеческого интеллекта в сравнении с превосходящим его по ряду возможностей искусственным интеллектом (на примере ChatGPT) (Li, 2023).

В то же время в литературе также указывается на то, что благодаря использованию контролируемого машинного обучения и объяснимого, предсказуемого искусственного интеллекта расширяются возможности прогнозирования и улучшается понимание решений и действий человека во время совместных человеко-машинных операций (Auletta et al., 2023). Отмечаются преимущества искусственного интеллекта, связанные с преодолением ограничений контроля человека ввиду гораздо большей предсказуемости искусственного интеллекта при выполнении рутинных задач (Kandul et al., 2023).

Также распространена точка зрения о том, что искусственный интеллект должен быть человеко-ориентированным — гуманным (Chun and Elknis, 2023), к примеру, для этого искусственный интеллект может расширять границы человеческих знаний и поддерживать обучение в течение всей жизни (Mairn и Rosengarten, 2023). При этом сохраняется неопределенность приоритетов разработчиков и мнений пользователей в отношении того, где находится человек в человекоцентричном искусственном интеллекте (Bingley и др., 2023).

В существующей литературе также отмечается социальный эффект искусственного интеллекта, заключающийся в том, что люди оценивают человеческие качества как более важные для того, чтобы быть человеком, после того, как узнали о достижениях в области искусственного интеллекта (Santoro, Monin, 2023).

Большое внимание в литературе уделено преимуществам внедрения искусственного интеллекта в управление человеческими ресурсами как способа повышения эффективности данной управленческой практики (Agarwal, 2023; Chowdhury и др., 2023). В труде (Raine, 2023) отмечен эволюционный переход индивидуальности человека в процессе распространения искусственного интеллекта, заключающийся в том, что индивидуальность людей теперь измеряется не их отличиями от других людей, а их особенностями по сравнению с «умными» машинами.

Вместе с тем последствия для духовности недостаточно проработаны, что является пробелом в литературе. Выявленный пробел вызывает исследовательский вопрос: «Как распространение искусственного интеллекта влияет на человеческое развитие?». В опубликованной литературе приводятся отдельные предположения относительно данного вопроса, который тем не менее остается открытым. К примеру, в работе (Lin, 2023) представлен буддийский взгляд на этику искусственного интеллекта, отражающий его критику из-за недостаточной духовности, передающейся использующим его людям.

С опорой на имеющуюся литературу (Воробьев, 2022; Головенчик, 2022; Дубровский, 2022; Корелин, 2023; Трегубова и Пшегорницкая, 2022; Хаддур, 2023; Хохлов, 2023; Швырков, 2022; Шелковников и Кузнецова, 2022; Digilina, Teslenko, Nalbandyan, 2023) в данном исследовании выдвигается следующая гипотеза: распространение искусственного интеллекта приводит к деградации личности, то есть тормозит человеческое развитие.

Методология исследования опирается на метод регрессионного анализа, с помощью которого осуществляется эконометрическое моделирование влияния распространения искусственного интеллекта (по оценке Tortois) на человеческое развитие (по оценке UNDP) в 2022 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Статистика распространения искусственного интеллекта
и человеческого развития в 2022 г., баллы 1–100**

Страна	Индекс человеческого развития: ИЧР	Индекс распространения ИИ: РИИ
1	2	3
Аргентина	0,842	17,5
Армения	0,759	14,5
Австралия	0,951	30,9
Австрия	0,916	27,7
Бахрейн	0,875	13,5
Бельгия	0,937	26,6
Бразилия	0,754	22,1
Канада	0,936	40,3
Чили	0,855	20,2
Китай	0,768	61,5
Колумбия	0,752	17,8
Чехия	0,889	22,1
Дания	0,948	30,5
Египет	0,731	16,9
Эстония	0,890	26,0
Финляндия	0,940	34,9
Франция	0,903	32,8
Германия	0,942	39,2
Греция	0,887	18,3
Венгрия	0,846	20,7
Исландия	0,959	20,6
Индия	0,633	31,4
Индонезия	0,705	18,2
Ирландия	0,945	28,8
Израиль	0,919	40,0
Италия	0,895	26,5
Япония	0,925	33,9
Кения	0,575	8,3

1	2	3
Литва	0,875	19,7
Люксембург	0,930	29,2
Малайзия	0,803	19,6
Мальта	0,918	22,4
Мексика	0,758	16,9
Марокко	0,683	13,6
Нидерланды	0,941	34,5
Новая Зеландия	0,937	21,6
Нигерия	0,535	9,3
Норвегия	0,961	26,4
Пакистан	0,544	10,1
Польша	0,876	24,8
Португалия	0,866	23,7
Катар	0,855	19,8
Российская Федерация	0,822	23,7
Саудовская Аравия	0,875	23,3
Сингапур	0,939	49,7
Словакия	0,848	17,1
Словения	0,918	21,5
Южная Африка	0,713	14,1
Южная Корея	0,925	40,3
Испания	0,905	27,7
Шри-Ланка	0,782	10,0
Швеция	0,947	30,3
Швейцария	0,962	37,7
Тунис	0,731	13,7
Турция	0,838	20,6
Объединенные Арабские Эмираты	0,911	23,9
Великобритания	0,929	41,8
США	0,921	100,0
Уругвай	0,809	16,3
Вьетнам	0,703	18,0

Источник: составлено автором на основе материалов: Global AI Index. Tortois. URL: <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/> (accessed: 20.09.2023); Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indices/HDI> (accessed: 20.09.2023).

**Statistics on the spread of artificial intelligence and human development in 2022,
points 1–100**

Country	“Human Development Index”	“Global AI index”
1	2	3
Argentina	0.842	17.5
Armenia	0.759	14.5
Australia	0.951	30.9
Austria	0.916	27.7
Bahrain	0.875	13.5
Belgium	0.937	26.6
Brazil	0.754	22.1
Canada	0.936	40.3
Chile	0.855	20.2
China	0.768	61.5
Colombia	0.752	17.8
Czechia	0.889	22.1
Denmark	0.948	30.5
Egypt	0.731	16.9
Estonia	0.890	26.0
Finland	0.940	34.9
France	0.903	32.8
Germany	0.942	39.2
Greece	0.887	18.3
Hungary	0.846	20.7
Iceland	0.959	20.6
India	0.633	31.4
Indonesia	0.705	18.2
Ireland	0.945	28.8
Israel	0.919	40.0
Italy	0.895	26.5
Japan	0.925	33.9
Kenya	0.575	8.3
Lithuania	0.875	19.7
Luxembourg	0.930	29.2

1	2	3
Malaysia	0.803	19.6
Malta	0.918	22.4
Mexico	0.758	16.9
Morocco	0.683	13.6
Netherlands	0.941	34.5
New Zealand	0.937	21.6
Nigeria	0.535	9.3
Norway	0.961	26.4
Pakistan	0.544	10.1
Poland	0.876	24.8
Portugal	0.866	23.7
Qatar	0.855	19.8
Russian Federation	0.822	23.7
Saudi Arabia	0.875	23.3
Singapore	0.939	49.7
Slovakia	0.848	17.1
Slovenia	0.918	21.5
South Africa	0.713	14.1
South Korea	0.925	40.3
Spain	0.905	27.7
Sri Lanka	0.782	10.0
Sweden	0.947	30.3
Switzerland	0.962	37.7
Tunisia	0.731	13.7
Turkey	0.838	20.6
United Arab Emirates	0.911	23.9
United Kingdom	0.929	41.8
United States	0.921	100.0
Uruguay	0.809	16.3
Viet Nam	0.703	18.0

Source: compiled by the author based on materials: Global AI Index. Tortois. Retrieved from <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/> (accessed: 09.20.2023); Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed: 09.20.2023)

Полученные количественные результаты дополняются качественным исследованием с опорой на методологию неоинституционализма методом критического анализа для выявления скрытых угроз искусственного интеллекта для духовности, не отражаемых в официальной статистике.

Результаты

Для проверки выдвинутой гипотезы с опорой на статистику из табл. 1 проведен регрессионный анализ зависимости человеческого развития от распространения искусственного интеллекта в 2022 г. Его результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

Регрессионный анализ зависимости человеческого развития от распространения искусственного интеллекта в 2022 г.

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,4589
R-квадрат	0,2106
Нормированный R-квадрат	0,1970
Стандартная ошибка	0,0963
Наблюдения	60

Дисперсионный анализ						
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>	
Регрессия	1	0,1434	0,1434	15,4717	0,0002	
Остаток	58	0,5377	0,0093			
Итого	59	0,6811				
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	0,7560	0,0263	28,7218	5,5*10 ⁻³⁶	0,7033	0,8087
Global AI index	0,0035	0,0009	3,9334	0,0002	0,0017	0,0053

Источник: рассчитано и составлено автором.

**Regression analysis of the dependence of human development
on the spread of artificial intelligence in 2022**

Regression statistics	
Plural R	0.4589
R-square	0.2106
Normalized R-squared	0.1970
Standard error	0.0963
Observations	60

Analysis of variance					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	0.1434	0.1434	15.4717	0.0002
Remainder	58	0.5377	0.0093		
Total	59	0.6811			

	Coefficients	Standard error	t-statistics	P-Value	Bottom 95 %	Top 95 %
Y-intersection	0.7560	0.0263	28.7218	5.5*10 ⁻³⁶	0.7033	0.8087
Global AI index	0.0035	0.0009	3.9334	0.0002	0.0017	0.0053

Source: calculated and compiled by the author.

Результаты из табл. 2 свидетельствуют о том, что в 2022 г. человеческое развитие на 45,89 % определяется влиянием распространения искусственного интеллекта. На основе результатов регрессионного анализа составлена эконометрическая модель влияния распространения искусственного интеллекта на человеческое развитие:

$$\text{ИЧР} = 0,7560 + 0,0035\text{РИИ}. \quad (1)$$

Модель (1) свидетельствует о том, что при повышении уровня распространения искусственного интеллекта на 1 балл уровень человеческого развития возрастает на 0,0035 балла. Это опровергает выдвинутую в имеющейся литературе гипотезу и свидетельствует о том, что распространение искусственного интеллекта благоприятствует человеческому развитию. Однако дополнение

количественного анализа качественным анализом выявило скрытые угрозы искусственного интеллекта для духовности.

В то время как по мере распространения искусственного интеллекта происходит общее человеческое развитие (к примеру, создаются более знаниеемкие рабочие места, раскрываются таланты цифровых кадров, совершенствуются медицинские услуги), духовность общества снижается, так как ей нет места в цифровом коде. Это является серьезной социально-культурной проблемой современности. Указанная проблема проявляется в виде «институциональных ловушек» сохранения духовности в реалиях цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин. Рассмотрим эти «ловушки» более подробно.

«Ловушка» 1: Переход от одухотворенного человеком труда к обезличенному производству в процессе автоматизации. Социально-экономическая сущность данной ловушки состоит в следующем:

- бездушное проектирование промышленных товаров, лишенных духовного смысла;
- массовое производство лишенных индивидуальности (обезличенных) шаблонных промышленных товаров, сильные бренды которых вместо того чтобы подчеркивать уникальность (элитарность) их владельцев, превращают их в «серую массу»;
- отход духовных потребностей на второй план при выходе на первый план материальных потребностей, преумножаемых обществом потребления.

«Ловушка» 2: Духовно-нравственная оценка высвобождения кадров под влиянием автоматизации. Социально-экономическая сущность данной ловушки состоит в следующем:

- снятие с себя социальной ответственности работодателями за работников, сокращаемых при автоматизации из-за перехода данных сокращений из экстраординарных в разряд нормальных;
- закрепление «обучения в течение всей жизни» в качестве обязательного требования к цифровым кадрам и другим работникам, претендующим на знаниеемкие рабочие места;
- отмирание социального сочувствия и общественной поддержки работников, не прошедших «естественный отбор», попавших под сокращение из-за автоматизации и длительное время остающихся безработными.

«Ловушка» 3: Устранение духовной компоненты из социальных коммуникаций при их переходе в человеко-машинный формат. Социально-экономическая сущность данной ловушки состоит в следующем:

- переход информационно-консультационных услуг, оказываемых искусственным интеллектом (чат-ботом, голосовым помощником) из разряда обмена мнениями и получения социального одобрения и моральной поддержки в разряд «сухого» обмена информацией;
- подмена живого собеседника чат-ботом для искусственного завышения активности пользователей в социальных сетях;
- исключение морально-этической оценки информации из социальных коммуникаций, субъектом которых является искусственный интеллект.

«Ловушка» 4: Искажение духовности в «кривом зеркале» искусственного интеллекта при бездумном копировании социально-нравственных оценок людей. Социально-экономическая сущность данной ловушки состоит в следующем:

- обострение гендерного неравенства на рабочих местах при интеллектуальной поддержке HR-менеджмента искусственным интеллектом;
- повышенный эйджизм при отборе кадров при интеллектуальной поддержке искусственным интеллектом;
- усиление социального неравенства в поликультурной социальной среде под контролем и управлением искусственного интеллекта;
- углубление финансового неравенства из-за бессмысленности выравнивания доходов с точки зрения искусственного интеллекта.

«Ловушка» 5: Переход от духовно-нравственного осмысления ситуации к «слепой вере» искусственному интеллекту при интеллектуальной поддержке принятия решений (рациональность = бездушность). Социально-экономическая сущность данной ловушки состоит в следующем:

- обезличивание работников как человеческих ресурсов (HR) организации, контролируемых искусственным интеллектом;
- снижение социальной ответственности HR-менеджера перед работниками при рационализации управления человеческими ресурсами на базе искусственного интеллекта;
- психологическое давление на работников, труд которых оценивается искусственным интеллектом из-за формального подхода к учету результативности при игнорировании личностных особенностей и личных жизненных ситуаций.

Перспектива сохранения духовности в реалиях цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин связана с преодолением отмеченных «институциональных ловушек», для чего предлагаются следующие рекомендации:

- популяризация (в том числе через социальную рекламу) товаров, сделанных своими руками (так называемый «хэнд мейд») и являющихся результатом одухотворенного человеком труда;
- учет социальной ответственности перед высвобождающимися кадрами при государственной поддержке частных предприятий, а также гласность этой информации перед широкой общественностью;
- введение государственного требования к обязательному информированию пользователей социальных сетей и других участников социальных коммуникаций (к примеру, при роботизированном телефонном обзвоне клиентов) о том, что их собеседником является искусственный интеллект;
- включение элементов социальной ответственности и социальной нейтральности в машинные протоколы искусственного интеллекта;
- сохранение духовно-нравственного осмысления ситуации человеком при использовании интеллектуальной поддержки принятия решений искусственного интеллекта.

Обсуждение

Полученные в этой статье результаты продолжают научную дискуссию по теме социально-этических аспектов распространения искусственного интеллекта (Agarwal, 2023; Auletta и др., 2023; Bingley и др., 2023; (Chen et al., 2023; (Chowdhury и др., 2023; Chun and Elknis, 2023; Kandul и др., 2023; Li, 2023; Mairn и Rosengarten, 2023; Rainey, 2023; Santoro и Monin, 2023). Научная новизна результатов этого исследования состоит в раскрытии нового ракурса изучения искусственного интеллекта — с позиций духовности.

Полученные в этой статье результаты вступили в противоречие с предшествующими исследованиями (Воробьев, 2022; Головенчик, 2022; Дубровский, 2022; Корелин, 2023; Трегубова и Пшегорницкая, 2022; Хаддур, 2023; Хохлов, 2023; Швырков, 2022; Шелковников и Кузнецова, 2022; Digilina и др., 2023), показав, что распространение искусственного интеллекта не только не тормозит, но даже ускоряет человеческое развитие.

Сделанный с опорой на количественный анализ официальной статистики данный вывод можно объяснить тем, что по мере распространения искусственного интеллекта человеку и как потребителю, и как работнику, необходимо осваивать все новые навыки. Это стимулирует непрерывное обучение в течение всей жизни и поддерживает социальный прогресс. В то же время качественный анализ указал на скрытые угрозы цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин для духовности, требующие внимания и нейтрализации посредством управления распространением искусственного интеллекта.

Заключение

Итак, главный авторский вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что распространение искусственного интеллекта оказывает противоречивое влияние на общество. С одной стороны, этот процесс создает мощные стимулы к человеческому развитию, поощряя знаниеемкую занятость цифровых кадров и формируя новую, высокую культуру потребления в информационном обществе, предполагающую более рациональное принятие решений о совершении покупок благодаря интеллектуальной поддержке. С другой стороны, последствия цифровизации общества в эпоху развития интеллектуальных машин с позиций духовности связаны также с рядом потенциальных проблем — «институциональных ловушек».

В их числе:

- 1) «ловушка» перехода от одухотворенного человеком труда к обезличенному производству в процессе автоматизации;
- 2) «ловушка» духовно-нравственной оценки высвобождения кадров под влиянием автоматизации;
- 3) «ловушка» устранения духовной компоненты из социальных коммуникаций при их переходе в человеко-машинный формат;

- 4) «ловушка» искажения духовности в «кривом зеркале» искусственного интеллекта при бездумном копировании социально-нравственных оценок людей;
- 5) «ловушка» перехода от духовно-нравственного осмысления ситуации к «слепой вере» искусственному интеллекту при интеллектуальной поддержке принятия решений (рациональность = бездушность).

Чтобы минимизировать риск деградации личности, то есть достичь непротиворечивого всестороннего человеческого развития в эпоху развития интеллектуальных машин, необходимо уделять внимание вопросам духовности. Это обеспечит гуманизацию искусственного интеллекта. Результаты этой статьи ограничены обоснованием ее необходимости. Разработке конкретных мер управления гуманизацией искусственного интеллекта для поддержки духовности общества в эпоху развития интеллектуальных машин предлагается посвятить дальнейшие исследования.

Список литературы

- Воробьев В.В.* Критика искусственного разума: особенности правового содержания национальной концепции искусственного интеллекта // Трибуна ученого. 2022. №9. С. 46–57.
- Головенчик Г.Г.* Цифровая экономика в Республике Беларусь: современные тенденции, вызовы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. №3. С. 414–428.
- Дубровский Д.И.* Эпистемологический анализ социогуманитарной значимости новаций искусственного интеллекта в контексте общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 10–26.
- Корелин И.М.* Влияние искусственного интеллекта на разделение труда в экономике и соотношение рыночных и плановых механизмов в экономике. Развитие искусственного интеллекта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 6–1. С. 38–44.
- Трегубова Н.Д., Пшегорницкая К.Ф.* Проблема очеловечивания технологий искусственного интеллекта в условиях искусственной социальности: случай приложения Replika // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3. С. 60–66.
- Хаддур З.А.* Искусственный интеллект и права человека: юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. № 3. С. 18–23.
- Хохлов Ю.Е.* Стандарты работы с данными для искусственного интеллекта: ландшафт стандартизации искусственного интеллекта // Информационное общество. 2023. №3. С. 78–96.
- Швырков А.И.* Искусственный интеллект как философская проблема и искусственные интеллектуальные системы // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 4. С. 670–681.
- Шелковников С.А., Кузнецова И.Г.* Концептуально-методологические основы формирования человеческого капитала в условиях перехода к цифровому сельскому хозяйству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. № 1. С. 110–123.
- Agarwal A.* AI adoption by human resource management: a study of its antecedents and impact on HR system effectiveness // Foresight. 2023. Vol. 25. (1). P. 67–81. <https://doi.org/10.1108/FS-10-2021-0199>

- Auletta F., Kallen R.W., di Bernardo M., Richardson M.J.* Predicting and understanding human action decisions during skillful joint-action using supervised machine learning and explainable-AI // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. (1). P. 4992. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31807-1>
- Bingley W.J., Curtis C., Lockey S., Bialkowski A., Gillespie N., Haslam S. A., Ko R.K.L., Steffens N., Wiles J., Worthy P.* Where is the human in human-centered AI? Insights from developer priorities and user experiences // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 141. P. 107617. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107617>
- Chen C., Chen Z., Luo W., Xu Y., Yang S., Yang G., Chen X., Chi X., Xie N., Zeng Z.* Ethical perspective on AI hazards to humans: A review // *Medicine (United States)*. 2023. Vol. 102 (48). P. e36163. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000036163>
- Chowdhury S., Dey P., Joel-Edgar S., Bhattacharya S., Rodriguez-Espindola O., Abadie A., Truong L.* Unlocking the value of artificial intelligence in human resource management through AI capability framework // *Human Resource Management Review*. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 100899. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2022.100899>
- Chun J., Elkins K.* The crisis of artificial intelligence: a new digital humanities curriculum for human-centred AI // *International Journal of Humanities and Arts Computing*. 2023. Vol. 17 (2). P. 147–167. <https://doi.org/10.3366/ijhac.2023.0310>
- Digilina O.B., Teslenko I.B., Nalbandyan A.A.* The artificial intelligence: prospects for development and problems of humanization // *RUDN Journal of Economics*. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 170–183.
- Kandul S., Micheli V., Beck J., Burri T., Fleuret F., Kneer M., Christen M.* Human control redressed: Comparing AI and human predictability in a real-effort task // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 10. P. 100290. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2023.100290>
- Karanina E.V., Lazareva N.V., Perevozchikova S.M., Smetanina A.I.* Foreign direct investments as a prospective strategy of business integration in the digital economy // *Game Strategies for Business Integration in the Digital Economy*. In the series: *Advances in Business Marketing and Purchasing* / edited by E.G. Popkova. Emerald Publishing Limited. 2023. Vol. 27. P. 267–276. ISBN 978-1-80262-846-3. <https://doi.org/10.1108/S1069-096420230000027026>
- Li H.* Rethinking human excellence in the AI age: The relationship between intellectual humility and attitudes toward ChatGPT // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 215. P. 112401. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112401>
- Lin C.-T.* All about the human: A Buddhist take on AI ethics // *Business Ethics, the Environment and Responsibility*. 2023. Vol. 32. (3). P. 1113–1122. <https://doi.org/10.1111/beer.12547>
- Mairn C., Rosengarten S.* The modern prometheus: How AI is pushing the limits of human knowledge // *Computers in Libraries*. 2023. Vol. 43 (4). P. 9–13.
- Popkova E.G., Bogoviz A.V., Ekimova K.V., Sergi B.S.* Will Russia become a blueprint for emerging nations' high-tech reforms? evidence from a 26-countries dataset // *International Journal of Innovation Studies*. 2023. Vol. 7. No. 4. P. 294–306. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2023.05.001>
- Rainey P.B.* Major evolutionary transitions in individuality between humans and AI // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2023. Vol. 378. P. 20210408. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0408>
- Samieva K.T., Saenko I.I., Menshchikova V.I., Smetanin A.S.* ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green Economy in Russia and Central Asia // *ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia*. In the series: *Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes* / edited by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Springer, Cham. 2023. P. 3–11. ISBN 978-3-031-46525-3. https://doi.org/10.1007/978-3-031-46525-3_1

Santoro E., Monin B. The AI Effect: People rate distinctively human attributes as more essential to being human after learning about artificial intelligence advances // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2023. Vol. 107. P. 104464. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104464>

References

- Agarwal, A. (2023). AI adoption by human resource management: a study of its antecedents and impact on HR system effectiveness. *Foresight*, 25(1), 67–81. <https://doi.org/10.1108/FS-10-2021-0199>
- Auletta, F., Kallen, R.W., di Bernardo, M., & Richardson, M.J. (2023). Predicting and understanding human action decisions during skillful joint-action using supervised machine learning and explainable-AI. *Scientific Reports*, 13(1), 4992. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31807-1>
- Bingley, W.J., Curtis, C., Lockey, S., Bialkowski, A., Gillespie, N., Haslam, S. A., Ko, R.K.L., Steffens, N., Wiles, J., & Worthy, P. (2023). Where is the human in human-centered AI? Insights from developer priorities and user experiences. *Computers in Human Behavior*, 141, 107617. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107617>
- Chen, C., Chen, Z., Luo, W., Xu, Y., Yang, S., Yang, G., Chen, X., Chi, X., Xie, N., & Zeng, Z. (2023). Ethical perspective on AI hazards to humans: A review. *Medicine (United States)*, 102(48), e36163. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000036163>
- Chowdhury, S., Dey, P., Joel-Edgar, S., Bhattacharya, S., Rodríguez-Espíndola, O., Abadie, A., & Truong, L. (2023). Unlocking the value of artificial intelligence in human resource management through AI capability framework. *Human Resource Management Review*, 33(1), 100899. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2022.100899>
- Chun, J., & Elkins, K. (2023). The crisis of artificial intelligence: a new digital humanities curriculum for human-centered AI. *International Journal of Humanities and Arts Computing*, 17(2), 147–167. <https://doi.org/10.3366/ijhac.2023.0310>
- Digilina, O.B., Teslenko, I.B., & Nalbandyan, A.A. (2023). The artificial intelligence: prospects for development and problems of humanization. *RUDN Journal of Economics*, 31(1), 170–183.
- Dubrovsky, D.I. (2022). Epistemological analysis of the socio-humanitarian significance of artificial intelligence innovations in the context of general artificial intelligence. *Philosophical Sciences*, 65(1), 10–26. (In Russ.).
- Golovenchik, G.G. (2022). Digital economy in the Republic of Belarus: modern trends, challenges and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 30(3), 414–428. (In Russ.).
- Kandul, S., Micheli, V., Beck, J., Burri, T., Fleuret, F., Kneer, M., & Christen, M. (2023). Human control redressed: Comparing AI and human predictability in a real-effort task. *Computers in Human Behavior Reports*, 10, 100290. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2023.100290>
- Karanina, E.V., Lazareva, N.V., Perevozchikova, S.M., & Smetanina, A.I. (2023). Foreign direct investments as a prospective strategy of business integration in the digital economy. In E.G. Popkova (Ed.), *Game Strategies for Business Integration in the Digital Economy. In the series: Advances in Business Marketing and Purchasing*. Emerald Publishing Limited, 27, 267–276. ISBN 978-1-80262-846-3. <https://doi.org/10.1108/S1069-096420230000027026>
- Khaddur, Z.A. (2023). Artificial intelligence and human rights: legal and ethical responsibility for damage caused by artificial intelligence technologies. *Law and Management*, (3), 18–23. (In Russ.).
- Khokhlov, Yu.E. (2023). Standards for working with data for artificial intelligence: landscape of standardization of artificial intelligence. *Information society*, 78–96. (In Russ.).
- Korelin, I.M. (2023). The influence of artificial intelligence on the division of labor in the economy and the relationship between market and planning mechanisms in the economy. Development of artificial intelligence in Russia. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 13(6–1), 38–44. (In Russ.).

- Li, H. (2023). Rethinking human excellence in the AI age: The relationship between intellectual humility and attitudes toward ChatGPT. *Personality and Individual Differences*, 215, 112401. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112401>
- Lin, C.-T. (2023). All about the human: A Buddhist take on AI ethics. *Business Ethics, the Environment and Responsibility*, 32(3), 1113–1122. <https://doi.org/10.1111/beer.12547>
- Mairn, C., & Rosengarten, S. (2023). The modern prometheus: How AI is pushing the limits of human knowledge. *Computers in Libraries*, 43(4), 9–13.
- Popkova, E.G., Bogoviz, A.V., Ekimova, K.V., & Sergi, B.S. (2023). Will Russia become a blueprint for emerging nations' high-tech reforms? evidence from a 26-countries dataset. *International Journal of Innovation Studies*, 7(4), 294–306. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2023.05.001>
- Rainey, P.B. (2023). Major evolutionary transitions in individuality between humans and AI. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 378(1872), 20210408. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0408>
- Samieva, K.T., Saenko, I.I., Menshchikova, V.I., & Smetanin, A.S. (2023). ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green Economy in Russia and Central Asia. In E.G. Popkova, B.S. Sergi (Eds.). *ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. In the series: Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes*. (pp. 3–11). Springer, Cham. ISBN 978-3-031-46525-3.
- Santoro, E., & Monin, B. (2023). The AI Effect: People rate distinctively human attributes as more essential to being human after learning about artificial intelligence advances. *Journal of Experimental Social Psychology*, 107, 104464. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104464>
- Shelkovnikov, S.A., & Kuznetsova, I.G. (2022). Conceptual and methodological foundations for the formation of human capital in the context of the transition to digital agriculture. *RUDN Journal of Economics*, 30(1), 110–123. (In Russ.).
- Shvyrvkov, A.I. (2022). Artificial intelligence as a philosophical problem and artificial intelligent systems. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*, 47(4), 670–681. (In Russ.).
- Tregubova, N.D., & Pshegoritskaya, K.F. (2022). The problem of humanizing artificial intelligence technologies in conditions of artificial sociality: the case of the Replika application. *Telescope: journal of sociological and marketing research*, (3), 60–66. (In Russ.).
- Vorobiev V.V. (2022). Criticism of artificial intelligence: features of the legal content of the national concept of artificial intelligence. *Scientist's Tribune*, (9), 46–57. (In Russ.).

Сведения об авторе / Bio note

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: 210471@mail.ru

Elena G. Popkova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Professor of the Department of International Economic Relations, RUDN University. E-mail: 210471@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-187-198

EDN: QKDGQW

УДК 338.012

Научная статья / Research article

Исследование механизма внедрения инноваций в деятельность российских предприятий

А.Л. Чупин¹✉ , А.А.М.А. Рагас² , Ж.С. Чупина¹

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Университет Объединенных Арабских Эмиратов,
Объединенные Арабские Эмираты, 15551, Аль-Айн

✉ Chupin-al@rudn.ru

Аннотация. В условиях глобализации и развития информационных технологий существенно обостряется конкуренция предприятий в национальном и международном масштабах, что обуславливает значимость обеспечения конкурентных преимуществ для любого предприятия за счет инноваций. В современных условиях эффективность инновационной деятельности предприятия и, соответственно, его конкурентоспособность зависит прежде всего от полноты и достоверности бизнес-информации о деятельности контрагентов и условий внешней среды. Ценность информирования о возможных изменениях в бизнес-среде имеет проявление через предупреждение тактических и стратегических ошибок руководства предприятия. Инновационное развитие является основой конкурентоспособности современных экономик, что обеспечивает возможность ускоренного роста на макро- и микроуровнях на основе создания и усиления интеллектуального потенциала в глобальной предпринимательской среде. Несмотря на наличие значительных условий для качественных изменений на инновационной основе, Российская Федерация продолжает находиться в сложном высокотурбулентном периоде нестабильного роста. Поэтому задача отечественной экономической науки состоит в поиске механизмов имплементации современного управления инновационным развитием в практику деятельности предприятий в Российской Федерации, систематизируя и развивая его методологию. Это требует углубленной научной проработки в направлении поиска концептуальных основ активизации инновационного развития предприятий для осуществления технологического скачка в Российской Федерации, в частности на основе привлечения прорывных инноваций, современных концепций управления знаниями, формирования релевантных бизнес-моделей, управления процессами создания высокой

© Чупин А.Л., Рагас А.А.М.А., Чупина Ж.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

добавленной стоимости и использования возможностей информационно-коммуникационных технологий в цифровом пространстве.

Ключевые слова: инновации, НИОКР, отрасли экономики, наукоемкая продукция, российские предприятия, инвестиции

История статьи: поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.; проверена 15 мая 2023 г.; принята к публикации 7 июня 2023 г.

Для цитирования: Чупин А.Л., Рагас А.А.М.А., Чупина Ж.С. Исследование механизма внедрения инноваций в деятельность российских предприятий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 187–198. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-187-198>

Research of the mechanism of innovation implementation in the activities of Russian enterprises

Alexander L. Chupin¹ , Abdelaal Ahmed Mostafa Ahmed Ragas² , Zhanna Chupina¹

¹*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

²*United Arab Emirates University,
Al Ain, 15551, United Arab Emirates*

 Chupin-al@rudn.ru

Abstract. In the conditions of globalization and development of information technologies, the competition of enterprises on national and international scales is significantly aggravated, which determines the importance of ensuring competitive advantages for any enterprise through innovation. In modern conditions, the effectiveness of innovation activity of the enterprise and, accordingly, its competitiveness depends primarily on the completeness and reliability of business information about the activities of counterparties and the conditions of the external environment. The value of informing about possible changes in the business environment has a manifestation through the prevention of tactical and strategic errors of enterprise management. Innovative development is the basis of competitiveness of modern economies, which provides the possibility of accelerated growth at macro- and micro-levels on the basis of creation and strengthening of intellectual potential in the global business environment. Despite the presence of significant conditions for qualitative changes on an innovative basis, the Russian Federation continues to be in a complex highly turbulent period of unstable growth. Therefore, the task of domestic economic science is to find mechanisms for the implementation of modern management of innovative development in the practice of enterprises in the Russian Federation, systematizing and developing its methodology. This requires an in-depth scientific study in the direction of searching for conceptual foundations for the activation of innovative development of enterprises to make a technological leap in the Russian Federation, in particular, on the basis of attracting breakthrough innovations, modern concepts of knowledge management, formation of relevant business models, management of high added value processes and the use of information and communication technologies in the digital space.

Keywords: innovations, R&D, economic sectors, knowledge-intensive products, Russian enterprises, investments

Article history: received April 15, 2023; revised May 15, 2023; accepted June 7, 2023.

For citation: Chupin, A.L., Ragas, A.A.M.A., & Chupina, Zh.S. (2024). Research of the mechanism of innovation implementation in the activities of Russian enterprises. *RUDN Journal of Economics*, 32(1), 187–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-1-187-198>

Введение

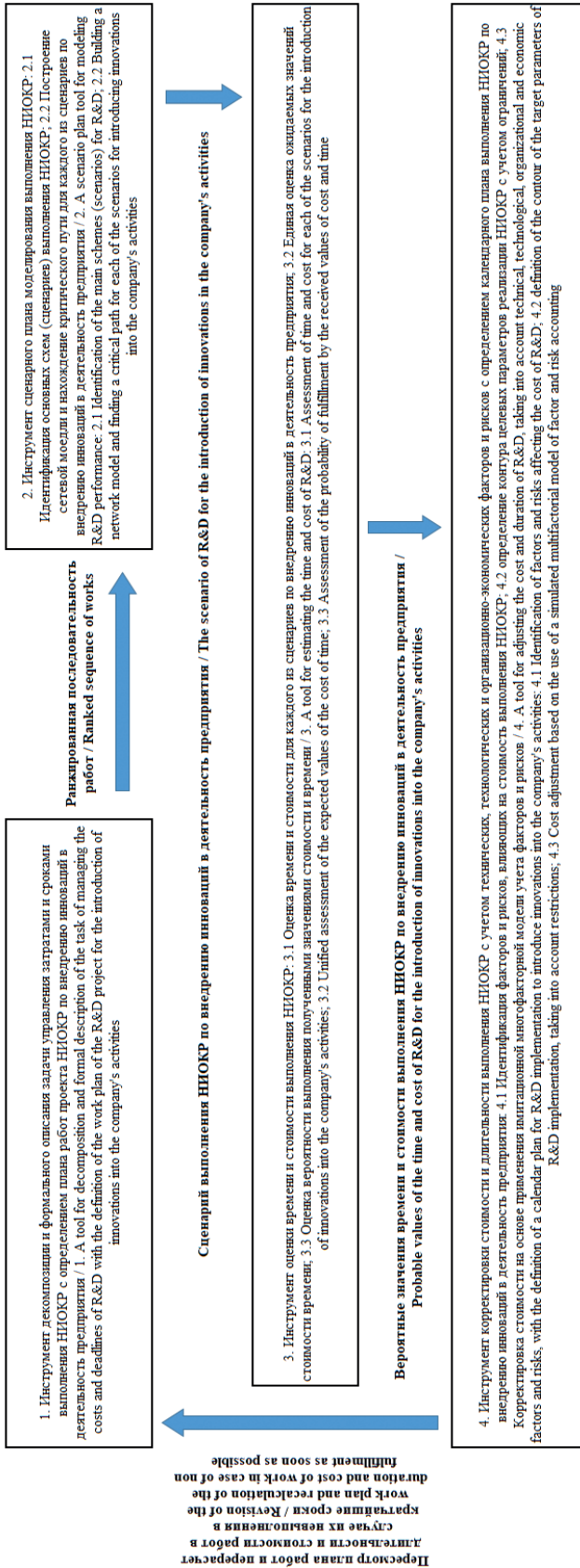
Инновационное развитие любой национальной экономики оценивается на основе обобщающих количественных критериев оценки ее мощности, определяемой с учетом анализа затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее — НИОКР) (Boutellier, Gassmann, von Zedtwitz, 2008). В развитых странах мира такие расходы составляют около 2,5–3 % от ВВП. Ключевой тенденцией последних лет для большинства стран мира является быстрый рост расходов на НИОКР по темпам роста ВВП. Среди ключевых целей стран Европы в последнее десятилетие ведущее место занимает повышение уровня конкурентоспособности ЕС за счет роста доли инвестиций в научную и научно-исследовательскую сферу. В частности, в рамках Лиссабонской стратегии (Макаров В.В. и др., 2011) определена следующая цель: около 3 % ВВП выделяется на выполнение научных исследований и реализацию разработок. Следует заметить, что за последнее десятилетие эта цель была не достигнута. Поэтому она осталась в основе стратегических инициатив, спланированных на следующее десятилетие.

Таким образом, механизм внедрения инноваций в деятельность российских предприятий с учетом рисков осуществляется с применением разработанного алгоритма, приведенного на рис.

В 2021–2023 гг. наблюдается рост ежегодных внутренних расходов на НИОКР. В частности, доля расходов на НИОКР в ВВП в странах ЕС достигла около 2,1 % и остается несколько ниже, чем в Японии (3,38 %), а также США (2,81 %). Среди государств — членов ЕС наиболее «наукоемкими» остаются Финляндия (3,31 %) и Швеция (3,3 %). Одновременно в Словении и Эстонии уровень наукоемкости ВВП был несколько выше среднего в странах ЕС (соответственно 2,59 и 1,91 %).

Кроме того, для успеха инноваций в рамках региональных и национальных стратегий определяющими являются управленческие функции (Демиденко А.А. и др., 2014). Например, развивающиеся страны имеют исследователей и управленцев примерно 1,5 на 1 000 человек трудоспособного населения. Это значительно более низкий показатель, чем в развитых странах (например, в Португалии — 4,8; в Италии — 3,60), которые имеют подобное соотношение и расходы на R&D к ВВП.

Вместе с тем наряду с общеевропейскими и глобальными тенденциями роста расходов на НИОКР в Российской Федерации в последние десять лет наблюдаются довольно противоречивые тенденции, что связано с общей макроэкономической нестабильностью (табл. 1).

Алгоритм внедрения механизма инноваций в деятельность российских предприятий с учетом рисков

Источник: составлено авторами.

Algorithm for introducing the mechanism of innovation in the activities of Russian enterprises, taking into account risks

Source: compiled by the authors.

Таблица 1

Данные ВВП, капитальные и иностранные инвестиции и расходы на НИОКР в Российской Федерации в 2013–2021 гг.

Показатель	Годы								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВВП (в фактических ценах), млрд. руб.	1349,2	1459,1	1522,7	1566,7	1979,4	2383,2	2982,9	3558,7	3974,6
ВВП* (в ценах предыдущего года), %	105,4	100,2	100,0	93,2	90,2	102,4	102,5	103,4	–
Капитальные инвестиции (в фактических ценах), млрд. руб.	259,9	293,7	267,7	219,4	273,1	359,2	448,5	578,7	623,9
Капитальные инвестиции (в ценах предыдущего года), %	118,8	108,5	88,9	75,9	98,3	118	122,1	116,4	–
Капитальные зарубежные инвестиции (в фактических ценах), млрд. руб.	7,2	5,0	4,9	5,6	8,2	9,8	6,2	1,8	–
Объем финансирования НИОКР, млрд. руб.	9,6	10,6	11,2	10,3	11	11,53	13,38	16,77	17,25
Капитальные инвестиции по отношению к ВВП, %	19,27	20,13	17,58	13,83	13,73	15,07	15,04	16,26	–
Капитальные иностраные инвестиции по отношению к ВВП, %	0,53	0,35	0,32	0,35	0,41	0,41	0,21	0,05	–
Доля финансирования НИОКР, % к ВВП	0,65	0,67	0,70	0,60	0,55	0,48	0,45	0,47	0,43
Получены охранные документы в Федеральной службе интеллектуальной собственности, единиц	8757	8552	8432	7864	–	8160	8421	8780	–
в % к предыдущему году	113	98	99	93	–	–	103,2	104,3	–

Источник: составлено авторами.

Table 1

**Data on GDP, capital and foreign investment and R&D expenditures
in the Russian Federation in 2013–2021**

Indicator	Years								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
GDP (In actual prices), bln. rub.	1349.2	1459.1	1522.7	1566.7	1979.4	2383.2	2982.9	3558.7	3974.6
GDP* (In prices of previous year), %	105.4	100.2	100.0	93.2	90.2	102.4	102.5	103.4	–
Capital investments (In actual prices), bln. Rub.	259.9	293.7	267.7	219.4	273.1	359.2	448.5	578.7	623.9
Capital investments (In prices of the previous year), %	118.8	108.5	88.9	75.9	98.3	118	122.1	116.4	–
Capital foreign investments (In actual prices), bln. Rub.	7.2	5.0	4.9	5.6	8.2	9.8	6.2	1.8	–
Amount of R&D financing, bln. Rub.	9.6	10.6	11.2	10.3	11	11.53	13.38	16.77	17.25
Capital investments in relation to GDP, %	19.27	20.13	17.58	13.83	13.73	15.07	15.04	16.26	–
Capital foreign investments in relation to GDP, %	0.53	0.35	0.32	0.35	0.41	0.41	0.21	0.05	–
Share of R&D funding as % of GDP	0.65	0.67	0.70	0.60	0.55	0.48	0.45	0.47	0.43
Protection documents obtained from the Federal Intellectual Property Service, units	8757	8552	8432	7864	–	8160	8421	8780	–
In % of previous year	113	98	99	93	–	–	103.2	104.3	–

Source: compiled by the authors.

Согласно данным и расчетам, представленным в табл. 1, в последние три года абсолютные значения размеров инвестиций, а также их отношение к общему объему ВВП находится практически на одинаковом уровне. Отношение капитальных инвестиций к ВВП в последние 10 лет также не является полностью восходящим: наивысшее отношение зафиксировано в 2012 г. и превысило 20 %, самый низкий уровень этого индикатора характерен для 2018 г. и составил около 14 %. Эксперты в области экономической мысли доказывают, что для целей стабильного экономического роста национальной экономики заслуживает внимания размер инвестиций, которые должны превышать 20 % ВВП. Ситуация в Российской Федерации начиная с 2010 г. находится ниже диапазона нормативного значения, поэтому последние тенденции достаточно противоречивы.

Объемы финансирования НИОКР в течение исследуемого периода продолжают находиться на уровне ниже 1 % валового внутреннего продукта. Одновременно глобальные исследования указанного направления отмечают минимально допустимый уровень расходов на НИОКР на уровне 2 %. Как правило, темпы прироста финансирования НИОКР ниже темпов прироста ВВП национальных экономик. В Российской Федерации, несмотря на то что максимальный объем расходов на НИОКР характерен для 2020 г., самый высокий темп прироста данного индикатора был в 2013 г.

В контексте исследования НИОКР важным индикатором является количество ресурсов, нацеленных на инновационную деятельность в форме патентных заявок и их стоимости с учетом трендов изменения ВВП. В Российской Федерации данные тенденции соответствуют глобальным, признающим уменьшение расходов бизнеса на исследовательскую и инновационную деятельность в периоды рецессии¹.

Важным фактором, влияющим на тенденции управления инновационным развитием бизнеса, является защита прав интеллектуальной собственности, в частности прав на результаты НИОКР. Учитывая это, следует подытожить, что защита прав интеллектуальной собственности на внешнем и внутреннем рынках является важным индикатором эффективности инновационной деятельности предприятия. При условии, что права интеллектуальной собственности недостаточно защищены, предприятия делают выбор в пользу привлечения успешных инновационных решений. Поэтому состояние защиты интеллектуальной собственности является определяющим при выборе направления развития технологий и продуктовой линейки производителя.

Следует заметить, что различия в уровнях защиты прав интеллектуальной собственности формируют разницу в величине иностранных инвестиций в национальную валюту страны в целом (Чень, 2015). Исследования показывают, что наряду с усилением прав защиты на интеллектуальную собственность происходит усиление инновационной активности и активизация технологического прогресса. Однако обычно такие изменения не являются долгосрочными.

¹ Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 2001.

Наряду с этим, согласно последним исследованиям, определено, что параллельное продуцирование инноваций в развитых странах мира и их привлечение извне происходит с преимуществом последнего при условии уменьшения расходов на защиту прав интеллектуальной собственности. Также получили подтверждение положительные влияния достаточной защиты прав на интеллектуальную собственность на усиление тенденций привлечения иностранных инвестиций для нужд национальной экономики. Однако это не дает никаких гарантий в части эффективного распределения привлеченных инвестиций.

В условиях развития рыночной экономики Российской Федерации несколько усложнилась нормативно-правовая база регулирования инноваций, что связано с функционированием около 80 правовых документов для целей регламентации различных сфер научно-технической и инновационной деятельности. Большое количество многоаспектной документации приводит к появлению сложностей при регламентации приоритетов и процессов управления инновационной деятельностью на уровне национальной экономики. Несмотря на приоритетность упрощения и гармонизации нормативно правовой основы регулирования интеллектуальной собственности, операционная и стратегическая активность и управленческие процессы в национальной инновационной системе остаются фрагментированными и недостаточно эффективными. В последние годы получили распространение инновационные инициативы, которые ознаменовались распространением государственного финансирования инновационных программ и проектов соответствующего направления. Однако значительное количество таких проектов не получили желаемого финансирования, учитывая отсутствие соответствующих процедур на стадии парламентского утверждения и негибкость государственного бюджета (Ху, 2021).

Учитывая данные табл. 2, доля объема реализованной инновационной продукции в общем объеме реализации промышленной продукции не является значительной, для индикатора характерны нисходящие тенденции изменения: в 2013 г. такая доля составляла 3,8 %, в то время как в 2021 г. этот индикатор составлял лишь 0,8 %. Недостаточны также объемы экспорта инновационной продукции, что сопровождается также негативными тенденциями: в течение исследуемого периода этот индикатор варьирует от 13,7 % в 2013 г. до 0 % в 2021 г. То есть в последние годы характерны противоречивые тенденции изменения объемов производимой инновационной продукции и ее экспорта. Это приводит к некоторому ослаблению индикаторов инновационности национальной экономики, которые учитываются как на национальном, так и на международном уровне.

В настоящее время существуют также противоречия по теории и практике создания инноваций. В настоящее время фундаментальные прорывные знания создают в основном в области научных исследований. Однако их использование является ключевым для сектора бизнеса. Для развитых стран мира характерно сосредоточение инновационного потенциала именно на уровне бизнеса, в частности малых и средних предприятий.

Таблица 2

**Объем реализации инновационной продукции промышленности
Российской Федерации, 2013–2021 гг.**

Годы	Показатели						
	Общий объем реализации продукции, млрд руб.	в т.ч. инновационной продукции, млрд руб.	в % к общему объему реализованной продукции	Общий объем реализации инновационной продукции за пределы Российской Федерации, млрд руб.	в % к общему объему реализованной продукции	Общий объем реализации продукции, млрд руб. 2019–2021	в % к общему объему реализованной инновационной продукции
2013	1067,1	33,7	3,8	13,7	1,3	–	40,7
2014	1148,2	42,4	3,7	12,6	1,1	–	29,8
2015	1095,7	36,2	3,3	13,4	1,2	–	36,9
2016	1086,7	35,9	3,3	16,1	1,5	–	44,8
2017	1026,8	25,7	2,5	7,5	0,7	–	29,2
2018	1496,0	23,1	1,5	10,8	0,7	–	46,8
2019	–	–	–	–	–	2343,0	–
2020	–	17,7	0,7	5,5	–	2862,31	31,2
2021	–	24,9	0,8	0	–	3300,73	–

Источник: составлено авторами.

Table 2

Sales volume of innovative products of the industry Russian Federation, 2013–2021

Years	Indicator						
	Total volume of product sales, bin rub.	including innovative products, bin rub.	as a % of total volume of products sold	Total sales of innovative products outside the Russian Federation, bin rub.	as a % of total volume of products sold	Total volume of product sales, bin RUB 2019–2021	as a % of the total volume of innovative products sold
2013	1067.1	33.7	3.8	13.7	1.3	–	40.7
2014	1148.2	42.4	3.7	12.6	1.1	–	29.8
2015	1095.7	36.2	3.3	13.4	1.2	–	36.9
2016	1086.7	35.9	3.3	16.1	1.5	–	44.8
2017	1026.8	25.7	2.5	7.5	0.7	–	29.2
2018	1496.0	23.1	1.5	10.8	0.7	–	46.8
2019	–	–	–	–	–	2343.0	–
2020	–	17.7	0.7	5.5	–	2862.31	31.2
2021	–	24.9	0.8	0	–	3300.73	–

Source: compiled by the authors

Так, инновационной деятельностью в 2021 г. занималось 16,42 % предприятий (что является достаточно невысоким показателем по сравнению с развитыми странами). Одновременно максимальную инновационную активность можно наблюдать на фармацевтических предприятиях, где инновационной деятельностью занимались 55,74 % всех предприятий, на предприятиях, производящих компьютеры, электронные и оптические устройства (37,63 %) и предприятиях по производству автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов и других транспортных средств (31,14 %). Наиболее низкая активность характерна для предприятий добывающей промышленности и разработки карьеров (4,74 %) и предприятий, связанных с водоснабжением и переработкой отходов (3,27 %).

Одновременно с этим, предприятия машиностроения также являются достаточно инновационно-активными по сравнению со средними индикаторами по всем отраслям промышленности. Доля инновационных предприятий отрасли отечественного машиностроения составила 29,8 %.

Следует сосредоточить внимание на том, что среди ключевых направлений инновационной активности промышленных предприятий в Российской Федерации наибольшая доля ресурсов приходится на приобретение машин, оборудования и программного обеспечения: в среднем по всем отраслям промышленности в 2021 г. эта величина составляет 41,18 %; предприятия машиностроения тратят 42,01 % средств, направленных на инновационную деятельность. Такая пропорция имела место в течение исследуемых 2011–2021 гг.: максимальная доля предприятий, которые расходуют максимальный размер ресурсов на закупку машин, оборудования и программного обеспечения, — их доля существенно не меняется и составляет в среднем около 50–60 %. Одновременно из года в год растут расходы на обучение и переподготовку персонала и приобретение других внешних знаний. Следовательно, НИОКР в большинстве своем не имеют достаточного прикладного значения.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал недостаточно высокий уровень инновационности по всем отраслям промышленности Российской Федерации: инновационной деятельностью в 2021 г. занималось только 16,42 % предприятий. В то же время максимальную инновационную активность наблюдаем в сегменте фармацевтических предприятий (55,74 %), производителей компьютеров, электронных и оптических устройств (37,63 %), автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов и других транспортных средств (31,14 %) и в машиностроении в целом — 29,8 %. То есть предприятия отрасли машиностроения являются достаточно инновационно-активными, по сравнению со средними индикаторами по всем отраслям промышленности.

При практическом применении представленного алгоритма внедрения экономического механизма на рис. 1 можно формализовать задачу управле-

ния выполнением НИОКР, сформировать сетевую модель выполнения НИОКР, определить критический путь выполнения, рассчитать оптимальную величину стоимости и сроков выполнения НИОКР и скорректировать их с учетом динамично изменяющихся технических, технологических и организационно-экономических факторов.

Список литературы

- Демиденко А.А., Демиденко И.А., Демиденко А.И. Инновации повышения качества продукции как фактор обеспечения конкурентоспособности российских предприятий // Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции «Инновационная политика предприятий». М.: РУДН, 2014. С. 122–131.
- Герасимова В.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности промышленного предприятия. КНОРУС, 2018. С. 123
- Макаров В.В., Цатурова Р.Г., Мазурова М.М., Горбачев В.Л. Менеджмент в телекоммуникациях. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2011. С. 372 с.
- Тюлин А., Чурсин А.А. Опережающее развитие и устойчивость бизнеса в условиях кризисов и трансформации мировых экономик. Таллин: EurAsian Scientific Editions Ltd, 2022. С. 467.
- Boutellier R., Gassmann O., von Zedtwitz M. *Managing Global Innovation: Uncovering the Secrets of Future Competitiveness*. 3rd Revised ed. Springer, 2008. P. 626.
- Chen Xinqiao. *Innovation Process Management of High-tech Enterprises // Economics and Management*. 2015. Vol. 19. No. 5, P. 65–66.
- Chursin A.A., Chupina, Zh.S., Ostrovskaya A., Boginsky A. The Creation of Fundamentally New Products as a Factor of Organizations' Sustainable Economic Development // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. P. 9747.
- Chupina Zh.S., Chursin A.A., Boginsky A., Kvasov I. Sustainable Economic Development of Enterprises: A Methodology Based on the Toolkit // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. P. 12682.
- Hu Guiyu. Improve the Innovation Management Mechanism of High-tech Organizations under Modern Economic Conditions-Case study of Huawei's Innovation Competency Management // *Management Accounting*. 2021. No. 3 Part 2. P. 527–534.

References

- Boutellier, R., Gassmann, O., & von Zedtwitz, M. (2008). *Managing Global Innovation: Uncovering the Secrets of Future Competitiveness*. 3rd Revised ed. Springer. 626 p.
- Chen, Xinqiao. (2015). Innovation Process Management of High-tech Enterprises. *Economics and Management*, 19(5), 65–66.
- Chursin, A., Chupina, Z., Ostrovskaya, A., & Boginsky, A. (2023). The Creation of Fundamentally New Products as a Factor of Organizations' Sustainable Economic Development. *Sustainability*, 15, 9747.
- Chupina, Z., Chursin, A., Boginsky, A., & Kvasov, I. (2023). Sustainable Economic Development of Enterprises: A Methodology Based on the Toolkit. *Sustainability*, 15, 12682.
- Demidenko, A.A., Demidenko, I.A., & Demidenko, A.I. (2014). Innovation of product quality improvement as a factor in ensuring the competitiveness of Russian enterprises. In *Collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference (International Specialized Exhibition "Stankostroenie — 2014") "Innovation policy of enterprises"* (pp. 122–131). Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Gerasimova, V.D. (2018). *Analiz i diagnostika finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya: uchebnoe posobie*. Moscow: KNORUS. 123 p. (In Russ.).

- Hu Guiyu. (2021). Improve the Innovation Management Mechanism of High-tech Organizations under Modern Economic Conditions-Case study of Huawei's Innovation Competency Management. *Management Accounting*, (3). Part 2, 527–534. <https://doi.org/10.25806/uu3-22021527-534>
- Makarov, V.V., Tsaturova, R.G., Mazurova, M.M., & Gorbachev, V.L. (2011). *Management in telecommunications*. 2nd ed., revision and addendum. St. Petersburg. 372 p. EDN: QVFAED. (In Russ.).
- Tyulin, A. (2022). *Chursin. Advanced development and sustainability of business in the conditions of crises and transformation of world economies*. Tallinn: EurAsian Scientific Editions Ltd. P. 467. (In Russ.).

Сведения об авторах / Bio notes

Чупин Александр Леонидович, доцент кафедры международных экономических отношений ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-0804-8039. E-mail: chupin-al@rudn.ru

Alexander L. Chupin, Associate Professor of International Economic Relations, RUDN University. ORCID: 0000-0002-0804-8039. E-mail: bbur50@yahoo.com

Рagas Абделааль Ахмед Мостафа Ахмед, доцент Факультета бухгалтерского учета и финансов, Университет Объединенных Арабских Эмиратов, 15551, Аль-Айн, Объединенные Арабские Эмираты. ORCID: 0000-0002-7897-7028. E-mail: bbur50@yahoo.com

Abdelaal Ahmed Mostafa Ahmed Ragas, Associate Professor Accounting and Finance Department, United Arab Emirates University, 15551, Al-Ain, United Arab Emirates. ORCID: 0000-0002-7897-7028. E-mail: bbur50@yahoo.com

Чупина Жанна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-1542-989X. E-mail: lemesheva-zhs@rudn.ru

Zhanna Chupina, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor, Customs Department, RUDN University. ORCID: 0000-0003-1542-989X. E-mail: lemesheva-zhs@rudn.ru